

А. Гребнев
Б. Добродеев
Л. Кулиджанов

КАРЛ

Сценарий
многосерийного
телефильма

МАРКС
МОЛОДЫЕ
ГОДЫ

А. Гребнев
Б. Добролюбев
Л. Кулиджанов

КАРЛ МАРКС

МОЛОДЫЕ ГОДЫ

KARL
MARX

А. Гребнев
Б. Добродеев
Л. Кулиджанов

МОЛОДЫЕ ГОДЫ

*Сценарий
многосерийного
телефильма*

Москва
«Искусство»
1982

ББК 85.6
Г79

Г $\frac{4702010200-017}{025(01)-82}$ 91-82

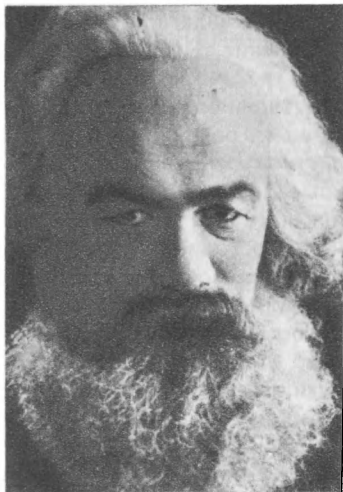
© Издательство «Искусство», 1982 г.

Оглавление

Глава первая	7
Глава вторая	29
Глава третья	55
Глава четвертая	81
Глава пятая	101
Глава шестая	123
Глава седьмая	145
<i>Ст. Никоненко. Утро гения</i>	168
Фильмографическая справка	174

Глава первая

На экране возникает привычный, знакомый с детства образ. Окладистая борода, высокий лоб, черный сюртук, монокль на шнурке. Карл Маркс — мыслитель и революционер. Автор «Капитала». Маркс — такой, каким мы его знаем по портретам.

Он сидит, удобно расположившись в кресле. Не торопясь, размышляя, начинает свой рассказ:

— Я родился в старинном немецком городе Трире на Мозеле в 1818 году... Нас было восемь братьев и сестер, и отец наш, испытавший в свое время бедность и лишения, очень хотел, чтобы каждый из нас, детей, получил хорошее образование и занял достойное положение в обществе... В 1835 году, семнадцати лет, я окончил Трирскую гимназию и отправился в Бонн, в университет, где по желанию отца должен был изучать юридические науки. Это был первый год моей самостоятельной жизни...

По улицам старого немецкого города движется фиакр. Улица, за ней другая. Аккуратные дома, вывески; сквер, обнесенный чугунной оградой. Мы в Бонне — городе на берегу Рейна, в Бонне тихих улиц, где все дышит покоем и достоинством, с редкими прохожими и вот этим неторопливым фиакром. Скрип колес и цоканье лошадиных копыт.

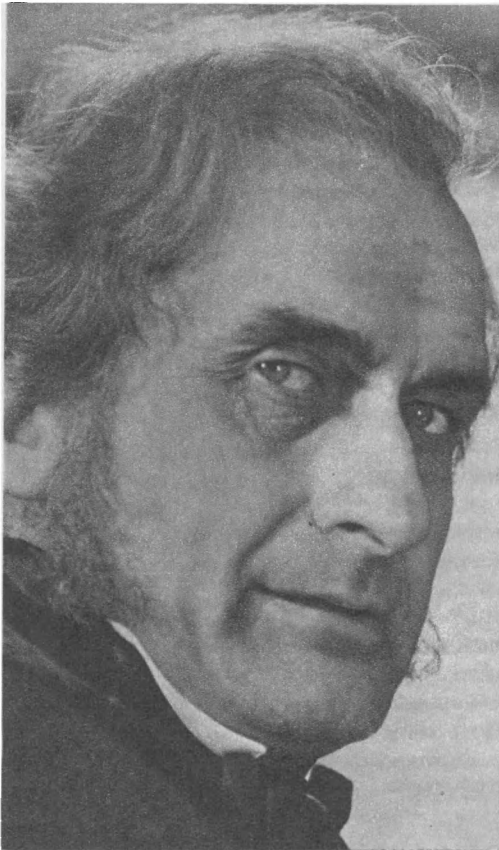
Пожилой господин в цилиндре — пассажир фиакра — несуетливым взглядом следит за дорогой, за улицей, не проявляя ни излишнего интереса, ни спешки... Вот наконец нужный дом, цель его путешествия, и пожилой господин сходит на тротуар, принимает у кучера свой саквояж, аккуратно расплачивается и неторопливо входит в парадное.

Деревянная скрипучая лестница приводит его на второй этаж, здесь он переводит дух и дергает шнур звонка.

Полная дама осторожно высовывает голову из-за двери.

— Что угодно господину?

— Прошу прощения. Мой сын снимает у вас комнату.

Генрих Марк
(М. Цетче)

— Господин юстиции советник? — спохватывается женщина. — Пожалуйста, входите... К сожалению, господин студент в данное время отсутствует...

— Отсутствует?

— Да... Но я прошу вас, окажите честь... Проходите, пожалуйста, — настаивает женщина, видя замешательство гостя. — Вы, вероятно, с дороги, такой длинный путь... Вот сюда, пожалуйста, в эту дверь... Господин студент, вероятно, задерживается. Это, увы, случается в таком молодом возрасте...

Но вид гостя, выражение его лица не располагают к приятным разговорам и улыбкам. Господин юстиции советник медленно оглядывает комнату сына. То, что он здесь видит, по крайней мере достойно сожаления. Нагромождение книг на стульях и на столе, здесь же — и окурки, не уместившиеся в пепельнице, и плохо скрепленная, распавшаяся рукопись, один из листков которой полетел на пол, когда открывалась дверь. Сейчас господин советник нагнулся за этим листком.

— Господин студент строго запретил мне наводить порядок в его комнате, — извиняющимся тоном сообщает хозяйка.

Гость между тем заинтересовался листком, затем — всю рукопись: взял ее в руки, чему-то удивился. Взглянул в сторону хозяйки.

— Если вы не возражаете, я бы немного отдохнул, — замечает господин советник.

Хозяйка понимающе кивает и удаляется.

Впрочем, тут же входит снова.

— Чашечку кофе?

— Да, благодарю вас, — рассеянно отвечает гость.

После небольшой заминки он решительно принимается за наведение порядка. Вытряхивает пепельницу в корзинку для бумаг, берется за книги, ставит их в ряд, одну к другой. Освободив угол дивана, садится, вытирает пот со лба.

На вечерней улице старого Бонна — компания загулявших студентов. Они идут шумной ватагой, заняв всю ширину улицы,

спугивая редких прохожих на своем пути. Вот в одном из домов открылось окно, выснулась голова, раздался голос:

— Вы когда-нибудь прекратите это безобразия? Мешаете людям спать!

Вся компания остановилась в удивлении, задрав головы. На секунду стало тихо, потом кто-то спросил ехидно:

— Кому это мы мешаем? А ну, покажись, старый колпак!

Голова скрылась. За ней захлопнулись ставни. Раздался смех. Компания еще постояла под окном и затем двинулась дальше — теперь уже с песней на всю улицу!

Но вот снова остановка. Один из молодых людей в тревоге смотрит на окно во втором этаже дома. В окне свет. Мелькнула чья-то тень.

— Братцы, у меня там кто-то есть!

— Девушка, кто же еще!

— Это надо проверить!

— Только не очень задерживайся!

Но молодому человеку не до шуток. Покинув приятелей, он направляется к парадному.

Вслед ему кричат:

— Поскорее, Карл, мы тебя ждем!

В комнате горит свеча. Генрих Маркс неподвижно сидит в кресле.

— Отец! — тихо зовет Карл.

Он стоит на пороге. Осторожно прикрыл за собой дверь.

Старый Маркс внимательно смотрит на сына. Вероятно, он с печалью размышляет сейчас о губительном легкомыслии молодости. Вид Карла достаточно красноречив; лицо потно от беготни. Он сдерживает дыхание, стараясь выглядеть спокойным, но это уж совсем смешно.

— Здравствуй, Карл!

Они наконец расцеловались.

— От тебя так долго нет писем, — сказал отец. — Ты совсем забыл о нас. Мы с матерью не знали, что и думать. Вот я и приехал...

— Ты ел что-нибудь? — забеспокоился Карл.

— Да, спасибо. Твоя хозяйка сварила мне кофе... Теперь я, впрочем, понимаю, что при твоей необыкновенной занятости, — отец обвел взглядом комнату, — выкроить час-другой для письма довольно трудно.

— Да, папа, я виноват... Скажи, как ты себя чувствуешь? Как мама? Как Софи? Видишь ли ты Женни?

Отец молча кивает.

— Да, — говорит он, — Женни передает тебе привет. Она просит, чтобы ты писал ей, может быть, не так длинно, но и не так редко... Она, естественно, не знает о твоей чрезвычайной занятости...

— Да, папа, представь себе, совершенно не остается времени, — словно и не замечая иронии, отвечает Карл. — Я без твоего разрешения записался еще на два курса лекций — к профессору Шлегелю и профессору Альтону. Теперь у меня шесть циклов — это, согласись, немало. Но что поделаешь — поле знаний, как ты сам говоришь, неизмеримо, а время, увы, ограничено...

Что это — ирония?.. Генрих Маркс внимательно смотрит на сына.

— Не слишком ли большая нагрузка? Лекции профессора Альтона...

— Да. Новейшая история искусств.

— Очень хорошо. Я вовсе не сторонник того, чтобы юрист ограничивал себя только юриспруденцией. Это справедливо...

— Тем более что юридические науки все-таки довольно скучны, — продолжает Карл, подходя к окну.

— Скучны? — с удивлением спрашивает Генрих Маркс. — По сравнению с чем?.. Твоя многосторонность, конечно, похвальна, но не слишком ли много всех этих сторон? Я бы все-таки постарался сосредоточиться.

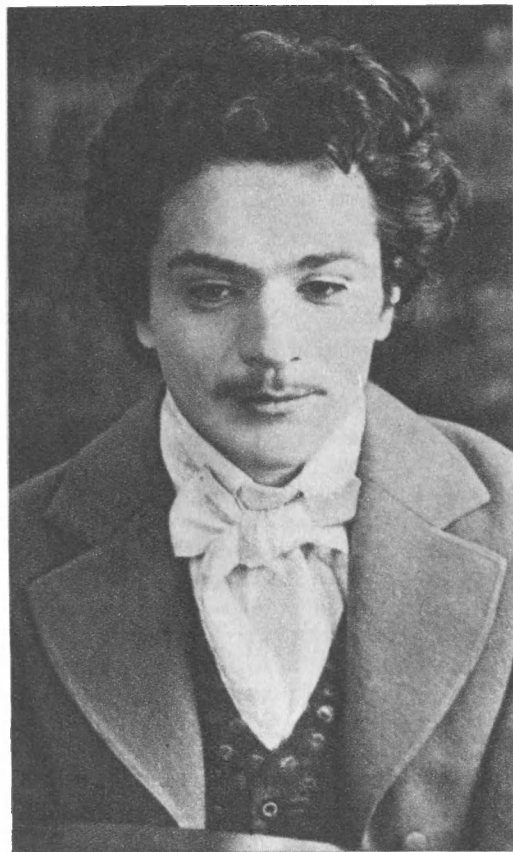
Карл отвечает, глядя в окно:

— Хорошо, папа.

— Скажи, пожалуйста... а эти твои расходы — это тоже следствие твоей многосторонности? (И что он там увидел, в этом окне?) Ты должен уходить?

— Нет-нет.

Там, за окном, все еще стоит компания студентов. Ждут Карла.

*Карл Маркс
(Венцеслав Кисев)*

— За четыре месяца ты потратил больше, чем я заработал за всю осень, — продолжает отец.

— Да, это так, — соглашается Карл.

— Старайся все-таки, чтобы счета были покороче, а цифры поменьше. Занятие не из приятных, но и феодальное пренебрежение к деньгам, по-моему, столь же непривлекательно... Это не за тобой пришли? — спрашивает отец, услышав шум с улицы.

— Нет, — хладнокровно отвечает Карл.

— У вас всегда так оживленно после полуночи? — Генрих Маркс иронически смотрит на сына. — И все-таки объясни мне, пожалуйста, сделай милость, что это за расходы. Ты делаешь долги?

— Да, папа.

— И деньги, которые я послал тебе в прошлом месяце, — это тоже долг?

— Ты хочешь, чтобы я отвечал откровенно?

— Разумеется.

— Это пивной долг.

— Какой?

— Пивной... Видишь ли, существуют известные правила пивного конвента...

— Что ты говоришь! Какого конвента?!

— Пивного. Ты сам просишь меня быть откровенным! Пивного конвента. Существует кодекс, целая система штрафов, которые порой вынужден платить тот или иной человек, особенно если он избран в число президентов.

— Каких еще президентов? — Генрих Маркс смотрит с ужасом на сына. — Президентов чего? Что ты болтаешь! Мне придется, вероятно, просить о твоем переводе в другой университет.

— Это было бы очень обидно, — замечает Карл. — А президент, если тебе это интересно, есть лицо, на которое товарищи возлагают заботу об охране их чести и достоинства. Это не так мало. По крайней мере господа аристократы знают сейчас, что их титулованные уши могут быть в случае чего обстрижены.

— Каким же образом?

— При помощи шпаги, — хладнокровно сообщает Карл.

— Ну, я думаю, благоразумный человек всегда легко и прилично избегнет такого положения, когда пришлось бы обращаться к помощи шпаги, — замечает отец. — Видишь ли, Карл, — он делает внушительную паузу: разговор серьезен, — рано или поздно наступает время, когда кончается отцовская власть... Но при этом не кончается отцовская любовь! Это противоречие неизбежно, и оно создает немислимо сложную и в чем-то даже трагическую ситуацию, которую ты когда-нибудь поймешь и оценишь... Наш жизненный опыт ничего не стоит, он вам не нужен, вам нужен свой собственный... Предостерегать от ложных шагов? Поучать? И чего ради? Чтобы тебя слушали с почтительной миной, скрывая при этом зевоту?.. Нет. Только хочу сказать тебе — не в качестве назидания, а чтобы ты это знал и помнил: у нас с тобой нет поместий, которые бы нас кормили, нет титулов, которые защищали бы наше человеческое достоинство... Все, чем мы владеем в этом мире, — это наша профессия, скучна она или нет, и усердие разума и рук наших, собственных рук, и ничего больше. Хочу, чтоб ты это знал и помнил... — Он смотрит на сына. — А теперь — иди... Иди, они ждут тебя!

Пожилой Маркс. Маркс, рассказывающий нам историю своей жизни:

— Мой бедный отец... Он о многом догадывался, но не знал всего! В те дни я был вызван на дуэль и должен был драться, отстаивая честь своего землячества. К тому времени я уже успел отсидеть сутки в карцере за нарушение тишины в ночное время... Я был юн, достаточно легкомыслен и к тому же давно и отчаянно влюблен!..

Женни фон Вестфален за клавирами.

Ей двадцать два года. Она первая красавица Трира, любимая дочь своего отца. Молодость, красота, природный ум, успех и достаток — все, о чем может мечтать девушка ее круга, есть у нее.

Сейчас Женни играет сонату Моцарта. Где-то в другом конце тихого родительского дома скрипнула дверь, раздались шаги, затем голоса. Она перестает играть и прислушивается.

— Да, конечно, — говорит женский голос. — И фрейлейн дома... Пожалуйста, проходите, я доложу...

Мужской голос отвечает:

— Спасибо.

И тут Женни замерла, напряглась, положив руки на колени и вытянув шею.

— Карл, мальчик мой! — слышится уже совсем близко голос ее отца.

В парадном сюртуке, строгий, подтянутый, никаких следов бурной студенческой жизни, сама скромность — остановился юноша Маркс на пороге гостиной, под пристальным взглядом хозяина дома.

— Ты стал совсем взрослым! Ну, здравствуй, рад тебя видеть. Как ты вырос... В детстве время тянется так медленно, не правда ли? Так и хочется его поторопить! Ну, идем ко мне! Я буду говорить тебе по-прежнему «ты», надеюсь, ты не осудишь меня за фамильярность? — говорит старый фон Вестфален, продолжая разглядывать Карла и увлекая его за собой в кабинет.

Здесь он усаживает его и сам удобно устраивается напротив, в кресле, в предвкушении приятной беседы.

— Как ты живешь, расскажи! Что читаешь, о чем думаешь? Твой отец очень доволен тобой. Он хвалит тебя, и, надеюсь, искренне... Впрочем, он находит у тебя избыток темперамента. — Вестфален пытливо всматривается в лицо юноши. — Он считает, что это может послужить помехой в изучении юридических наук. Ну что ж, тем хуже для юридических наук, не правда ли? Это ведь не самая интересная материя в нашей жизни. Хорошо, что он нас не слышит!

И — вошедшему слуге:

— Кофе, кофе нам, пожалуйста! И закройте там все двери. Меня нет!

Установив таким образом атмосферу полного дружеского доверия, хозяин дома приступает к заветной теме. Тема эта — книги. Молча он достает с полки томик, многозна-

чительно подняв палец. Еще один том берет с другой полки, кладет оба перед гостем, а сам идет за третьим.

— Пишешь ли ты стихи?

— Временами.

— А как у тебя с английским?

— Читаю с помощью словаря.

— Неужели вам все еще забывают голову латынью?.. Возьми-ка вон там лестницу. Сейчас я тебя кое-чем удивлю... Я не спросил, располагаешь ли ты временем?

— Да, конечно.

— Ты, наверно, хочешь повидать Женни?

— Если это возможно.

— Это вполне возможно... Вот теперь поднимись... Нет, это не здесь, пониже. Видишь эту книгу? Правее. Еще правее... Что это такое?

— Шекспир?

— Шекспир! Это не просто Шекспир, Шекспир в подлиннике! Первое издание «Шейлока»!

Молоденькая служанка принесла кофе. Оставила на столике. Уходит.

— Ленхен, — останавливает ее Вестфален, — если фрейлейн Женни у себя, попроси ее зайти.

Карл застывает на лестнице с книгой в руках. Смотрит на дверь, за которой только что скрылась служанка.

— Обрати внимание на год издания, — снова обращается к нему Вестфален. — Я получил этот экземпляр из Лондона. Он стоит немалых денег...

Входит Женни. Остановилась.

— Карл? Здравствуй.

— Здравствуй, Женни.

— Я очень рада видеть тебя у нас.

— Я тоже.

— Ты приехал на каникулы?

— Да.

— Это очень хорошо.

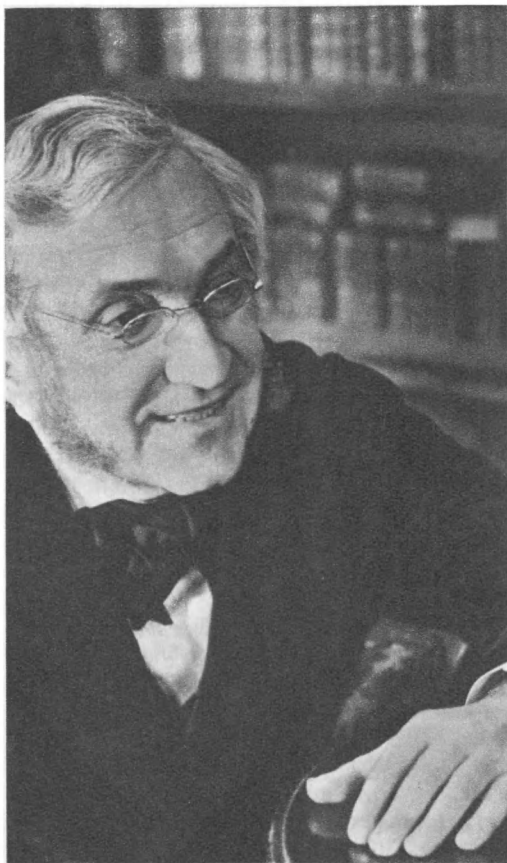
— Я того же мнения.

Женни смотрит на Карла — снизу вверх.

— Может быть, ты слезешь?

— Да. Конечно.

Карл сходит наконец с лестницы. В руках у него книга. Он вручает ее Вестфалену.

Тот замечает осторожно:

— Боюсь, что мы сегодня не сможем заняться Шекспиром. Хотя, как видишь, это очень редкое издание... Я не знаю, какие планы у Женни, — говорит он, взглянув на дочь, — но вы могли бы погулять.

— Спасибо, папа, но я немного простужена.

— Я тоже что-то кашляю... — подхватывает Карл.

Кажется, они решили переупрямить друг друга. Вестфален смотрит на Карла.

— Ты уже куришь?

— Иногда.

— Обычно я лечусь от простуды свежим воздухом.

— Папа, Карлу свежий воздух не нужен, — тут же замечает Женни.

Старик Вестфален переводит взгляд с дочери на Карла и затем опять на дочь, тщето пытаясь разгадать эту игру.

— В таком случае вы можете остаться здесь и посмотреть книги.

— Спасибо, папа. Ты доставишь Карлу большое удовольствие.

Отец уходит. Женни и Карл остаются одни. Не говоря ни слова, стоят поодаль друг от друга. Углубились в книги, каждый в свою.

— Ты сердисься, что я редко писал, — наконец произносит Карл, все еще глядя в книгу. — Прости меня. Так сложилось. Я не забывал о тебе...

Женни молчит.

— Я о тебе думал. Всегда!.. Постоянно!.. Я говорил с тобой... Женни! Женнихен! Женни не отвечается.

— И я все равно от тебя не отступлюсь, ты это знай, — продолжает он, не поднимая головы от книги. — Это решено.

Теперь он поднял глаза. Но взгляда ее не встретил.

Женни стоит по-прежнему с книгой, уткнувшись в нее и словно не слыша никаких слов.

— Женни!

Он смотрит на нее в тревоге. Женни не отвечается.

И тогда он делает шаг к ней. И еще шаг.

*Женни фон Вестфален
(Рената Блюме)*

И — с книгой в руке, не успев даже отложить книгу, — горячо привлекает Женни к себе.

— Что ты делаешь! — только успевает вскрикнуть Женни, но он уже прижался к ее губам.

Она вырвалась, отбежала. Смотрит на него в испуге. Пытается собрать растрепавшиеся волосы.

— Не смей! Никогда не смей так делать!

Дверь открывается, в комнату деловито входит служанка. Ленхен пришла за кофейным прибором. Вид молодых господ явно смутил ее. Она сразу отводит взгляд и, кажется, краснеет. Избегая смотреть в их сторону, она направляется к столику, где стоят на подносе нетронутые чашки.

— Я уберу? — спрашивает она, не решаясь обернуться. — Может быть, принести вам горячего?

И, не получив ответа, быстро-быстро, бочком, не поднимая глаз, идет к двери.

Они оба растерянно смотрят ей вслед.

На экране — Карл Маркс семидесятых годов, Маркс, который вспоминает свою жизнь:

— В этом доме на Римской улице Трира, в старом доме семьи Вестфаленов, прошли самые счастливые дни моей юности. Наши семьи дружили, этому не мешала разница происхождения. Потомственный аристократ, тайный советник Людвиг фон Вестфален был близким другом моего отца и моим другом.

Старинные фамильные портреты в золоченых рамах.

За обеденным столом собралась вся семья Вестфаленов. Здесь же гости — Генрих Маркс с сыном.

Карл и Женни сидят в разных концах стола: Женни — рядом с братьями, а Карл — с отцом. Диалог между ними невозможен. Но этот диалог не прекращается. Стоит только Женни поднять глаза, как она встречает словно нечаянно брошенный на нее взгляд Карла.

— Наши знания и размышления чаще всего обращены в прошлое, — говорит тем временем хозяин дома. — Мы ищем приют в воспоминаниях... А они, — Вестфален кивает в сторону Карла, — хотят померяться силами с будущим! И как иногда хочется угадать, на что же они способны!..

Генрих Маркс кивает задумчиво и смотрит на сына.

— У меня, дорогой мой Вестфален, признаюсь вам, скромные запросы. Своего сына я хочу видеть всего-навсего счастливым человеком. Я не честолюбив... Ваше здоровье, мой дорогой друг!

Хозяева и гости поднимают бокалы.

Фон Вестфален:

— Будем смотреть на вещи философски. Сын, промотавший отцовское наследство, — это, дорогой мой Генрих, такой же вечный сюжет, как история о бедном Дон Жуане. Наследство проматывают, и с этим надо смириться, — я имею в виду и духовное наследство, всю эту сумму жизненных правил, которую мы пытаемся передать нашим детям...

— Я не честолюбив, — повторяет Генрих Маркс. — Мне достаточно, если мой сын станет хорошим юристом — эта профессия даст ему необходимое положение в обществе и независимость, хотя бы в материальном плане... Должен сказать, что доволен Карлом. Иногда я навещаю его в Бонне и всякий раз застаю его за серьезными занятиями...

Быстрый взгляд Карла в сторону отца.

— Это делает ему честь... — вступает в разговор Фердинанд, старший сын барона Вестфалена от первого брака, сводный брат Женни. — В его годы, знаю это по себе, не так-то легко устоять против всех соблазнов, а тем более в таком заповеднике трезвости, как Боннский университет. Как это тебе удается? Ты не боишься выглядеть белой вороной среди своих товарищей?

— Я думаю, что благоразумный человек всегда сумеет легко и прилично выйти из любой шекотливой ситуации, — говорит Карл, с трудом сдерживая улыбку. — А кроме того, я не знаю, что вы конкретно имеете в виду?

— Я имею в виду, — тем же нравучительным тоном продолжает Фердинанд, — тот образ жизни, который, по-моему, совершенно сознательно насаждается в наших университетах, хотя формально он вроде бы не одобряется. Все эти ваши пьянки, похождения — обратная сторона той же муштры. Это все история послушного филистера, которому дали в молодости перебеситься. Оригинальный метод воспитания!..

Голос Маркса-рассказчика комментирует за кадром:

— Фердинанд фон Вестфален пока полон иронии и либеральных идей. А ведь он вынашивает честолюбивые планы и не чужд аристократического чванства, ему еще предстоит стать министром в самом реакционном правительстве Пруссии.

— Ты у нас известный якобинец, — замечает с улыбкой Людвиг фон Вестфален. — Я, однако, не думаю, чтобы общество ставило перед собой специально такие цели. И в конце концов все зависит от человека, от его собственных жизненных стремлений, если у него таковые есть. И в этом смысле меня радует устойчивость нашего Карла. Кстати, дорогой мой Генрих, я совсем не нахожу, что ваш сын страдает избытком темперамента. Он, скорее, даже слишком рассудителен в свои восемнадцать лет.

— Да-да, — кивает задумчиво Генрих Маркс, в очередной раз поймав взгляды

Карла и Женни. — Да, конечно... И знаете, дорогой друг, я пришел к выводу, что Боннский университет — не место для такого серьезного молодого человека. Я думаю, моему сыну лучше продолжить свое образование в Берлине.

Лица Карла и Женни застывают в тревоге.

— Это, конечно, намного дальше от дома, и мы, к сожалению, не сможем видеть тебя так часто, как хотелось бы, — продолжает, глядя на сына, Генрих Маркс, — но думаю, что это разумное решение.

И уже твердо:

— Да, Карл. Ты поедешь в Берлин.

Старый Трир. Городской парк. На невысокой эстраде играет духовой оркестр. Музыканты в военной форме. Толстый капельмейстер в мундире офицера прусской армии отрешенно помахивает дирижерской палочкой. Вальс.

Карл, Женни и Софи приближаются к скамьям перед оркестром, находят свободную скамейку. Софи — сестра Карла, старшая сестра — ей двадцать лет. Но сейчас это не имеет значения — ей отведена роль безгласной спутницы, и она это знает. Брат обращается с ней без церемоний.

— Ты посидишь с нами?

— Пожалуйста, я отодвинусь, — отвечает Софи. — Нужны мне ваши секреты! Женни удерживает ее.

— Странно, — замечает Карл, — время как будто остановилось: все тот же парк, все те же люди, и старый Баумгартнер все размахивает своей палочкой... Интересно, сколько ему лет?

Женни с улыбкой смотрит на Карла:

— Ну так какую же тайну ты хотел мне поведать?

Карл поворачивается к ней:

— Я уезжаю, Женни.

— Но это уже не тайна, мой дорогой. — Женни старается не смотреть на него. — Мне кажется, твой отец принял разумное решение, и ты должен отнестись к нему с пониманием.

— Так же спокойно, как и ты?

— Нет, Карл, поверь, я тоже очень огорчена. Но, видимо, наступает время, когда кончается детство и приходят совсем другие заботы. — Она произносит это все в том же тоне грустной рассудительности. — Все становится серьезнее и, может быть, скучнее... — И вдруг не очень ловко переводит разговор на другую тему: — Этот бедный Баумгартнер... У него ведь в прошлом году умерла жена.

Меланхолично машет палочкой толстый капельмейстер.

— Постой! Что ты хочешь сказать?! — Взгляд Карла мечет молнии. — Что наши отношения, те, что были до сих пор, — это детская забава? Что теперь мы взрослые и все должно быть по-другому? Да, я тоже так думаю. Мы должны пожениться!

— Видишь ли, Карл... — Женни словно и не слышала только что сказанных слов. — Этот год, я думаю, многое определил. И для меня и для тебя. Для нас обоих. Этот год показал, что ты можешь спокойно прожить и без меня...

— Но я приехал к тебе! Разве ты не помнишь, как мы расставались? Так что же изменилось с тех пор?!

— Мы оба.

Карл смотрит на сестру.

— Софи, уйди на минутку!

И, оставшись наконец наедине с Женни, берет ее за руку.

— Женни, ты будешь моей женой. Я говорю сейчас совершенно серьезно. Мы обвенчаемся.

— Хорошо, Карл. — Женни кивает ему успокоительно. — Мы это сделаем, непременно. Как только ты окончишь университет.

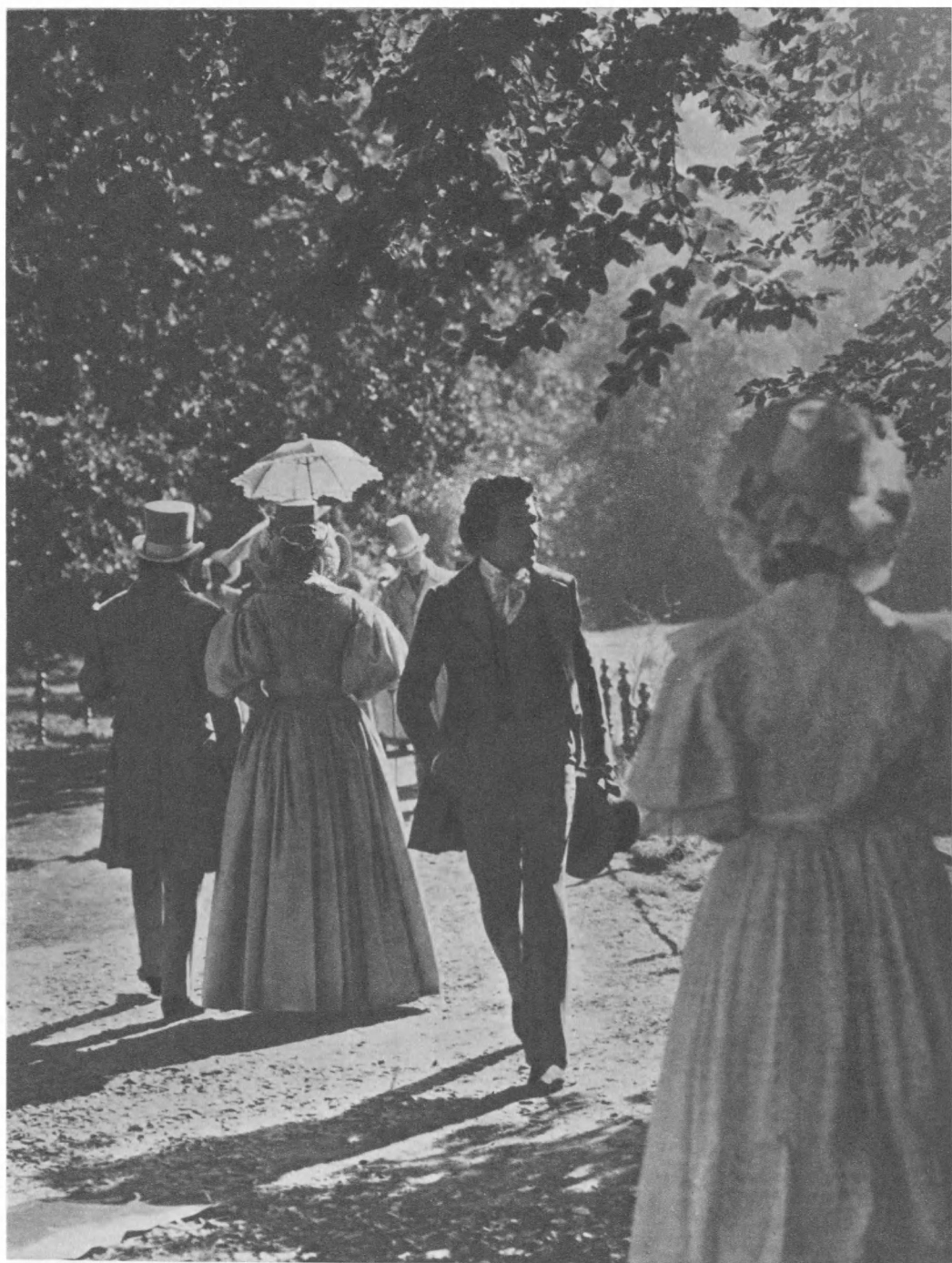
— Скажи мне, что ты согласна!

— Да, да, Карл!

— Ты разговариваешь со мной, как с ребенком!

— Что поделаешь, я старше тебя, Карл... — Женни смотрит на него с печальной снисходительностью и не прячет глаз. — Скоро я стану для тебя стара, ты не подумал об этом?

— Нет, я об этом не думал... Я люблю тебя, Женни! Мы сложим наши годы и разделим их поровну! И все, что нас ждет впереди, все! Ты слышишь меня?

И тут Женни вдруг убегает от него. Он даже не успевает ее задержать. Он растерянно смотрит ей вслед, не сразу поняв, что произошло.

По аллеям спокойно гуляет публика. Он стремительно проходит сквозь толпу. Дальше, дальше. Мимо гуляющих, насквозь, наперерез. Удивленные лица. Кто-то смотрит вслед. Шляпы, плащи...

Чья-то фигурка среди деревьев... Нет, не она! Назад, сквозь толпу...

Женни стоит одна в конце пустынной темной аллеи, прислонясь лицом к дереву. Она плачет.

Он останавливается в двух шагах от нее, не смея приблизиться. Потом осторожно приближается, обнимает.

— Что нам делать, Карл, что нам делать? — шепчет Женни, и плечи ее еще раз вздрагивают и затихают под его рукой.

Генрих Маркс в кабинете принимает клиента. Клиент — угрюмый человек, как видно, простого звания. Он пришел с мальчиком, сыном.

— Шестеро их у меня, господин юстиции советник. Шестеро. Это вот старший, — кивает он в сторону сына, — с десяти лет

пошел работать. Вы бы видели дом, в котором мы живем... Но если и его отберут, останемся под открытым небом.

Карл входит в кабинет отца. Кивает посетителю.

— Этим людям, — продолжает клиент, — нет до нас никакого дела. У них своя жизнь, они не знают нужды.

— Мой сын, — дождавшись паузы, Генрих Маркс представляет Карла. — Он будущий юрист. И, надеюсь, нам не помешает. У господина Эмке сложное дело, связанное с наследственным правом. Давайте вместе подумаем, как ему помочь.

На лице Эмке проблеск надежды.

— Вы уж постарайтесь, господин юстиции советник. После смерти матери я, на свою беду, не обнаружил никаких бумаг. Она и писать-то не умела. А нотариусов, вы уж меня простите, до смерти боялась. Как теперь докажешь наши права на наследство?

Карл у себя в комнате. Полка с книгами, шкаф, кушетка. На столике горит свеча.

Карл лежит неподвижно, глаза его открыты.

Слышны шаги. В дверь постучали. Входит Софи, сестра Карла. Сочувственно смотрит на брата, присаживается рядом.

— Что нам делать, Софи? — У Карла отрешенный взгляд.

— Прежде всего, нужно взять себя в руки. Ты ведь помнишь, что сказано у древнего философа? «Мужество обретается в терпении». — Софи заметила сигару в руке Карла. — Ты куришь?

Карл пребывает в состоянии желчной меланхолии.

— Твой философ ничего не смыслил в любви. И ты, я вижу, не смыслишь.

— У древних и на этот счет есть неплохое изречение: «То, что мы принимаем за любовь...»

— Ах, оставь своих древних философов! Все они, эти древние, были древними стариками! Скажи лучше, что нам делать?

— Мама видела тебя с сигарой?

— Нет, не видела.

— Слава богу. Она бы упала в обморок. Софи смотрит на брата. Она чувствует, что должна теперь сказать ему что-то серьезное.

— Послушай, Карл... Если у вас действительно настоящая любовь... это навсегда. Она не пройдет ни через год, ни через два. Вы будете ждать друг друга.

— Сколько можно ждать?

— Ждать можно долго, Карл. Пока ты будешь учиться.

— А Женни?

— Если хочешь знать правду, то в Женни я уверена даже больше, чем в тебе. Мужчины быстро загораются и так же быстро остывают.

— Неправда! — взрывается Карл.

— Что ты кричишь? Поднимешь на ноги весь дом!

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Софи уходит.

Часы на ратуше пробили дважды.

Не спится. Карл достал с полки книгу. Полистал, отложил. Прислушался. Где-то скрипнула половица, шаги. И опять тишина. Он поднялся, накинул халат. Осторожно выходит в коридор.

Лестница. Дверь отцовской комнаты. Полоска света. Генрих Маркс не спит.

— Это ты, Карл? Входи.

В ночной рубаше, в колпаке, отец сидит в постели, откинувшись на подушки. Рядом, на столике, свеча, пузырьки с лекарствами, книга. Он, кажется, не удивлен приходу сына.

— Прости, папа... Я знал, что ты не спишь.

— Да... Что-то печень моя совсем раскухталась. Клюет и клюет в бок. — Он смотрит на сына изучающе. — А у тебя... тоже бессонница? Жаль расставаться с Бонном?

— И да и нет. Я тоже считаю, что настал момент, когда все должно определиться.

Генрих Маркс выжидающе смотрит на Карла.

— Я хочу понять, что со мной происходит, — очень серьезно, без тени рисовки

продолжает Карл. — Понять себя. Свои чувства. Я должен осознать свое действительное положение.

— Ты рассуждаешь как зрелый человек. Это меня радует. Скажу тебе по секрету: я ведь совсем не так уж скромнен в своих надеждах и ожидаю от тебя многого! — шепотом заговорщика сообщает старый Маркс и сконфуженно улыбается. Сейчас в нем есть что-то детское, беспомощно-наивное, — может быть, это подлинная его природа.

Затем он вдруг мрачнеет.

— Но иногда меня мучат тяжелые предчувствия... Сумеешь ли ты установить гармонию между своим разумом и сердцем? Я же знаю, при всех твоих достоинствах ты ведь не лишен эгоизма, и его в тебе, пожалуй, больше, чем нужно для самосохранения. Есть ли у тебя способность и воля к самопожертвованию, чтоб твое «я» не стало главным? Твое поведение в Бонне — это ведь не легкомыслие, это что-то совсем другое, чему я пока не нахожу названия. В тебе какой-то демон одержимости, я хочу понять его природу: что это — небесное или фаустовское?

— Не знаю, папа, — все с тем же чисто-сердечием отвечает Карл. — Но я хотел бы принести счастье моим близким. Если это в моих силах... Тебе, матери... Это первое мое желание.

— Спасибо, Карл...

— Могу я задать тебе вопрос? — Карл поднимает взгляд на отца.

— Да, конечно.

— Ты решил отправить меня в Берлин... только в интересах моего образования? Или есть еще причины?

— Да, Карл. Есть еще причины, — твердо отвечает отец. — Если хочешь, поговорим о них по-мужски. Я думаю, пришло время, когда я могу говорить с тобой как с мужчиной.

— Слушаю тебя.

— Речь идет о Женни, Карл.

— Я так и понял.

— Ты знаешь, как я отношусь к Женни. И еще несколько лет назад мы с ее отцом

с умилением смотрели на ваши детские игры. Но, Карл, детство кончилось, всему свое время. Ты должен это понимать, ты взрослый человек. Женни в том возрасте, когда уже не играют в жениха и невесту. Ей пора замуж, Карл.

— Она выйдет за меня, папа.

— Но я говорю с тобой как с серьезным человеком!

— Это серьезно, папа.

— Ты что же, пойдешь к Людвигу фон Вестфалену просить руки его дочери?

— Я полагал, что при тех добрых отношениях... — чуть дрогнув, отвечает Карл. — Я имею в виду отношения их семьи и нашей семьи...

— Ты понимаешь, что ты говоришь? — уже в изумлении восклицает старый Маркс. — «Отношения»! Какие отношения? Ты отдаешь себе отчет?

— Если ты имеешь в виду предрассудки...

— Я не знаю, что ты называешь предрассудками! Ты взрослый человек, ты должен понимать, кто мы и кто они! Дочь государственного советника, баронесса! Баронесса фон Вестфален! И ты! Сын безродного адвоката, мальчик, студент! Мне смешно тебе это объяснять!

Карл сидит опустив глаза.

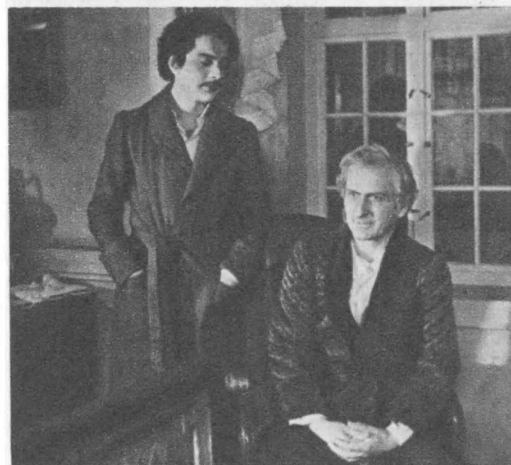
— Послушай, Карл... — Отец переходит на примирительный тон. — Ради всего святого... Ты знаешь, я тебе многое позволяю. И я люблю Женни, как дочь. И именно поэтому заклинаю тебя: выбрось все это из головы... Пока не поздно. Не мучь себя и ее... Когда-нибудь ты сам будешь отцом, и ты поймешь меня.

— Сейчас уже поздно об этом говорить, папа.

— Как — поздно?! — в ужасе восклицает старый Маркс. — Нет, мой друг, ты поедешь в Берлин, и ты вернешься сюда не раньше чем следующим летом, в каникулы. И больше об этом никаких разговоров.

— Я не уеду так. Я должен обручиться.

Генрих Маркс уже накинул халат, нашел туфли, словно собрался куда-то идти. Вид его выражает крайнюю степень решимости.

— Как — обручиться?! Когда?

— Сейчас!

— Это безумие!

— Да. Может быть.

Генрих Маркс в волнении ходит по комнате. Остановился. И — уже не споря, не нападая и не защищаясь:

— Я не представляю, как ты это сделаешь... Вестфалены любят тебя, как сына, но никогда не дадут своего согласия, об этом и речи быть не может.

— Тогда — без них.

— Без них? Как ты себе это представляешь? — Генрих Маркс даже не спорит, он безропотно готов принять любую реаль-

ность, он только спрашивает. — Втайне от них?

— Да, вероятно.

— Но это против всяких правил.

— Что поделаешь!

— Нет, Карл, это не выход. Ни я, ни твоя мать — мы на это никогда не пойдем.

— Без мамы. Ты один.

— Нет, Карл. Нет.

— Я прошу тебя.

— Ты сошел с ума! Вестфален — мой друг. Это невозможно.

— И тем не менее...

— Ты говорил с Женни?

— Нет. Но она будет согласна. Я знаю...

Генрих Маркс смотрит на сына, не в силах вымолвить ни слова. Вот он, этот демон одержимости, вот он с пугающей решимостью заявляет устами Карла:

— Я не уеду в Берлин без помолвки.

— Сознаете ли вы, дети мои, всю серьезность этого шага? Понятны ли вам до конца его последствия?

Старый Маркс — у себя в кабинете. Карл и Женни — перед ним, в почтительном отдалении, словно не смея приблизиться.

— Да, — торопливо отвечает Карл.

— Да, — робким шепотом отзывается Женни.

Старый Маркс смотрит на обоих. Мучительное раздумье. Ритуал нарушен.

— Женни, по обстоятельствам, от тебя не зависящим, здесь нет твоего отца. — Он приближается к ней. — Я хочу тебя спросить. Ты полностью отдаешь себе отчет в своем поступке?

Женни, с легким удивлением:

— Да, господин Маркс.

— Тогда я обязан сказать тебе все то, что сказал бы твой отец, будь он сейчас здесь... Женни, Карл еще очень далек от того положения, которое позволило бы ему жениться и иметь семью. Понимаешь ли ты это? Ему предстоит еще долго учиться, получить образование, получить профессию и место в жизни...

— Да, я знаю.

— Это годы и годы. Готова ты его ждать?

— Да, готова.

— Это не так долго, папа, — нахмурившись, заявляет Карл, — ты не знаешь наших планов...

— Прости меня, Карл, я хотел бы говорить с Женни.

— Да, я готова, господин Маркс, я буду его ждать, — опустив глаза, говорит Женни.

— Вы не сможете видеться так часто, как раньше. Подумали ли вы об этом? И сам характер вашего обручения... Ты уверена, что твои родители, будучи в неизвестности и не зная, что ты обручена с Карлом, — уверена ли ты, что они не попытаются устроить твою судьбу как-нибудь по-другому?

Женни бесстрашно поднимает взгляд.

— Какое это имеет значение? Кто бы ни пытался... Я люблю Карла.

Генрих Маркс устало опускается в кресло. Молчание.

— Благослови же нас, папа, — напоминает Карл.

— Да-да, — Генрих Маркс поднимается, взгляд его растерян. — Господи, прости мне мой грех перед моим другом... Прости меня, господи!.. — И, обернувшись к молодым, целует в лоб Женни, а потом Карла. — Благословляю вас. Да хранит вас господь...

Из окна почтовой кареты Карл смотрит на дорогу.

Долина Рейна. Склоны с виноградниками. Старинные башни замков. Тонкие шпили церковей. Все это движется мимо.

Лошади с грохотом выносят карету на мост.

И вот уже мчатся по другому берегу реки, поднимая облако пыли.

На экране — Маркс семидесятых годов, Маркс, вспоминающий свою далекую молодость:

— Я уезжал в печали и тревоге, зная, что оставляю Женни на месяцы, а может быть, на годы. Так оно и случилось. Нам предстояли долгих пять лет разлуки. Я стал

студентом Берлинского университета — с твердым намерением сдержать слово, данное отцу, и стать юристом.

В аудитории тишина. Только скрип перьев, дыхание. Голос лектора:

— Иногда случается, что хозяин вещи не может отчуждать ее и, наоборот, нехозяин имеет власть отчуждать.

Карл Маркс среди студентов. Кажется, лекция не слишком увлекает его.

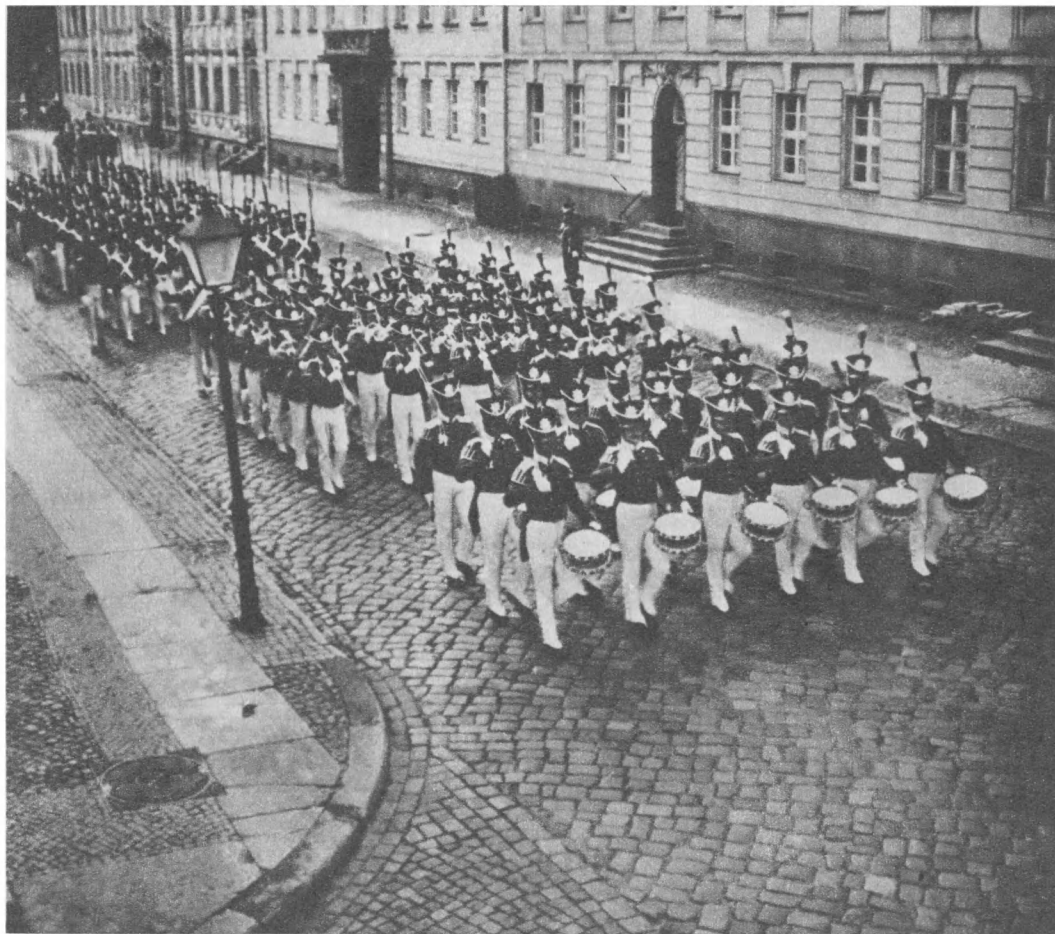
— По закону, изданному при императоре Августе, — звучит голос лектора, — запрещается мужу отчуждать недвижимое имущество против воли жены, хотя это иму-

щество было дано ему в приданое и есть его собственность.

Будущие адвокаты и прокуроры усердно скрипят перьями.

— Таким образом, римское право дает нам интересный прецедент, так сказать, двойного или, точнее сказать, противоречивого обладания вещью, при котором человек, с одной стороны, как бы является ее собственником, с другой же стороны, не может ею распорядиться.

Где-то уже на последних словах этой профессорской тирады, еще не заглушая их, пока только аккомпанируя, вступает барабанная дробь, сопровождаемая бодрым писком флейты. Теперь уже ничто не может

удержать прилежных студентов на скамьях. Все они вскакивают и приникают к окнам, чтобы увидеть марширующих солдат.

Отсюда, сверху, из аудитории университета, видны только фигурки, спрессованные в колонну, сплошной серо-зеленый прямоугольник, ползущий вдоль Унтер-ден-Линден.

Карл смотрит в окно.

Гром барабанов и стук сапог по мостовой.

Улица Берлина. Лавка букиниста. Мы застаем здесь юношу Маркса.

Карл стоит перед книжными полками, он рассматривает их с жадностью, готовый, кажется, скупить здесь все.

— Будьте добры... У вас есть «Философия права»?

Бегло взглянув на студента, оценив его покупательную способность, старый букинист не очень охотно встает на лесенку.

— А вон там, рядом? Нет-нет, левее!

— Винкельман, «История искусств».

— Пожалуйста.

— Здесь два тома.

— Очень хорошо. А где у вас Плутарх?

— На этой полке. Однотомник. А вот здесь весьма редкое трехтомное издание.

Получив книги, Карл нетерпеливо просматривает их и добавляет к стопке ранее отложенных.

Сцену эту наблюдает господин, зашедший в лавку. В руках у него толстый том, он не спеша перелистывает его.

— Что-нибудь нашли себе, доктор Бауэр? — обращается к нему хозяин лавки. — Прикажете посчитать?

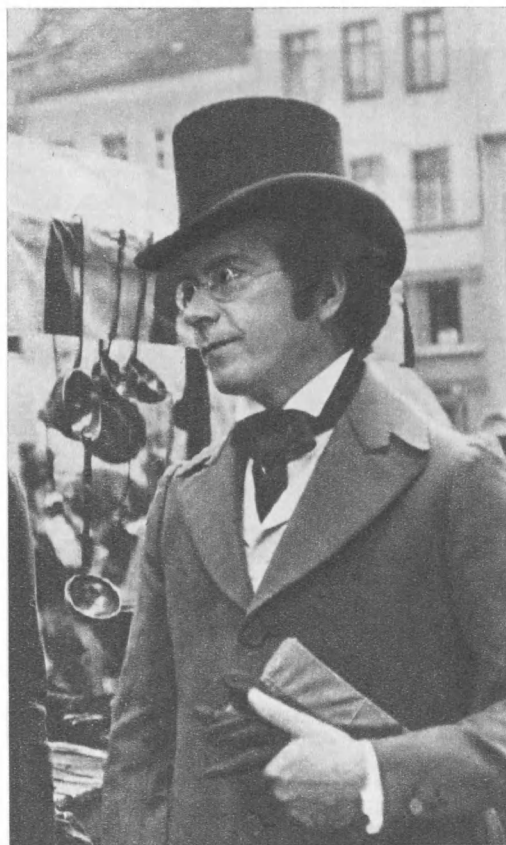
— Да, пожалуйста, — продолжая блуждать взглядом по книжным корешкам, отвечает посетитель.

— С вас три талера, доктор Бауэр, а с вас, — он оборачивается к Марксу, — тридцать два талера, молодой человек...

Карл нерешительно лезет за кошельком.

— А вы не могли бы мне прислать счет?

Букинист пронзительно смотрит на незнакомого студента, затем — на высокую стопку книг.

Бруно Бауэр
(Х. Бенке)

— Мы это делаем лишь в особых случаях.
— Я думаю, господин Кнабе, перед вами — как раз такой особый случай, — замечает человек с толстым томом в руках, отсчитывая свои три талера. — Господин студент, как я понимаю, живет в Берлине и учится в университете. Он вам оставит свой адрес.

Букинист, печально кивая и еще раз оценив взглядом стопку книг, берет за карандаш...

Юный Маркс, с двумя связками книг в руках, и выручивший его незнакомец идут вместе по берлинской улице.

— Вы здесь первый год?

— Да.

— Я так и понял, — замечает незнакомец. — Кто вы — юрист, филолог, историк?

— Я изучаю философию.

— Однако интересы ваши весьма разнообразны... Разрешите вам помочь?

— Нет, что вы!

— От Винкельмана до Плутарха... Через год-другой вас будет угнетать это обилие книг, уж поверьте. Когда начнете переезжать с квартиры на квартиру и вам придется таскать их с места на место или оставлять у квартирных хозяек... Не удивляйтесь, это неизбежно... Как ваше имя?

— Карл Маркс из Трира.

Они проходят через рыночную площадь. Бесконечные торговые ряды.

— Карл Маркс из Трира, — с такой же шутиливой серьезностью повторяет незнако-

мец. — Могу вам дать совет. Если вы увлекаетесь поэзией, не читайте Шиллера — читайте Гейне... А если изучаете философию, обратитесь к Штраусу в первую очередь. Это имя вам знакомо?

— Он, кажется, теолог?

— В какой-то мере — да.

— Боюсь, что это для меня почти недоступно.

— Это почему же? — все с тем же оттенком дружественной снисходительности спрашивает незнакомец.

— Мне просто еще не приходилось думать о боге.

— Это прекрасно!.. — Незнакомец с улыбкой смотрит на Карла и, собираясь сесть в проезжающий экипаж, протягивает ему руку. — Ну что ж, дорогой Карл Маркс из Трира, если вам понадобится какой-либо совет, не стесняйтесь, я к вашим услугам. Разрешите представиться: доктор Бауэр, приват-доцент. Если пожелаете, вы найдете меня на кафедре теологии... Или в кафе «Штехели», ежедневно с двух до четырех. До свидания.

И, уже удаляясь в фиакре, оборачивается, находит глазами юношу со связками книг и прощается с ним дружеским, ободряющим кивком.

Поздний вечер. Карл в своей берлинской квартире на Луизенштрассе. Стол завален книгами. Раскрыты конспекты. Но мысли Карла сейчас далеко... Они уносят его в родной Трир, в знакомый с детства городской парк...

И словно наяву, он видит Женни, идущую по аллее навстречу ему, слышит ее голос:

— Дорогой, единственный, любимый! Напиши же мне поскорее. Скажи, что ты здоров и по-прежнему меня любишь. Но, Карл, мне нужно серьезно поговорить с тобой.

Скажи, как ты мог усомниться в моей верности? Ах, Карл, позволить, чтобы кто-то другой затмил тебя?

Это похоже на сон, на галлюцинацию... Женни все ближе... И Карл слышит то, что она так часто в разных выражениях повторяет ему в своих письмах:

— Я признаю превосходные качества других людей и не считаю тебя непревзойденным. Но, Карл, я так невыразимо люблю тебя! Как же я могу найти что-либо достойное любви в ком-то еще? Что бы я ни делала, я все время встречаю твой взгляд. С того самого дня, когда мы гуляли в Веттендорфском саду. Ты взглянул на меня и поспешно отвел глаза, помнишь? И снова взглянул, и я сделала то же самое. Ах, милый... Какими глазами ты смотрел на меня и как я тебя уже любила! Судьба моя всецело зависит от тебя. Знаешь ли ты об этом?

И в ответ звучит голос Карла, его стихи:

Я устремился в путь, порвав оковы.

— Куда ты? Мир хочу найти я новый!

— Да разве мало красоты окрест?

Внизу шум волн, вверху сверканье звезд!

...Нет, должен из души моей подняться

Взыскуемый мной мир и с ней обняться, —

Чтоб океан его во мне кружил,

Чтоб свод его моим дыханьем жил...

А затем — голос отца. Вот он, Генрих Маркс, за конторкой в своем кабинете.

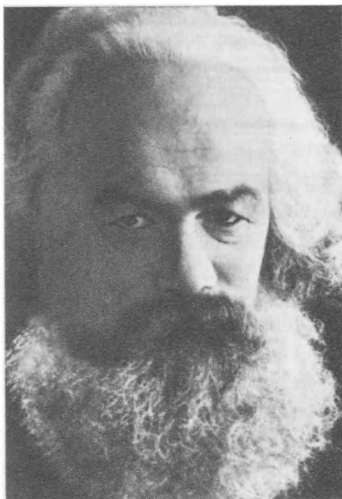
— По поводу твоих стихов скажу тебе откровенно, мой дорогой сын: меня очень радуют твои задатки, я многого жду от них. Однако мне будет очень больно видеть тебя в роли посредственного рифмоплета. Только человек выдающийся вправе притязать на внимание избалованного света, у которого есть Шиллер...

И снова Женни, как наяву, встает перед Карлом, движется навстречу ему по аллее.

— Помни всегда об одном: дома у тебя есть та, которая надеется и тоскует. И полностью зависит от твоей судьбы...

Глава вторая

Длинный стол посреди просторного помещения. Еще несколько столиков у стен. Табачный дым, пивные кружки, возбужденные лица, шум. Встают из-за столов, ходят. Кто-то ушел, кто-то появился, стал у двери... Среди присутствующих — несколько женщин, они здесь на равных правах с мужчинами.

Взъерошенный человек в очках, надеясь быть услышанным, стоит на столе. В руках у него листки рукописи. Это Рутенберг.

— Кто же эти люди, произносящие свой приговор великой философии восемнадцатого века? — читает он патетически. — Вольтеры нового времени, явившие миру торжество разума над мраком предрассудков? Нет, нет и нет! Это всего лишь черви без религии, без отечества и без сердца! — Он поднимает глаза на притихший зал. — Жалкие недоумки, которые бродят перед воротами ада. Ибо даже туда их не хотят впустить по причине их ничтожества!

Шум, возгласы из-за столиков:

— Браво!

— Великолепно!

— Хватит! Стащите его со стола, он всех заговорит!

Стоя в дверях, аплодирует Бруно Бауэр. Рядом с ним — юный Маркс. Они только что вошли.

— Слушайте внимательно. В университете вы этого не услышите, — говорит Бауэр. Он ведет Маркса за собой в глубь зала, кому-то протягивает на ходу руку, с кем-то здоровается кивком — здесь все знают его, и он знает всех. Оратора, все еще стоящего на столе, он непринужденно хлопает по ноге; тот оборачивается.

— Это Адольф Рутенберг. Советую запомнить это имя! — говорит он Марксу. И ведет его за собой дальше. — Здесь не обязательно представляться. Эtiquette не существует. Говорить вы можете все, что думаете. Не хотите говорить — можете молчать... А вот и пиво... Ваше здоровье!

Знакомство продолжается. Вручив Марксу кружку пива, Бауэр тут же бесцеремонно поворачивает его лицом к молодому человеку, стоящему в обществе двух женщин.

— Это, если не ошибаюсь, мой родной брат Эдгар Бауэр. Добрый вечер, дамы и господа! Разрешите представить вам: мой новый друг — Карл Маркс из Трира.

Женщины с любопытством разглядывают Маркса. В руках у них пивные кружки.

— Вы человек принципов или принципиальный человек? — с места в карьер обрушивается на Маркса младший Бауэр.

— А разве это не одно и то же?

— Увы, нет. Всякий принцип, которому вы служите, обращает вас в духовное рабство, запомните это!

Проход продолжается. Бруно Бауэр ведет Маркса дальше.

— А это наш гостеприимный хозяин, владелец этого заведения. — Он указывает на пожилого господина, безучастно стоящего в углу. — Прошу познакомиться. Здесь вы всегда, если понадобится, можете рассчитывать на кредит...

Тем временем новый оратор завладевает вниманием присутствующих.

— Господа!.. Только я знаю, как просветить слепых, освободить людей от заблуждений и предрассудков. Нам нужно одолеть дьявола. Разве он не сидит в каждом из нас? Моя книга будет называться «Я»! «Я»! — повторяет он, постучав себя в грудь. — Ибо человеческое «я» есть высшая ценность и мера вещей в этом мире!..

— Макс Штирнер, — кивает Бауэр в сторону оратора. — Запоминайте эти имена, вы их еще услышите... А вот и место для вас, — и он усаживает все еще растерянного Маркса за стол, рядом с незнакомыми людьми, и тут же покидает его.

Соседка Маркса — женщина лет тридцати. Облик ее более чем странен: она в мужском костюме, в брюках, с папиросой в длинном мундштуке.

— Вы курите? Прошу. — Она непринужденно протягивает Марксу портсигар. — Благодарю вас.

— Как вы относитесь к идее вольного университета?

— Положительно, — не задумываясь отвечает Маркс, сразу приняв ее тон. — Если б еще знать, что это такое...

— Вольный университет? Это учебное заведение, подчиненное не государству, а духовной инстанции, свободной мысли. За свободой мысли наступит свобода воли. — Она подносит свечу, давая Марксу прикурить. — Сегодняшние образованные люди — это благоразумные граждане, то есть те же рабовладельцы и рабы. Вы согласны со мной?

Маркс слушает ее с любопытством. Она посмотрела на него.

— Меня зовут Луиза Астон. Вы можете говорить мне все, что думаете...

Тем временем Рутенберг снова взгромоздился на стол.

— Фридрих Великий — вот для вас образец философа! В одной руке — меч, в другой — книга. Какой прекрасный союз! Вас это вполне устраивает?

Голос из зала:

— Несомненно! Мой Фридрих выше вашего Канта!

И еще голоса, реплики, шум, невнятица спора...

Маркс семидесятых годов, седобородый Маркс улыбается, вспомнив время юности.

— Так я попал в Докторский клуб, как его называли, — в это удивительное пристанище смелых людей и смелых идей в самом центре Берлина, где вопреки всему, каким-то необъяснимым образом жила и разгоралась свободная мысль. Она здесь справляла свой пир!.. Может быть, оттого, что нам, немцам, не дано было еще свершить революции на деле, мы совершали ее в умах. И нашим полководцем был Гегель! Тень его витала в Берлинском университете, где еще недавно он читал свои знаменитые лекции. За столиками, в табачном дыму, оглохшие от собственного шума, мы штурмовали твердыни религии и феодализма. История развивалась по Гегелю — от низшего к высшему, от ступени к ступени, постепенно и скачкообразно! Она развивалась! И я не знаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы не эти встречи и споры и не этот наш Докторский клуб...

Докторский клуб. Все то же прокуренное помещение. Новые знакомые разглядывают Карла с бесцеремонным — впрочем, вполне дружжелюбным — интересом. Все они значительно старше его.

— Так что же привело вас из вашего волшебного Трира в наш сердитый Берлин? Очевидно, отец отправил вас за ученой степенью?

— Представьте, да, — отвечает Карл, поглядев на собеседника.

Это мужчина лет тридцати пяти. Запомнил его имя — Арнольд Руге. Сейчас он рассеянно, с долей снисходительности, не

надеясь, видимо, услышать ничего для себя нового, знакомится с юным Марксом.

— И кто же вы? Будущий Гете? Лейбниц? Или Наполеон? Каковы ваши тайные намерения у нас в Берлине?

— Я держу их пока втайне, — отвечал Карл.

— Но вы по крайней мере пишете стихи?

— Разумеется.

— Будьте осторожны. Здесь вредный климат для молодых романтиков.

— Да, я чувствую. Но, как могу, закаляюсь.

Руге, кажется, впервые с интересом посмотрел на молодого человека.

— Вам лет двадцать?

— Примерно.

— Постарайтесь сделать ваш выбор уже сейчас. Студенчество забирает у нас лучшие годы жизни. Когда вы окончите университет, будет поздно думать о своем призвании.

— Спасибо, я согласен с вами, — уже всерьез отвечает Карл. — Но я думаю, что право выбора у меня, как и у вас, наверно, весьма ограничено. Выбор уже, вероятно, сделан...

— В каком смысле?

— Его делает за нас жизнь... Я, может быть, не совсем ясно выражаюсь. Но я хочу сказать, что все мы в известной степени рабы своих отношений с обществом. Ведь эти отношения родились, надо полагать, задолго до наших желаний...

Руге вглядывается в лицо юноши.

— И давно вы пришли к таким выводам?

— Года два назад.

Дискуссии продолжаются. В центре зала кто-то настойчиво призывает к тишине:

— Внимание, господа, внимание!

Собеседник протягивает руку Карлу:

— Ну что ж... Был очень рад... Мое имя Арнольд Руге, я редактирую журнал. Если напишете что-нибудь путное, стихами или прозой, милости прошу...

— Благодарю вас.

— Тихо, тихо, господа! — все еще взывают в центре зала. — Слово доктору Бауэру!

Члены Докторского клуба стоя приветствуют Бруно Бауэра. Даже здесь, где не

принято выражать кому-либо свое почтение, Бауэр явно популярен.

— Я утверждаю, господа, — Бауэр стремительно вступает в дискуссию, — что во всех четырех евангелиях нет ни единого атома какой-либо исторической правды! Я готов это доказать немедленно! Только свободное самосознание, только дух, познавший самого себя, может творить действительную историю!

Улицы Берлина. Едет старый фиакр.

В фиакре двое — Генрих Маркс и друг его юности Эссер.

— Он много работает, он очень строг к себе и прилежен, — рассказывает о сыне старый Маркс. — Но я чувствую, что душа у него не лежит к этой профессии... хоть он и дал мне слово и, не могу пожаловаться, держит свое обещание...

— Что же ты хочешь от него?

— Не от него, а от себя! Прав ли я, настаивая, чтобы он пошел по моим стопам и стал адвокатом?.. А чего, собственно говоря, я достиг?

— Ну, ты уж, пожалуйста, не гнви бога! — несколько покровительственно утешает старого друга Эссер.

— А чем я могу похвастаться? Всю молодость протирал штаны на судейских стульях. Без надежд, без денег... И лишь в тридцать семь лет смог позволить себе иметь семью!

— Зато твой сын готов жениться в девятнадцать! — с улыбкой замечает Эссер.

— Я противился, как мог, — разводил руками старый Маркс. — Но, видишь ли, это такой характер... И невеста его, можешь мне поверить, — сущий ангел. Она послана ему самим небом.

И добавляет со вздохом:

— Хотя небо не прокормит их...

И еще, секунду спустя:

— Я боюсь, Эссер... Боюсь за Карла. И за нее.

— Ну, почему же, — великодушно возражает другу Эссер. — Твой Карл умен, даровит и... как видно, настойчив! Это уже не так мало.

— Да, умен и даровит, — грустно подтверждает Маркс.

Он берет за руку старого друга, наклоняется к нему, чтобы высказать сокровенную мысль:

— Видишь ли, Эссер, существует ужасное противоречие. Мы, родители, радуемся, когда видим в наших детях незаурядность. И мы же, как это ни странно, хотим для них счастья. При их незаурядности — вот в чем парадокс! Такие люди не могут быть счастливы, как другие, тем лишь, что у них есть семья, достаток, здоровье. Жизнь отнимает у них все это... в обмен на талант!.. Мне страшно за Карла. — Он смотрит на Эссера с печалью. — У меня такое предчувствие, что я не успею поставить детей на ноги... даже старшего. Я слишком поздно произвел их на свет.

— Что за ерунда! — бодро возражает Эссер. — Ты, дорогой Генрих, становишься меланхоликом!

— Это не меланхолия. Это болезнь, которая меня точит, — спокойно объясняет Маркс. — По правде сказать, я и приехал сейчас из-за этого. Хочу позаботиться обо всем заранее...

— Что я могу сделать для тебя?

— Ты же знаешь, что требуется молодому человеку после окончания университета?

— Протекция? Хорошо.

— Прости, что я к тебе с этим обращаюсь. Но среди моих старых друзей нет больше тайных советников...

— Зачем ты мне это говоришь! Тайный советник — высокая, но, наверно, и последняя должность для человека моего возраста, — отвечает Эссер. — Это заставляет думать о боге... Будь спокоен, Генрих, я сделаю для твоего мальчика все что смогу.

— Тебе не придется за него краснеть, — заверяет Генрих Маркс. — Ты убедишься сам! Ты ведь еще не видел его взрослым!

...Они поднимаются по крутой деревянной лестнице. Старый Маркс переводит дух и виновато улыбается.

— Кажется, еще этаж...

На верхней площадке, у двери, он дергает шнур звонка.

На пороге строгая дама, хозяйка.

— Прошу прощения... Мой сын, Карл... Он у вас снимает квартиру.

— Да, господин Маркс, студент... Пожалуйста, входите.

Гости оказываются в прихожей.

— Он, вероятно, еще на занятиях в университете?

— Нет. Он за городом.

— За городом?! Где?

— В Штралау. У него там еще одна квартира. Разве он вам не сообщил об этом?

— Да-да, конечно... — Генрих Маркс торопливо кивает, стараясь не смотреть на Эссера.

— У него ведь неважно со здоровьем, — неумолимо продолжает хозяйка. — Еще бы! Вот, полюбуйтеесь...

Она открывает дверь в комнату и почти отступает, пропуская гостей.

Генрих Маркс входит. Эссер предусмотрительно остается за порогом.

Все, от чего дрогнуло бы любое родительское сердце, все, что уже однажды привело в отчаяние старого Маркса, предстает перед ним снова в такой же красноречивой наглядности, да еще и при свидетелях. В комнате хаос. Книги, рукописи, клочки бумаги, пепельницы с окурками. На сей раз нет лишь бутылок и стаканов.

Генрих Маркс стоит посреди комнаты в горестном смятении.

— Каждую ночь — за книгами, с вонючей керосиновой лампой, — безжалостно продолжает хозяйка. — Все в дыму... Накурено... Встает поздно... И запретил мне у

него убирать. Очень трудный жилец!..
Такого у меня еще не было!

Генрих Маркс, не поднимая глаз, направляется к выходу.

— Прости меня, Эссер...

Берег Шпрее. Медленно течет река. Тишина.

Отец и сын направляются к скромному деревянному причалу.

— Ты простудишься, — тихо говорит Карл, поглядев на отца. — Здесь очень сыро. Будь добр, закрой шею!

Никакого ответа. Старый Маркс продолжает стоять, прислонясь к перилам, уставившись вдаль, с видом горестного безразличия к своей судьбе.

Карл — тихо:

— Но пойми... Нельзя учиться тому, к чему уже заранее испытываешь отвращение. Это значит — обманывать себя. И других... Какой я адвокат?

— Я давно уже понял, что из тебя не выйдет адвоката, и примирился с тем, что ты не хочешь унаследовать профессию своего отца. Но ведь ты должен на чем-то остановиться. Чем ты собираешься кормить свою семью? Не стихами же, надеюсь?

— Ну что мне делать! Это не блажь, не каприз! — мучительно, казня себя, признается Карл. — Ты пойми, эти все метания — они не доставляют мне удовольствия, но это, видимо, какая-то идиотская потребность. Мозга или души, не знаю... — Он умолкает, смотрит на отца покаянно.

— Я никогда не пойму этого самоистязания, — говорит Генрих Маркс. — Так можно разрушить все. Даже собственное «я»! Твой дух в вечном смятении!

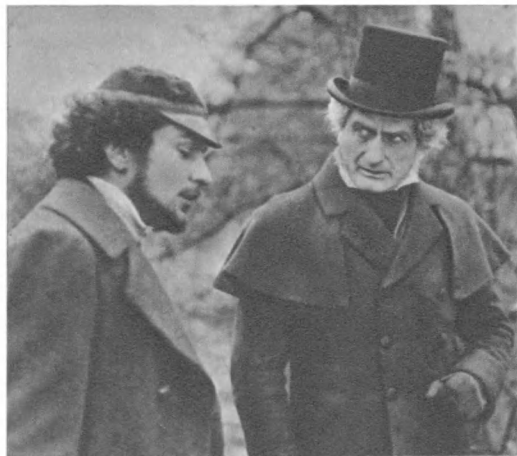
— А разве дух может быть спокоен?

— Он должен быть по крайней мере в согласии с сердцем и разумом, — в тоне печального назидания отвечает отец.

— Но я пережил такую бурю! Это было мое Ватерлоо!

Старый Маркс настороженно смотрит на сына.

— Какое Ватерлоо? О чем ты?

— Я потерпел поражение. Да! И не жалею! — уже с жаром признается Карл. — Пусть рухнули мои прежние кумиры, ты знаешь, кого я обрел?

— Кого же?

— Гегеля!

— Так. Ну что ж, я поздравляю тебя!

Генрих Маркс решительно направляется к берегу. Карл нагоняет его.

— Я прозрел, отец! Я наконец понял самое главное! Идеи надо искать не где-то там, в романтических грезах, а здесь, на земле, идеи правят миром. Ты понимаешь, что это значит?!

— Нет, не понимаю... — холодно отвечает отец. — В искусстве абстрактных рассуждений, должен тебе признаться, я не силен. Чтобы попасть в святилище твоего разума, надо, видимо, прочитать много книг... Боюсь, однако, что для этого я уже стар.

— Но как же тогда ты решаешься судить о моих интересах? — с обидой замечает Карл. — Разве об этом можно судить со стороны?

— Со стороны?.. И это говоришь ты! Не думая о том, во что мне обходятся твои философские утехы...

— Папа!

— Против всякого уговора, против всех правил, — продолжает уже с гневом старый Маркс, — мой сын умудрился израсходо-

вать за один только год семьсот талеров! При том, что даже богатые сынки тратят не более пятисот!.. Мы что — крезы? Или у меня в стойле — золотой осел, который печатает дукаты?

— Я понимаю, — грустно соглашается Карл. — Но деньги уходят непонятно как.

— Непонятно как, потому что ты трастишь не считая!

— Я их трачу в основном на книги, на учение...

— И поэтому считаешь возможным не посещать лекции в университете? А зачем тебе вторая квартира? Здесь, в Штралау?

— У нас у всех слабые легкие, папа. Врачи считают, что мне нужен свежий воздух, я болел...

— Поменьше кури!

— Но тогда я не смогу работать по ночам.

— А кто тебя просит об этом? Ты растрачиваешь здоровье ради ложной учености. А другие тем временем спокойно кончают университет и достигают своей цели!

— Какой цели, папа?

Генрих Маркс ходит в волнении взад и вперед по деревянному настилу пристани.

— Той цели, которую ставит перед собой всякий разумный человек, думающий о своем долге!

И — в изумлении:

— Ты помнишь о том, что ты обручен?

Карл молчит.

— Самым непостижимым образом ты похитил сердце девушки, о которой другой мог бы только мечтать! И чем ты ей хочешь доказать свою любовь? Стихами?

— Стихи плохие, я знаю...

— Понимаешь ли ты, чем она жертвует для тебя? Или ты, в твоём самоупоении, считаешь это в порядке вещей?

— А чем она жертвует? Она получит меня! — легкомысленно заявляет Карл, еще не ведая, какую бурю навлечет сейчас на свою голову.

— Тебя? И кто же ты?! — саркастически восклицает Генрих Маркс. — Человек, который способен принести счастье близким? Обладающий хотя бы чувством ответствен-

ности перед кем-то? Праздный философ!.. Рифмоплет!.. Мальчишка!..

И здесь Генрих Маркс умолкает, встретив взгляд сына.

Карл стоит, вобрав голову в плечи. Губы стиснуты.

И непривычный, совсем чужой голос:

— Я ждал упреков, отец. Но не оскорблений.

Теперь они оба молчат. Ни слова больше.

Подходит паром. В этот утренний час он пуст. Старик паромщик ожидает пассажиров.

Подхватив саквояж, старый Маркс направляется к сходням. Ступает на них.

Карл не двигается с места. Еще минута — и они расстанутся не попрощавшись.

Кто из них сделал первое движение навстречу другому? Генрих Маркс, когда вдруг обернулся? Или Карл, когда в это мгновение стремительно шагнул вперед? Они обнялись.

Старый паромщик терпеливо ждет.

А они все стоят, прикинув друг к другу и словно не решаясь расстаться. Далекие и близкие. Отец и сын.

Потом Генрих Маркс идет вниз по сходням.

Паромщик заносит над водой свое весло.

Карл долго смотрит вслед удаляющемуся, тающему в утреннем тумане парому.

Карл Маркс вспоминает:

— Я не знал, что вижу своего отца в последний раз...

И еще некоторое время Маркс-рассказчик печально смотрит на нас с экрана.

Прошло время. Наши герои стали старше. Нет в живых Генриха Маркса. Карл и Женни, повзрослевшие, стоят на кладбище перед его надгробием.

— Все приходит с опозданием, — говорит печально Карл. — Я сейчас все время думаю: был ли я хорошим сыном? Нет... Этот человек обладал поистине терпеливым сердцем.

— Он был бы сейчас доволен, Карл!

— Не знаю.

— Я думаю, твоя докторская степень примирила бы вас. Он мечтал об этом.

— Мечтал? Он смотрел на вещи практически и был по-своему прав. Доктор философии — без куска хлеба!.. Как все люди, которым ничего даром не досталось, он не верил в воздушные замки и предпочитал что-нибудь попрочнее и на земле...

— О нет, ты плохо знал своего отца! — говорит Женни. — Он был в гораздо большей степени романтиком.

— Когда речь шла о тебе — несомненно, — улыбнулся Карл.

Они идут теперь по кладбищенской аллее. Там, дальше — парк, вековые деревья, тишина. Карл продолжает:

— Но должен тебе сказать, он гордился твоим умом не меньше, чем красотой. Он говорил, что ты рождена быть философом, что у тебя мужской ум, с чем я, конечно, не соглашался.

— Почему же, интересно?

— Я как-то ценю в женщинах совсем другое!

— Понимаю. Ты в этом отношении вполне традиционен!

— А ты бы хотела носить профессорские очки?

— Боже упаси, Карл! Вязание чулок, иголка и ключ — вполне достаточно для женщины! — усмехнулась Женни.

— Совершенно верно. Вот что тебя и ждет, — в тон ей отвечает Карл. И после паузы: — Чулок и иголка у тебя имеются, а ключ... с ключом придется подождать. Нет ключа!.. Я очень надеюсь на Бауэра. Он считает, что я могу преподавать, и это было бы славно во всех отношениях.

Женни не отвечает. Он спрашивает, не глядя на нее:

— Ты изверилась во мне?

Она отрицательно качает головой.

— Скажи правду.

Она молчит.

— Я слышал, что твой брат Фердинанд ищет для тебя более подходящую партию? Какого-нибудь господина с дворянским гер-

бом... Ты намекни им, пожалуйста, что я неплохо владею шпагой!

— Это не так смешно, Карл! — вдруг с серьезностью и почти в слезах говорит Женни и быстро-быстро, не дожидаясь его, идет вперед. Он догоняет ее. Они идут молча.

Знакомые окна, знакомая комната с полками книг во всю стену. Людвиг фон Вестфален, постаревший, но все такой же пылкий, стоит рядом с Карлом, держит в руках переплетенную рукопись.

— Я очень благодарен тебе, мой мальчик, за это посвящение. Мне оно вдвойне приятно. И потому, что сама диссертация

превосходна, и потому, что древние греки, как ты знаешь, — моя давняя слабость... Но и потому еще, что ты нашел уместным вспомнить здесь обо мне, твоим старом друге, — не знаю, заслужил ли я эту честь... Бедный мой Генрих, он не дожил до этого дня. Он так мечтал видеть тебя...

— ...юристом! — подсказывает Карл.

— Не думаю, чтобы он был так узок в своих взглядах. Он хотел видеть тебя прежде всего образованным и самостоятельным человеком. Не знаю, как в отношении самостоятельности, но образованность твоя меня радует. И стиль и оригинальность мышления... «Не пугайся ни молний, ни гнева богов, ни ворчанья сердитых небес!..» А ведь действительно, Эпикур — великий вольнодумец. Многие этого не понимают!.. А почему мы стоим? Садись, садись, мой мальчик. И расскажи мне, какие новости у вас в Берлине? Верно ли, что новый наш монарх повсюду говорит о конституции? Как следует к этому относиться?

— Я думаю, прогресс уже в том, что он об этом говорит.

— Ты совершенно прав! Если это даже останется всего лишь обещанием, одно то, что король ищет популярности и видит ее именно в либеральном образе мышления, уже кое-что означает... Вот видишь, твоя ученая карьера начинается в благоприятный момент!

— Я в этом не уверен. Наши профессора настолько заостенели в прошлом, что их не расшевелил бы сам Наполеон Бонапарт!

Фон Вестфален смеется.

— К тому же ведь мы, немцы, — продолжает Карл, — странный народ! В области мысли мы давно уже совершили Великую французскую революцию, а в реальной жизни у нас все еще каменный век. Не так ли? Мы творим нашу будущую историю — в мыслях!

— Это верно, мой мальчик. Ты, я вижу, начинаешь свою жизнь без иллюзий, — грустно замечает фон Вестфален.

— Увы, — соглашается Карл.

— Не жалею об этом. Я не знаю, что лучше: развенчанные иллюзии людей моего

поколения или твой трезвый взгляд... на действительное положение вещей. Но — странно, когда я думаю о тебе, я никак не могу связать твои дарования с какой-либо из существующих в мире профессий. Эта мысль не давала покоя и твоему отцу. И, не скрою, волнует и меня. Прости, я не должен, возможно, об этом спрашивать, ибо это касается самых чувствительных струн души, но я не только твой друг, но и отец Женни...

Карл сделал движение навстречу, но фон Вестфален остановил его жестом руки.

— Нет, нет, я не сомневаюсь в глубине твоих чувств и в твоём постоянстве. Но прошло уже пять лет, Карл, и, будем откровенны, Женни вступает в тот возраст, когда одиночество девушки становится двусмысленным и, может быть, даже роковым. Прости, что я так откровенно говорю об этом.

— Но я не давал повода сомневаться в моих намерениях, — мрачнеет Карл.

— И тем не менее, каковы бы ни были твои намерения, ты пока еще не можешь их осуществить, вот что меня пугает. К сожалению, а может, и к счастью, этот мир устроен так, что мужчина, становясь главой семьи, принимает на себя ответственность за ее благополучие...

— Господин фон Вестфален, я сын своего отца, — с твердостью произносит Карл. — Он всего достиг сам. Я думаю, что место приват-доцента в Боннском университете обеспечит нам с Женни если не роскошное, то, во всяком случае, вполне приличное существование. Поверьте, я также думаю и о практической стороне жизни...

— Ничего не поделаешь, Карл. — Фон Вестфален явно смущен. — Даже великий Шекспир не был свободен от этих житейских забот. Ты простишь мне этот разговор, не правда ли? Когда у тебя вырастут дети и придет пора выдавать замуж дочь, ты поймешь меня! А теперь... мы, кажется, незря вспомнили с тобой Шекспира! Возьми-ка вот там, с полки...

Кабачок в предместье Бонна. Жаркий летний день. Под навесом, где расположены

деревянные столы и скамьи, почти пусто. Время каникул.

Карл и Бауэр с пивными кружками.

— За твое философское совершенное! За доктора Маркса!

— За Докторский клуб!

— Ну, рассказывай! — требует Бауэр. — Как тебя встретили в Боннском университете? Что сказал наш любимый ректор?

— Уверяет, что помнит и любит меня еще с тех пор, как я пропускал его лекции!

— Обещал доцентуру?

— Да.

— Это был вполне конкретный разговор?

— По-моему, да.

— Странно... Впрочем, слава богу. Он не

спрашивал о наших с тобой отношениях? О Докторском клубе?

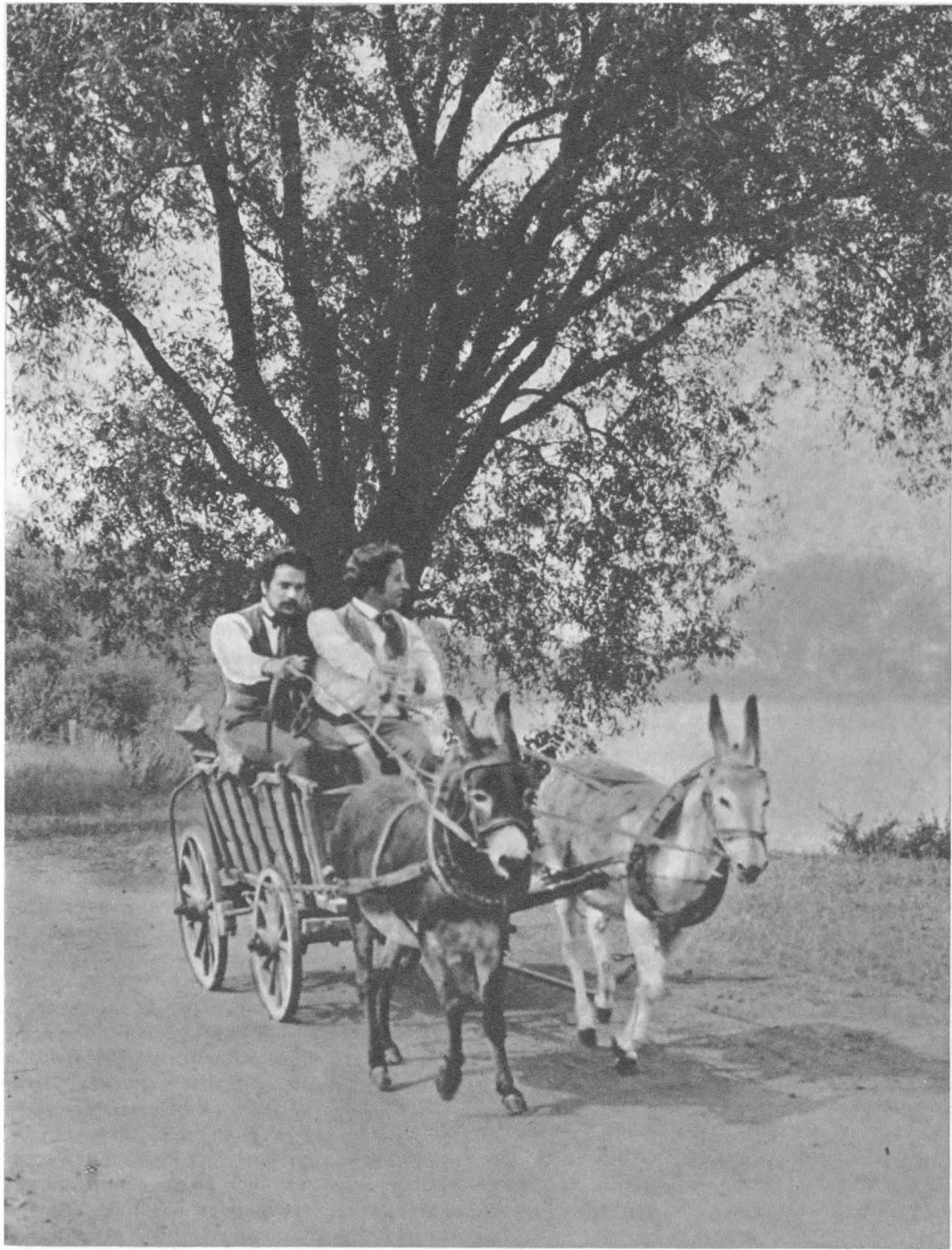
— Нет... — Карл удивленно смотрит на Бауэра. — А что он, собственно, мог или должен был спросить?

— Видишь ли... Не удивляйся. Дело в том, что я отлучен от кафедры в Боннском университете.

— Ты?

— Да. А что тебя удивляет? Меняются порядки — меняются и люди. Те, кто мне покровительствовал, оказались не у дел. А те, кто пришел на их место, не захотели мне покровительствовать. Только и всего. — Бауэр с усмешкой смотрит на Карла. — Ну и, как обычно, нашелся повод...

— Какой еще повод?
— Известное тебе сочинение — «Трубный глас страшного суда».

— Но ты же не подписал его своим именем?

— Нет. Но когда нужно, анонимы легко раскрываются, имей это, кстати, в виду на будущее... Короче, университеты Германии для меня закрыты... Но не будем предаваться скорби. — И Бауэр бодрым жестом зовет трактирщика. — Еще два пива!

К столу приближается незнакомый человек. Он сильно навеселе.

— Извините, господа... Не угодно ли совершить небольшой моцион? Чудесная прогулка по берегам Рейна. Всего тридцать грошей. А удовольствие — на все сто!

— У тебя что? Королевская колесница? — весело спрашивает Бауэр.

— Зачем? Моих коротконожек не обгонит ни одна скаковая лошадь. Чтоб мне провалиться!..

Он кивает в сторону забора, где, покорно хлопая ушами, стоят на привязи осел и ослица.

— Этот рыжий, господа, Зигфрид. Суший черт... Да и его подружка, Брунгильда, тоже порядочная бестия.

Бауэр весело смотрит на Карла.

— А что? Раз уж судьба не послала нам Россинанта, сядем на ослов? Не всегда же им ездить на нас!

Он первым выходит из-за стола.

— Франц! Где же твое пиво?

Трактирщик подносит две пенящиеся кружки.

И оба, взгромоздившись на осликов, пришпоривая их, с веселыми криками и с кружками в руках выезжают на улицу.

— Вперед! — кричит Бауэр.

Ослики мчатся с устремленной скоростью. Дорога идет под уклон. Брунгильда, недовольная, по-видимому, слишком бурным темпераментом ездока, внезапно поднимает задние ноги, и Бауэр вместе с кружкой летит в придорожные кусты.

К счастью для приват-доцента, все обходится благополучно. Только пивная пена оседает на его брюках.

Карл с трудом останавливает своего Зигфрида и возвращается.

Потом они оба сидят у реки. Ослики пасутся рядом.

— Так... Ну и что же будет? — уже серьезно спрашивает Карл.

— Не знаю, — отвечает Бауэр. — Попробую прокормиться журналистикой. А ты, я думаю, в этой ситуации должен постараться занять мою кафедру. Это было бы неплохо и для кафедры и для тебя. — И в ответ на недоуменный взгляд Карла продолжает:

— Я это говорю серьезно. И совершенно не обязательно афишировать наши отношения... Впрочем, я не думаю, что они могут отказать тебе только потому, что ты был моим другом.

— Был?.. — Карл смотрит на Бауэра с чувством неприятного удивления. — Почему «был»?

Карл Маркс — уже автор «Капитала» — продолжает свой рассказ.

— То, что произошло летом 1841 года с моим другом Бауэром, было, конечно, чувствительным ударом и меняло все мои планы. Доцентура в Боннском университете представляла, собственно говоря, единственную для меня реальную возможность начать самостоятельную жизнь и жениться. Теперь эта надежда рушилась. Прийти в Боннский

университет после того, как оттуда изгнали Бауэра, было, разумеется, невозможно. Для меня по крайней мере — совершенно исключено. Да и по существу это теряло свой смысл: кафедра, с которой нельзя ничего сказать. Все это было, конечно, совсем нестати в моем тогдашнем положении.

Гостиная в доме Марксов в Трире. Обстановка благополучного, но не очень богатого дома.

Мать и сын сидят друг против друга в напряженных позах. Объяснение дается им нелегко.

— Я решительно не понимаю тебя, Карл. Столько надеяться, ждать... И вдруг добровольно от всего отказаться?

— Это очень обидно, мама. И тем не менее! Дело тут даже не в личных отношениях. Просто — существуют принципы, изменять которым мы не вправе.

— Изменять, не изменять... Я мало смысла в этих твоих рассуждениях, тебе виднее. Но я думаю о твоём будущем. Ты отказался от карьеры ученого. Что же дальше?

— Я продолжу свое образование. Я многого еще не знаю. Займусь журналистикой. Буду писать. Лишь бы не угодать и не приспособливаться!

— Но жизненные обстоятельства часто вынуждают нас к ним приспособливаться. Ты подумай! В конце концов, почему ты считаешь, что все должны приспособливаться к тебе? У тебя не такой уж легкий характер, Карл...

— Я это знаю, мама... И хочу, мечтаю жить самостоятельно... И, к сожалению, я совсем не уверен, прокормит ли меня мое перо...

— Вот видишь! Не уверен!.. Бедный отец, он всегда чувствовал, что твой ум не принесет тебе ничего хорошего. Какое горе ты причинил бы ему сейчас...

— Мама! Прошу тебя!..

Генриетта Маркс переходит от материнских нотаций к делу:

— Ну и как же ты согласишься свою дальнейшую жизнь? Ведь отец, как ты знаешь, не

оставил нам ни драгоценностей, ни денег, ни поместий!

— Да. И тем не менее я хочу просить тебя выделить мне мою долю наследства.

— Вот как?

— Не обижайся, но это дало бы мне сейчас некоторую независимость. Хотя бы на то время, пока я устрою свои дела и встану на ноги.

— Видит бог, мне неприятно это говорить старшему сыну. Но ты слишком долго не жмешь встать на ноги, мой дорогой...

Карл испытывает гнетущую неловкость.

— Я не стал бы тебя ни о чем просить. Но ведь ты знаешь мои обстоятельства. Я собираюсь жениться...

— Ты давно собираешься жениться. Но не уверена, что сейчас это было бы разумно.

— Я не могу больше откладывать. Я и так виноват перед Женни.

— Не думаю, что ты так уж виноват. Семья Вестфаленов, и особенно Фердинанд, ведет себя далеко не безупречно. Они, мне кажется, не очень спешат породниться с тобой!

— Какое мне дело до семьи?!

Генриетта Маркс не склонна уступать.

— Я знаю, что для такого человека, как ты, мои советы мало значат...

— Я не желаю никаких советов в том, что касается лично меня.

— Ну что ж, если ты так самостоятелен... Живи сам!

— Ты отказываешь мне в праве на наследство?

— Нет, почему же... Ты имеешь право на свою долю. Но получишь ее тогда, когда займешь подобающее положение в обществе.

Карл поднимается.

— Я считаю, что в моей просьбе нет ничего нескромного или неестественного. Мы все же достаточно состоятельны, мама...

— Но не настолько, чтоб содержать взрослого сына. Я обязана думать и о других детях, Карл... Ведь ты у меня не один...

Генриетта Маркс говорит это, уже не нападая, а жалуясь, взывая к сыновнему участию.

— Прости, мама.

Карл, наклонившись, целует мать и уходит.

Римская улица в Трире. Улица, которая всегда заставляет Карла радостно ускорять шаги.

Но сейчас он приближается к дому Вестфаленов, испытывая тягостную неуверенность.

У знакомого подъезда он замедляет шаг. Поднимает голову. Окна в этот вечерний час уже зашторены, из-за ставен пробиваются полоски света. Где-то звучит рояль. Может быть, это играет Женни?

Карл медленно идет дальше. Уже в конце улицы оборачивается, бросает еще раз взгляд на знакомые окна и решительно скрывается за углом.

Пожилой Маркс продолжает свой рассказ:

— Я часто думал — и тогда и потом: какое все-таки счастье, что человек с характером не может долго раздражаться по поводу личных неприятностей, когда столько мерзости кругом в общественной жизни. Стоит ли огорчаться из-за каких-то там пустяков? И тем не менее ситуация складывалась в высшей степени неблагоприятная. В двадцать три года, будучи помолвлен, я оказывался человеком без профессии и без средств. Надо было срочно что-то искать. И наконец нашлись люди, которым понадобилось мое перо. Моим компаньоном в этом деле был Адольф Рутенберг, друг Бауэра, публицист, радикал, прославившийся своими задиристыми статьями. Он-то и привел меня к этим людям.

Вилла Кампхаузена — кельнского банкира. Роскошь напоказ. Сияние хрустальных люстр. В зале двое — Маркс и Рутенберг, тот самый Рутенберг, что некогда ораторствовал, забравшись на стол, в Докторском клубе. Сейчас он уже немного старше, но

*Рутенберг
(Д. Хайнце)*

все так же порывист и горяч. Он напутствует Маркса:

— Постарайся скрыть свой цветущий возраст. Это солидные люди, Карл, и они, естественно, хотят иметь дело с такими же солидными людьми!

— А моя борода? Она на что?

— Да, она, надеюсь, внушит им доверие. Они хотят предложить тебе пост редактора. Не отказывайся. У них какие-то свои соображения, но это нас с тобой не касается. У них свои интересы, у нас свои.

Сад, окружающий виллу Кампхаузена. Аккуратные дорожки, подстриженные кусты, статуи. Роскошный фонтан — струя воды рвется из клюва лебедя.

По садовой дорожке едет на велосипеде тучный господин лет сорока пяти. И само сооружение на двух огромных колесах и фигура велосипедиста, едва держащегося в седле, представляют зрелище весьма экстравагантное. Рядом с велосипедом бежит слуга, поддерживающий хозяина.

— Вперед, вперед! — кричит хозяин, горделиво оглядываясь на гостей, прогуливающих по дорожке. Гости, солидные господа, с улыбкой наблюдают эту картину.

— Bravo, bravo! У вас это прекрасно получается, господин Кампхаузен. Главное — смелость!

Кампхаузен уже слез с велосипеда, вытирая платком взмокшее лицо.

— Да, безусловно, господа! Смелость — залог равновесия! Знакомьтесь. Господина Рутенберга вы уже знаете. А это его коллега — доктор Маркс. А это — мои партнеры, разрешите представить: господин Мевиссен, господин Кляссен, господин Ханземан...

Появляется слуга с подносом. Шампанское.

— Ну что ж, к делу, господа!.. — Кампхаузен внимательно и вполне дружелюбно рассматривает Маркса. — Я полагаю, вам уже известно, доктор Маркс, с какой целью мы вас сюда пригласили. Перед вами — основатели и пайщики неизвестной

Кампхаузен
(Э. Кляйн)

«Рейнской газеты», которая нам всем, здесь присутствующим, не только дорога, но и, надо сказать, дорого обходится. — Господин Кампхаузен отмечает эту шутку тонкой улыбкой и продолжает: — Как вы понимаете, издание газеты не является нашим основным занятием. И, надо сказать, наши интересы гораздо шире чисто торговых или, скажем, только промышленных интересов...

— Я догадываюсь, — говорит Маркс.

— Видите ли, господа аристократы не хотят, чтоб мы участвовали в обсуждении серьезных государственных дел, очевидно, считая это своей родовой привилегией. В таких условиях нам приходится самим думать о трибуне — благо, для этого у нас есть средства...

— Да, конечно.

Один из гостей, Мевиссен, человек, как видно, прямой и дипломатии не обученный, вклинивается в разговор:

— Мы не признаем господства аристократии! Мы считаем, что ее время кончилось и настало время деловых людей. Тех, кто создает, а не тех, кто проедает! Согласны вы или нет?

Маркс смотрит на него с любопытством.

— Согласен!

Третий акционер, Ханземан, — молодой человек с образованием.

— Наши требования, доктор Маркс, помимо чисто экономических и финансовых предусматривают главное...

Он делает многозначительную паузу.

— Конституцию? — живо спрашивает Маркс.

— Да, совершенно верно. Нам нужна конституция!

Акционеры вопросительно смотрят на Маркса. Можно подумать, что от него и зависит, будут ли приняты или отклонены их требования.

Маркс в свою очередь вопросительно смотрит на акционеров.

— Еще один вопрос, доктор Маркс. Простите, сколько вам лет?

— Двадцать четыре, господин Кампхаузен, — с улыбкой отвечает Маркс.

— Двадцать четыре, — удовлетворенно констатирует Кампхаузен. — Прежде чем пригласить вас сюда, мы, не скрою, — и это совершенно естественно — читали некоторые ваши статьи. В том числе — и, я бы сказал, главным образом — те, что не были пропущены цензурой. Должен сказать, что именно ваша смелость и ваш возраст — именно эти два обстоятельства помимо всех прочих достоинств — говорят в пользу вашей кандидатуры, доктор Маркс. К тому же мы знаем, что вы и господин Рутенберг являетесь самыми современными представителями философии Гегеля, что, на наш взгляд, тоже немаловажно... Как видите, мы знакомы и с Гегелем! — улыбается Кампхаузен. — А теперь — пожалуйста. Мы готовы ответить на ваши вопросы.

— Что же вас привлекает в Гегеле?

— Очевидно, то же, что и вас, — отвечает Кампхаузен. — Когда Гегель утверждает, что все действительное разумно, и объявляет святыней такое государство, как наше, тут с ним, конечно, можно поспорить! Но когда он говорит — все разумное действительно, я начинаю верить, что разум когда-нибудь восторжествует над глупостью и разумное станет действительным, а это было бы очень неплохо, господа!.. Ну что? Правильно ли я понимаю вашего Гегеля, доктор Маркс?

— Да, несомненно, господин Кампхаузен!

— Ну что ж, господа. — Кампхаузен не скрывает своего удовлетворения. — Все в порядке. Доктор Маркс нам понравился, мы ему, надеюсь, тоже... Итак, вперед!

Старая печатная машина выбрасывает один за другим свежие газетные листы. Стопа растет. Название готическими буквами — «Рейнская газета».

Типография невелика. Печатная машина, наборные кассы, стол для верстки. Пожилой метранпаж Дитрих знакомит со своим хозяйством Маркса.

— Вот здесь у нас — набор. Это, как бы сказать, наши клавиши. С их помощью мож-

но сыграть что угодно! От торжественной мессы до веселого, легкого танца. Допустим, вы мне говорите: «Что это ты разорался, Дитрих! Надо потише, шепотом!» — и я тогда беру вот эту мелюзгу... — Он высыпает на ладонь Марксу горсть мелких литер. — Или, скажем, наоборот: очень важная новость, которую нужно выделить...

Дитрих проворно берет в руку верстатку, а другой рукой в одно мгновение почти неуловимыми движениями набирает строку.

— Вот, извольте!

— Что это?

— Как — что? «Доктор Карл Маркс, редактор».

Оба смеются.

Голос Маркса-рассказчика комментирует это событие:

— Итак, я стал редактором «Рейнской газеты». Хорошо это или плохо, на первых порах еще трудно было понять. Но по крайней мере появилась какая-то определенность. Как сказал бы мой отец, — почва под ногами. Человек в моем положении не мог об этом не думать.

«Доктор Карл Маркс, редактор», — напечатано на кусочке белого картона. Маркс шутиливо ставит эту карточку к себе

на стол. В просторной редакционной комнате еще несколько таких же столов. Идет работа.

Сотрудников в редакции четверо. Один из них Рутенберг. Сейчас он подсаживается к Марксу, за немением свободного стула — на край стола, и следит за его карандашом. Маркс правит чью-то рукопись.

— Тут нам прислал статью Макс Штирнер, — сообщает Рутенберг. — Ты видел ее? — Да. Вот она.

Рутенберг смотрит в недоумении на исчерканный лист рукописи.

— Это ты... Штирнера?

— Да. А что?

— Не слишком ли ты с ним?

— Нет. — Маркс продолжает править материал. — Весь смысл статьи укладывается в тридцать строчек, а он присылает триста.

Сотрудник за соседним столом поднимает голову.

— Кто это?

— Штирнер, — сообщает ему Маркс.

— Но он наш постоянный автор, доктор Маркс.

— Тем хуже.

— Это Макс Штирнер из Докторского клуба! — напоминает Рутенберг, глядя на исчерканный Марксом лист бумаги и все еще не веря своим глазам.

— Но он говорит глупости! Он воюет с религией при помощи набора трескучих фраз! «Ничтожества в пасторских одеждах!» Что это? Критика христианства?

— Уж не решил ли ты поменяться ролями с нашим уважаемым цензором? — замечает Рутенберг.

— При чем здесь цензор? — Маркс успевает вычеркнуть еще несколько строк.

— Но это типичная цензура!

В этот момент раздается чей-то голос:

— Кто тут позволяет себе так непочтительно говорить о цензуре?

Пожилой господин, в цилиндре, с зонтом и саквояжем, остановился в дверях. Голос его вполне дружелюбен. Это сам цензор. Он тут, судя по всему, свой человек. С ним весело здороваются:

— Добрый день, господин Долешаль!

Цензор раскрывает зонт и ставит его в угол просушиться. Садится, потирает озябшие пальцы.

— Отвратительная погода. Дома у меня все больны. Боюсь, как бы и мне не простудиться.

— Боже вас сохрани, господин Долешаль, — говорит Рутенберг. — Не хотите ли чем-нибудь согреться?

— Благодарю вас, господин Рутенберг. Жена уже дала мне чай с мятой. — Цензор сконфуженно улыбается. — Это не очень вкусно, но иногда помогает.

Он раскрывает саквояж. Достает оттуда гранки. Раскладывает их на столе у Маркса.

Все в ожидании.

— У меня лишь несколько вопросов. — Долешаль находит то, что искал. — Вот. Ваш ответ на передовую «Кельнской газеты». И что вы с ней не поделили? Все время полемика...

— Что поделаешь, господин Долешаль... — чуть заметно улыбается Маркс.

— Не находите ли, доктор Маркс, что тон этих статей несколько запальчив или, я бы сказал, задирист? «Цензура, если только она не является спящим леопардом...» Уместно ли такое сравнение? Или вот... «Перочинный нож цензора!» — Долешаль испытующе смотрит на Маркса. — Не знаю, что вы здесь имеете в виду? И кроме того, всем известно, что для этой цели существует обыкновенный карандаш.

— Красный, — добавляет Рутенберг.

— Совершенно верно, красный.

— Мы исправим это место, господин Долешаль, — обещает Маркс.

— Я просил бы... И вообще этот несколько шутовской тон... при обсуждении столь серьезных вопросов! — Долешаль озадаченно смотрит из-под очков на Маркса.

— Кто может определить, господин Долешаль, где кончается серьезность и где начинается шутка? Вы?.. Но при таком подходе к делу все было бы поставлено в зависимость от вашего понимания юмора, от вашего темперамента. А это, согласитесь, было бы не совсем скромно.

— Почему? — Долешаль удивлен.

— Мне кажется, цензору не пристало обнаруживать свой темперамент.

Рутенберг поспешно раскуривает трубку. За облаком дыма видно его смеющееся лицо.

Долешаль растерянно перебирает гранки. Марксу становится жаль его.

— Поверьте, господин Долешаль, я тоже, как и вы, против глупых нападков на цензуру. Ведь дело не в том или ином цензоре как отдельной личности, а в общей установке государства относительно свободы печати, не так ли?

Долешаль, уже туго соображая, согласно

кивает. Протягивает Марксу еще одну гранку.

— Простите, пожалуйста, вот это... Я там подчеркнул, прочтите...

Маркс читает вслух:

— «И как тут не вспомнить «Божественную комедию»... — Поднял на цензора удивленный взгляд.

— Это звучит кошунственно, доктор Маркс.

— Что именно?

— Это выражение. «Божественная комедия». Если она божественная, то уж никак не комедия. И наоборот: если это комедия, то уж никак...

Долешаль
(Ю. Хольц)

— Но тут кавычки, господин Долешаль! Это название произведения Данте Алигьери.

— И тем не менее.

— Хорошо, — с серьезным видом соглашается Маркс. — Мы скажем иначе: «И как тут не вспомнить бессмертное произведение Данте?»

— Это будет понятно? Какое произведение?

— Неважно, какое. Мы его не назовем. Долешаль, поколебавшись, соглашается.

— Хорошо. На сегодня, кажется, все...

Он медленно, все еще в сомнениях, встает из-за стола. Складывает зонт.

— Подпись, господин Долешаль! — напоминает Рутенберг.

— Ах да! — спохватывается цензор, возвращается к столу и ставит свою подпись.

— Благодарю вас, господин Долешаль.

— До свидания, господин Маркс... До свидания, господин Рутенберг... До свидания, господа...

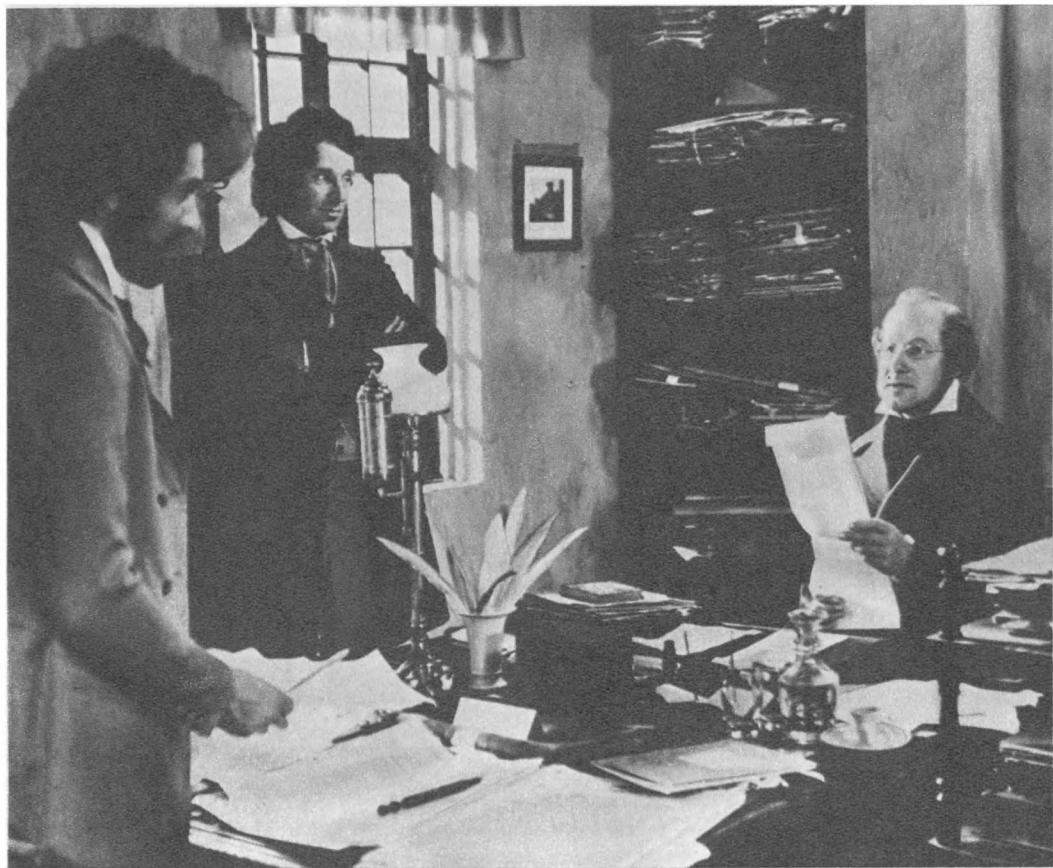
— Передайте мой привет вашей супруге и дочерям, — говорит вдогонку Маркс.

Звонит прощально колокольчик. Дверь за Долешалем закрывается.

Комнату сотрясает хохот.

Пожилой Маркс продолжает рассказ.

— В начале сороковых годов в Кёльне возобновил свою деятельность парламент Рейнской области, ландтаг, возрожденный указом короля. Более того, впервые за всю историю ландтага король разрешил публиковать отчеты о его заседаниях, правда,

не указывая имен ораторов, но и это было уже большим достижением. Вскоре деятельностью ландтага заинтересовалась редакция «Рейнской газеты».

Просторное фойе рейнского ландтага. Некоторое время оно остается пустым. Но вот доносится шум из зала, почти одновременно распахиваются все двери и в фойе несколькими потоками устремляются господа депутаты. Перерыв между заседаниями.

В одной из групп — Маркс, Рутенберг и пожилой господин приятной наружности, склонный больше улыбаться, чем гневаться. Он продолжает спор.

— Это очень сложный вопрос, господин Маркс! Всякий конфликт, если он уже назрел, а мы имеем дело с назревшим конфликтом, должен быть, разумеется, урегулирован. Но тут же встает вопрос: в чью пользу? Как депутат я вам скажу: в пользу крестьян. Но как землевладелец я хотел бы еще подумать!

— Я в этом не сомневаюсь, — иронически замечает Маркс.

— А вы думаете, если разрешить крестьянам самовольную порубку леса, у нас будет больше порядка?

— Речь идет не о порубке!

— Я не вижу тут большой разницы, — продолжает депутат. — Новый закон при всем его несовершенстве будет по крайней мере сдерживать инстинкты толпы, готовой растащить все, что плохо лежит. Я не вижу разницы, приходит ли человек с топором или с корзиной!

В спор вступает второй депутат, более либерального толка, — Мольбах.

— Но заметьте, лесные кражи происходят чаще всего весной, то есть тогда, когда у крестьян кончаются картофель и вообще съестные припасы!

— Видите ли, я не уверен, что тут подходит слова «кража», — замечает Маркс, на что первый депутат, показывая, что он тоже не чужд юмора, отвечает вопросом:

— Вас когда-нибудь грабили, доктор Маркс?

Маркс улыбается, разводит руками.

— И все же, господа, — продолжает Мольбах, — я бы голосовал за поправку. А тот параграф, где размеры убытка определяет сам потерпевший, звучит не совсем убедительно...

Рутенберг:

— Ну, смотря для кого, господин Мольбах! Для потерпевшего, я думаю, он звучит совсем неплохо!

— Мы возвращаемся к временам феодалов, господа! — с грустью констатирует депутат-либерал.

Рутенберг:

— А разве у нас сейчас другие времена?

Но и у первого депутата, консерватора, есть свои резоны:

— Это все верно, господа. Как человек, более того, как гуманист, я искренне сочувствую этим людям, поверьте. Но не забывайте, господа: мы с вами издаем законы! Представьте себе на минуту, что мы ослабили наш правопорядок. Кто от этого выиграет? Государство? Общество? Или, может быть, сам крестьянин? Нет, он пойдет еще дальше в своем разнузданном отношении к чужой собственности. Вы, надеюсь, не социалист, доктор Маркс?

— Доктор Маркс не социалист, — раздается голос за спиной Маркса. — Но он убежденный противник твердой власти, судя по статьям «Рейнской газеты»!

Пожилой господин в окружении целой свиты только что вышел из зала и остановился. Остановилась и свита.

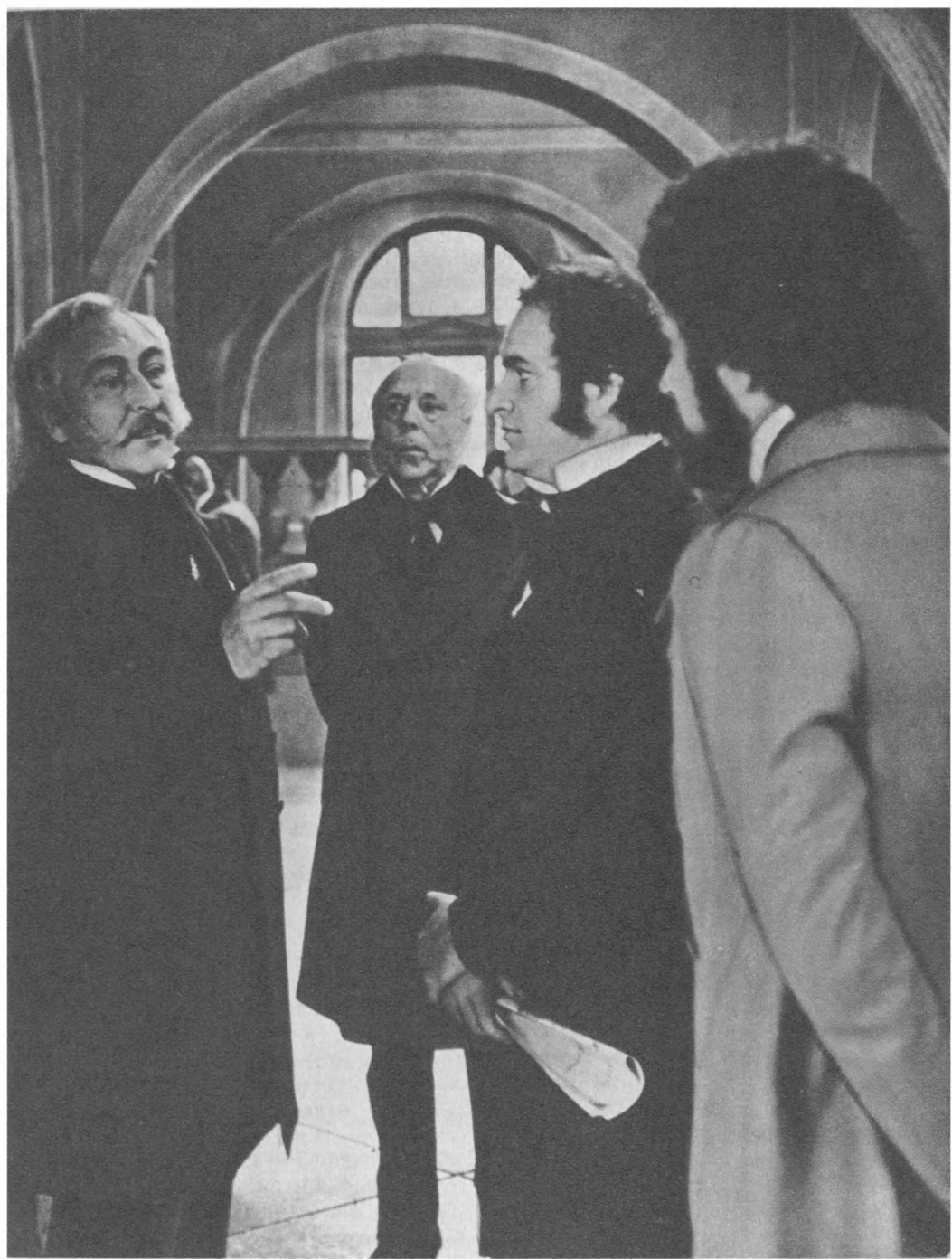
— Из чего вы делаете такой вывод, господин обер-президент? — вполне учтиво спрашивает Маркс пожилого господина.

— Из ваших статей по поводу цензуры.

Обер-президент Рейнской области фон Шапер настроен, впрочем, вполне миролюбиво. Тон его полемики отнюдь не резок, скорее, снисходителен, с долей юмора:

— Я с большим вниманием читал эти статьи и нахожу их остроумными. Пожалуй, даже слишком для такого серьезного философа, каким мне вас рекомендуют.

— Мы пытаемся связать философию с жизнью, господин обер-президент, — вступает в разговор Рутенберг.

Шапер бросает на него беглый взгляд и обращается к Марксу:

— Ну что ж, желаю успеха... — Он уже сделал шаг в сторону, свита повторила за ним этот шаг. Обернулся, вспомнил: — Как там ваш цензор Долешаль?

— Цензор Долешаль? По-моему, весьма строгий и в то же время разумный цензор. отвечает Маркс.

— Как понимать слово «разумный» в применении к цензору? Мягкий?

— Я бы этого не сказал.

Обер-президент обращается к свите:

— У наших господ журналистов стало хорошим тоном критиковать правительство. Смотрите, что получается: почти пятнадцать лет наш ландтаг, по существу, бездействовал. Ныне волей его королевского величества этот демократический институт возрожден. И что же мы видим? Наши господа писатели не находят ничего умнее, как издеваться над только что возрожденным парламентом и его решениями. именуя их не больше не меньше как парла-

ментским кретинизмом. И строгий цензор Долешаль пропускает такое...

Но ведь это литературный образ, ваше превосходительство, — замечает Маркс.

Хороши же ваши образы, господа! — И обер-президент со свитой удаляется.

Служитель с колокольчиком обходит фойе, приглашая депутатов в зал. Маркс и Рутенберг остаются в одиночестве. Смотрят вслед обер-президенту, потом друг на друга.

Здорово же мы им насолили! — говорит Рутенберг

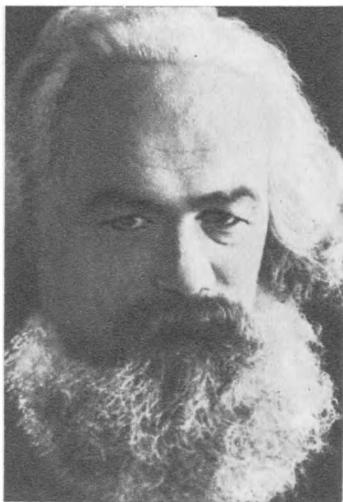
— Нет, Рутенберг. Эти булавоочные уколы не дадут никаких результатов, может быть, только потешат наше самолюбие, — отвечает задумчиво Маркс. — Надо заниматься делом!

— Что ты имеешь в виду?

— Любое конкретное дело, даже эти лесные кражи, которые не дают покоя нашим парламентариям. Да и кражи ли это, Рутенберг, ты думал об этом? Кто сказал, что это именно кражи?

Глава третья

Зал судебных заседаний. Трое судей в традиционных мантиях. Присяжные. Прокурор. Адвокат. Истец. Ответчик. Немногочисленная публика. Суд проходит в скучной, томительной тишине.

Ответчик, еще не старый крестьянин Конрад Браатс, терпеливо выслушивает нескончаемую речь судьи:

— На основании закона от седьмого июня тысяча восемьсот двадцать первого года, с дополнениями от пятого августа тысяча восемьсот тридцать восьмого года и четвертого мая тысяча восемьсот тридцать девятого года, распространяющимися на хищение травы, мха, листьев из лесных угодий, а также прочих лесных продуктов, господин Конрад Браатс должен возместить барону Готфриду фон Питрицу стоимость похищенного в четырехкратном размере. Что составляет четыре талера и двадцать шесть зильбергрошей...

Маркс, сидящий с записной книжкой в руках на скамье среди публики, с интересом следит за ходом процесса.

Голос Маркса за кадром:

— Иногда простые цифры сами подводят нас к обобщениям. Из двухсот семи тысяч уголовных дел, которые слушались в судах Прусского государства в течение одного прошлого года, около ста пятидесяти тысяч, то есть три четверти, составляли дела о незаконных лесных порубках, захвате выгонов для скота, нарушении законов об охоте и неприкосновенности лесов. Было над чем задуматься...

Судья завершает рассмотрение дела:

— Решение вступает в силу немедленно и подлежит исполнению в двадцать четыре часа.

Секретарь приближается к столу судьи, берет бумагу с решением, подходит к ответчику.

— Распишитесь, господин Браатс.

Начинается рассмотрение нового дела.

— Ваше имя, занятие, место жительства? — обращается судья к ответчику, представшему перед судейским столом.

— Иоханнес Нааке, крестьянин, живу в Юнкерсдорфе.

— Господин Нааке, признаете ли вы предъявленный вам иск?

— Нет, не признаю, господин судья.

И пока длится допрос, пока Нааке пытается что-то оспорить, что-то доказать, Марк продолжает размышлять:

— Исход этого дела предрешен. Денежный штраф либо трудовая повинность в пользу пострадавшего хозяина. Для доказательства факта кражи вполне достаточно, что в сарае у крестьянина обнаружили хворост. Достаточно, если это подтвердит единственный свидетель — лесник, состоящий на службе у того же хозяина; он же определит и размеры убытка.

Снова удар судейского молотка.

— Ваше имя, занятие, место жительства?

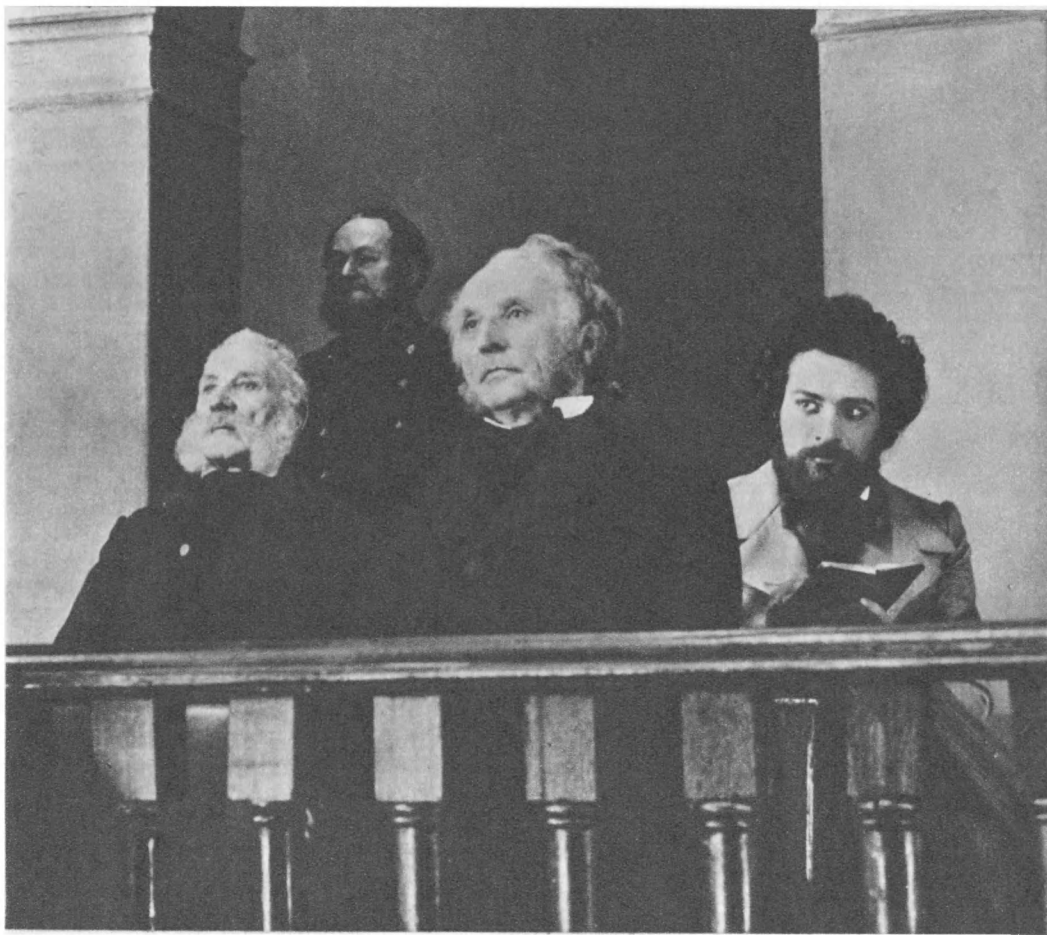
Теперь перед судом выступает не ответчик, а адвокат истца. Он учтиво отрекомендовался:

— Доктор Фридрих Кюне. Адвокат. Мёнхен-Гладбах.

— Доктор Кюне, в данном процессе вы представляете... — начинает монотонно судья.

— На этом процессе я представляю интересы барона фон Херингена, — опережает его адвокат. — Имея на руках им лично подписанную доверенность в законном порядке.

— Итак, вы утверждаете, что в марте месяце этого года, находясь в лесных

угодьях барона фон Херингена, ответчик, присутствующий в суде, Иоханнес Нааке, самовольно и незаконно присвоил лес в виде сухого хвороста для отопления в количестве четырех вязанок...

— Неправда это, — робко протестует подсудимый Нааке.

— Суд предупреждает стороны, — так же монотонно продолжает судья, — вы должны давать ответы лишь на вопросы, поставленные вам судом согласно установленному порядку.

— Я и отвечаю, господин судья, — Нааке не может согласиться с такой несправедливостью. — Не брал я хвороста, ни одной вязанки.

Голос судьи становится строже:

— Господин Нааке, суд предупреждает вас...

Маркс смотрит на судью. Его взгляд полон иронии. Склонившись над записной книжкой, он продолжает размышлять:

— Это пока лишь судебная практика, но скоро она получит силу закона — так хочет ландтаг. Законодательство развивается в интересах имущих. Их привилегии, их право сильного, захватное право постепенно превращаются в законы государства... И сколько же страсти из-за вязанки хвороста! Побеждают деревянные идолы, приносятся в жертву обездоленные люди... Трутни убивают рабочих пчел.

— «Эта логика, превращающая прислужника лесовладельца в представителя государственного авторитета, превращает государственный авторитет в прислужника лесовладельца...»

Эти строки читает сейчас вслух цензор Долешаль в своем домашнем кабинете. Маркс скромно сидит рядом. Прочитав вышеупомянутые строки, цензор вскидывает на него вопрошающий взгляд. Кажется, он толком и не понял смысла прочитанного. Маркс не спешит с разъяснениями. Цензор продолжает:

— «Все органы государства становятся ушами, глазами, руками, ногами, посред-

ством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегают...»

Цензор откидывается в кресле.

— Не слишком ли сильно сказано?

— Я думаю, что нет, — примирительно отвечает Маркс.

— «...Подслушивает, высматривает...»

— «...Охраняет...!»

Долешаль глубоко задумывается. В этот момент в дверь кабинета просовывается голова девушки.

— Папа!

— В чем дело, Луиза? — Долешаль недовольно оборачивается. Красный карандаш, уже занесенный над строкой, откладывается в сторону. — Прошу прощения... — Он встает и покорно направляется к двери.

В соседней комнате цензора атакуют сразу три женщины — фрау Долешаль и дочери, Луиза и Зельма. Все три разодеты, собираются не иначе как на бал, и дела, которыми занят сейчас Долешаль, им крайне некстати. Фрау Долешаль объясняет это мужу красноречивыми знаками. Муж в свою очередь показывает, что скоро освободится.

— Папа! — успевает вставить Луиза. — Посмотри на мою шляпу! Вот с этим бантом... А теперь с этим!.. Какой, ты считаешь, лучше?

— Вот этот, — механически отвечает Долешаль, уже открыв дверь кабинета.

— Который? Голубой?.. А если сюда — букетик цветов? — Луиза прикладывает к шляпе ладошку.

— Где же тебе возьму сейчас букетик? — яростным шепотом произносит Долешаль и входит в кабинет.

Здесь он опять корректен и приветлив. Маркс следит за его рукой, которая ищет и находит на столе красный карандаш.

— Все же, доктор Маркс, — внушительно произносит цензор, — не слишком ли резок этот стиль, поскольку речь идет о государственном законе?

— Господин Долешаль, вам когда-нибудь случалось собирать в лесу хворост?

— Не приходилось.

— Остерегайтесь это делать. Найдется лесовладелец, который обвинит вас в краже, и по новому закону, если он вступит в силу, вы, господин Долешаль, попадете в кабалу к хозяину на срок, который установит для вас он сам!

— Как то есть? — весело заинтересовался цензор.

— А вот так. Владелец леса становится, как вы видите, собственником не только леса, но и закона. Разве нет? И более того, само государство становится как бы его частной собственностью, о чем и пишет автор этой статьи.

— Я понял вас. Но может быть, имеет смысл сказать об этом в более мягкой, что ли, форме и не столь откровенно? — Долешаль вопросительно смотрит на Маркса.

— Но долг публицистики — быть откровенной, господин Долешаль, и это, как вы знаете, не мои слова, — многозначительно замечает цензору Маркс. — «Быть откровенной, дабы пробудить в обществе интерес к отечественным делам и повысить национальное чувство». Это слова его величества!

Довод оказался убедительным. Долешаль читает дальше.

Маркс, сидя рядом, следит за его карандашом.

— Вот здесь вы пишете о каких-то деревянных идолах, в жертву которым приносятся обездоленные люди...

— Да, совершенно верно.

— Идолы — это кто? Кого персонально вы имеете в виду?

— Я никого не имею в виду. А автор этой статьи, надо полагать, имеет в виду не конкретных лиц, а идолы, так сказать, в поэтическом значении этого слова.

— «В поэтическом»... — недоверчиво повторяет Долешаль и косится на дверь, за которой слышен шум голосов.

Маркс перехватывает его взгляд.

— Я, может быть, не вовремя, господин Долешаль?

— Да нет, ничего, — бормочет цензор. — Мы приглашены на бал к обер-президенту... Ну а женщины, как вы знаете, всегда спешат и в конце концов всегда опаздывают... А все же кто этот автор, позвольте вас спросить? Тут подписано: «Житель Рейнской провинции».

— Совершенно верно. Он житель Рейнской провинции.

— Но у него, вероятно, есть и имя?

— Да, надо полагать.

— Вам не кажется, что, подписывая свои статьи таким странным образом, то есть скрывая свое имя, этот самый «Житель Рейнской провинции» перекладывает ответственность с себя на редакцию... на вас!

— Что поделаешь, такова наша с вами участь, господин Долешаль. — Маркс разводит руками. — Они себе пишут, а мы — за них отвечаем!

— Вот то-то и оно!

А между тем кандаш цензора делает свое дело: вычеркнута еще строка в гранках. И еще строка...

Маркс быстро поднимается.

— Я чувствую все-таки, что задерживаю вас...

Цензору остается выпустить из рук гранки. Обреченно, с видом человека, на все решившегося, он ставит свою подпись, и вот гранки наконец в руках Маркса.

При выходе из кабинета в соседнюю комнату Маркс сталкивается с тремя женщи-

нами. Они давно одеты, истомились в ожидании. Фрау Долешаль бросает гневные взгляды на мужа.

— Простите, фрау Долешаль, простите, фрейлейн, это я задержал господина Долешалья, — церемонно извиняется Маркс. — Что поделаешь, наши обязанности, увы, совершенно не оставляют времени для жизни...

Цензор, вдруг вспомнив о чем-то, окликает его:

— Одну минуточку, господин Маркс...

И они опять идут в кабинет.

— Алоиз! — не выдержав, зовет мужа фрау Долешаль.

Но цензор не слышит ее. Поспешно отобрав у Маркса уже подписанные гранки, он опять погружается в чтение.

— Что, господин Долешаль? — уже с улыбкой спрашивает Маркс.

— Вот тут я не все понимаю, как раз в этом месте, взгляните, пожалуйста...

— Я думаю, это не страшно, господин Долешаль. Разве цензор обязан все понимать?

Долешаль грозит ему пальцем.

— Я знаю, как вы относитесь к цензуре!

— Да, представьте, я считаю, что наилучшим выходом для цензуры было бы ее упразднить!

— Вот как?.. — Долешаль укоризненно качает головой. И вдруг подмигивает:

— А что же мы тогда будем есть?

И, довольный своей шуткой, возвращает Марксу гранки.

Маркс опрометью бежит вниз по лестнице, на ходу рассовывая гранки по карманам. Наверху хлопнула дверь. Он на секунду остановился, посмотрел вверх и помчался дальше — скорее, пока не раздумал цензор!

Он легкой, быстрой походкой идет, улыбаясь, по улицам Кёльна. Мы видим, как он еще молод — ему только двадцать четыре года...

Печатная машина выбрасывает газетные листы. Стопа растет.

Маркс — здесь же, у машины — пробегает глазами свежий номер «Рейнской газеты».

Голос из-за спины:

— Вы бы прошли к моему столу, доктор Маркс. Там удобнее.

— Спасибо, господин Дитрих, — Маркс не отрывается от газеты. — Я очень спешу. Дитрих появляется рядом.

— Наши дела, кажется, пошли в гору? Тысяча пятьсот экземпляров!

— Посмотрим, посмотрим... — Маркс поднимает голову. — Я вас попрошу, все наши последние гранки. Дайте их мне с собой.

— Хорошо. — Дитрих стоит рядом, не уходит. — Доктор Маркс!

— Да, пожалуйста.

— А как бы вы отнеслись к стаканчику мозельского вина?

— Вот здесь, сейчас?

— Да, конечно. А что ж нам откладывать? — Дитрих отправляется за бутылкой и стаканом. Они у него здесь же, в шкафчике. — Никогда ничего не надо откладывать. Наливайте, у вас руки почище моих... И далеко вы уезжаете?

— В Трир.

— По делам нашей газеты?

— Нет. По своим личным делам.

— Это хорошо. Я как раз подумал: почему бы вам не жениться?

— Представьте, я думаю о том же.

— О, это прекрасно! Ваше здоровье, доктор Маркс!

— Ваше здоровье, господин Дитрих!

— Женитесь. Непременно.

— Ну, если вы настаиваете...

— О, с этим не надо особенно медлить. Сказал — и женился!

— Вот и я так думаю! Ваше здоровье!

Трир. Римская улица. Маркс стремительно идет к дому Вестфаленов. В руках цветы.

Взбежал по лестнице. Отдышался. Позвонил.

Дверь открывает Ленхен.

Что-то случилось. Ленхен молча пропускает Маркса. Лицо ее заплакано.

В прихожей незнакомые люди. Человек с саквояжем — доктор. Ему помогают раздеться. Его здесь ждут. Быстро, ни на кого не глядя, доктор проходит в гостиную, затем дальше, в кабинет. За ним закрывается дверь.

• В гостиной еще какие-то люди. Среди них Фердинанд фон Вестфален. Издали он кивком поздоровался с Карлом. Карл осторожно, пугаясь звука собственных шагов, становится у стены.

Несколько секунд полной тишины. Из кабинета выходит незнакомый мужчина. Он нашел глазами Фердинанда, позвал его. Оба скрылись за дверь. Туда же, в кабинет, пробежала Ленхен, держа обеими руками кувшин с водой. Дверь опять закрылась.

Карл стоит в оцепенении, не сводя глаз с двери.

И вот она открылась еще раз, Женни вышла и остановилась, невидящим взглядом посмотрела вокруг, потом наконец заметила Карла. Он уже шагнул ей навстречу. Но в этот момент дверь распахнулась и появился доктор.

Он прошел мимо людей, замерших в тревожном ожидании, мимо Карла и Жен-

ни, под их взглядами, деловым шагом человека, сделавшего все, что было возможно, и скрылся в прихожей. Дверь кабинета осталась открытой, словно обнажив печальную суть происшедшего. Все, кто был в гостиной, один за другим, опустив головы, переступают этот порог.

Маркс вспоминает:

— Это была вторая после смерти отца и, пожалуй, такая же страшная для меня утрата. Старый Вестфален!.. Он был необыкновенным человеком — удивительного ума и честности. Когда мы становимся старше, мы с легкостью низвергаем кумиров нашего детства, не находя в них того, что нам казалось и мнилось, когда мы были детьми. Но, пожалуй, только в зрелые годы я смог по-настоящему оценить, кем был для меня отец Женни и мой второй отец — Людвиг фон Вестфален... Я уезжал из Трира, чувствуя, что навсегда осиротел.

Почтовая станция. Дилижанс. Женни провожает Карла.

— Ты мне так ничего и не сказал. Как твоя газета?

— Все идет своим чередом.

Пауза.

— Возвращайся скорее, — просит Женни.

— Да, конечно. — Он смотрит на нее долгим взглядом, прощаясь. — Я приеду за тобой...

Потом ее долгий взгляд — уже вслед отъехавшему дилижансу.

Дворец Сан-Суси в Потсдаме. Стремительно движется через залы со своей свитой разгневанный Фридрих-Вильгельм IV, король Пруссии. В руках у него «Рейнская газета». Министр внутренних дел фон Арним и рейнский обер-президент фон Шапер едва поспевают за монархом.

— «Побеждают деревянные идолы, а приносятся в жертву обездоленные люди.

Трутни убивают рабочих пчел». Ловко написано! Им, конечно, не откажешь в остроумии, этим господам. Вы так умеете писать, фон Арним?

— Не пробовал, ваше величество.

— «Ландтаг не выносит дневного света», — продолжает король. — Это же прекрасно! В Германии появился свой Вольтер! «Ландтаг не выносит дневного света!» А где это он их назвал кретинами?

— В предыдущей статье, ваше величество, — подсказывает Шапер. — Там это было употреблено, так сказать, в переносном смысле.

— Вы уверены, что в переносном? — смеется король. — Нет, положительно Вольтеры, я давно не читал ничего подобного. Этот Рутенберг — способный малый.

— Я полагаю, что это не Рутенберг, ваше величество, — замечает Шапер. — Там есть и другой, не менее способный господин — некий доктор Маркс.

— Что еще за Маркс, что вы мне голову морочите! Это Рутенберг, я узнаю по замашкам. Я давно слежу за этим прохвостом! Рутенберг, конечно же, и только он, — безапелляционно утверждает король. — Смотрите, как интересно, господа! Мы с вами наивно полагаем, что государственная мудрость — это привилегия короля и его министров. Ничего подобного! Господин Рутенберг — вот самый мудрый человек на сегодняшний день! Мы с вами хотели иметь «Рейнскую газету» потому, что нам не нравилась «Кёльнская». И что же? Вместо одной опасной газеты мы имеем две, и еще не известно, какая из двух опаснее! Ловко же преподносят нам свои идеи эти господа Рутенберги! Bravo!

Закончив тираду, король вопросительно смотрит на министра и обер-президента. И тот и другой молчат. Наконец заговорил министр.

— Ваше величество, если позволите, я бы, откровенно говоря, не преувеличивал опасность. Эти господа играют идеями, которые, смею полагать, не могут соблазнить людей, стоящих на твердой почве в жизни...

— А почему бы им, к примеру, не играть другими идеями, более полезными для государства? Как по-вашему, фон Арним? Неужели мы с вами так бессильны, что не можем привлечь к этой деятельности более трезвых и благонамеренных людей? Или вы боитесь, что они не будут столь остроумны, как этот господин Рутенберг?

— Ваше величество... — начинает фон Арним. Но король не дает ему договорить:

— Какой тираж у этой газеты?

— Около двух тысяч экземпляров. Но должен заметить, ваше величество, что еще три месяца назад он был почти вдвое меньше.

— Смотрите, какая популярность! Вот что значит остроумный стиль. Признаюсь, я и сам с удовольствием продолжал бы читать статьи господина Рутенберга, но две тысячи читателей — это, пожалуй, многовато. Эту газету придется закрыть.

Министр и обер-президент покорно молчат. Потом Арним все же отваживается возразить:

— Воля вашего величества. И тем не менее, если будет мне позволено, я бы предостерег от такой радикальной меры. Боюсь, что выигрыш здесь будет неравнозначен проигрышу. Закрыв «Рейнскую газету», мы неизбежно создадим ей ореол мученицы, невинно пострадавшей за правду. Нужно ли это государству в данный момент, ваше величество? Нет ли тут путей более тонких?

Король не любит терять времени.

— Хорошо, мы воздержимся от крайних мер. Но лишь с тем условием, что господа журналисты и в равной степени господа акционеры будут строго предупреждены... от вашего имени. Да, господа. И от вашего же имени удалите этого остролова Рутенберга. Пусть упражняется в своем остроловии подальше от газетных страниц... Подальше, подальше, господа!

Медленно плывет по Рейну старый парол, шлепая колесами по воде.

На палубе — собрание акционеров. Здесь

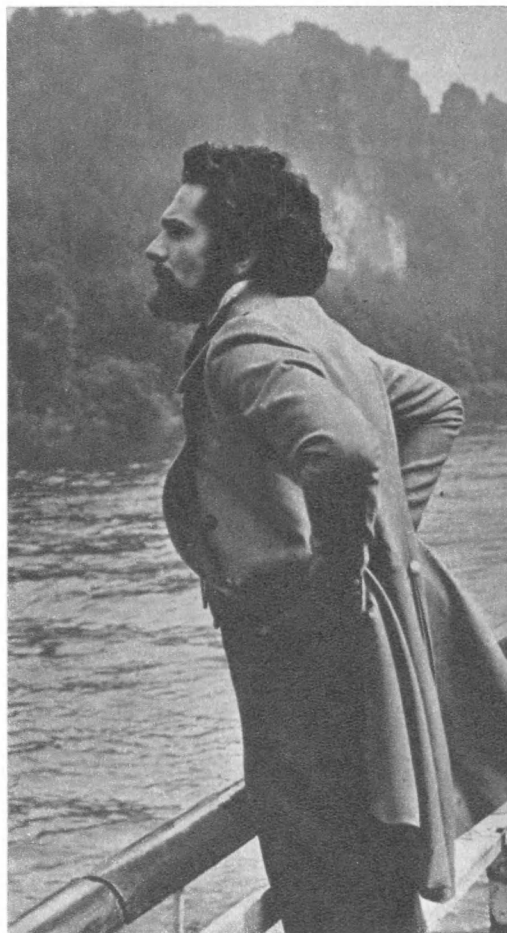
Кампхаузен, Кляссен, Мевиссен, Ханземан — все наши старые знакомые. На этот раз обстановка сугубо деловая, лица серьезны.

Акционеры смотрят на Маркса, Маркс — на них.

— Ну-с, доктор Маркс, что будем делать? — спрашивает Кампхаузен.

— Газета — в ваших руках, господа. Я лишь представляю в данном случае ваши интересы.

— Доктор Маркс! Здесь собрались деловые люди. Обойдемся без дипломатии. Считаете ли вы возможным подчиниться требованиям министра внутренних дел?

— Я повторяю: газета, господа, — в ваших руках. Вы можете и вовсе изменить ее направление, это ваше право. А мое право — решить, стану ли я работать в такой газете или нет.

— Ну-ну, доктор Маркс, не горячитесь! Речь идет о минимальных уступках. Только в отношении формы и стиля, но никак не содержания. Здесь собрались люди, обладающие достаточным весом в обществе, чтобы заставить считаться с собой даже короля и его министров!

— Это вам говорит не кто-нибудь, а господин Кампхаузен! — внушительно добавляет Мевиссен.

— Я думаю, мы поняли друг друга, доктор Маркс!.. — улыбается Кампхаузен.

Комната редакции. Рутенберг и двое молодых сотрудников. Маркс только что вошел и, даже не успев присесть, читает вслух написанную им петицию:

— Пункт первый. Требование изменить тенденцию газеты можно учесть только в отношении формы публикуемых статей, но никак не их содержания. Как нам кажется, правительство должно быть заинтересовано в такой газете, как «Рейнская», на страницах которой находит себе место

не низкая ложь, а сознающая свою благородную цель критика...

— Отлично! — восклицает Рутенберг

— ...И теперь вы сможете сами решать, ваше превосходительство, могу ли я и должен ли я, как орган людей, вложивших в газету, как вам известно, свои капиталы, — должен ли я заявить, что «Рейнская газета» изменит свою тенденцию, и будет ли ее запрещение применением насилия к отдельным частным лицам, а не, напротив, к Рейнской провинции и немецкому духу вообще?!

— Bravo! — аплодируют сотрудники редакции.

Маркс продолжает:

— Так. И пункт второй. В связи с требованием удалить господина Рутенберга редакция настаивает, чтобы ей указали, на основании какого закона выдвигается это требование; в противном случае редакция будет в установленном порядке...

— Bravo! Ты настоящий юрист! — аплодирует Рутенберг.

— А как же, — отвечает Маркс. — Для чего-то же я штудировал право!..

— Разрешите? — слышится в дверях. Там рядом с Дитрихом возник совсем некстати молодой господин в цилиндре и пелерине, прервав своим появлением аплодисменты. У него весьма светский вид, свободные, с долей развязности манеры.

— Господин Маркс! Господа! Очень рад. Хотя, мне кажется, я не вовремя, прошу извинить... Сен-Поль! — называет он себя и долго, с горячностью закадычного друга жмет руку Марксу, а затем по очереди и всем остальным. — Сен-Поль... Сен-Поль... Мое имя вам ничего не говорит? — обращается он к Марксу. — Берлинский университет, кафе «Штехели», доктор Бауэр... Был случай, когда мы с вами сидели за бутылкой хорошего рейнского, и даже, мне помнится, там была не одна бутылка!.. Я только что из Берлина, господа, и не далее как неделю назад ужинал в компании наших общих друзей, поэтому можете считать, что я доставил вам их дружеские приветы...

— Спасибо, — отзывается наконец Маркс, продолжая разглядывать незнакомца.

— Нам, господа, предстоит теперь часто видеться, — невозмутимо продолжает молодой человек. — Я ваш новый цензор...

— Вот как?

— Да, представьте себе... Господин Долешаль с сегодняшнего дня освобожден от этих неприятных обязанностей. Можно ему позавидовать — ему назначили пенсию. А меня вот, как видите, прислали к вам. Должен сказать, что Кёльн производит весьма приятное впечатление. Весьма... Вы где обедаете, доктор Маркс?

— Я живу в пансионе.

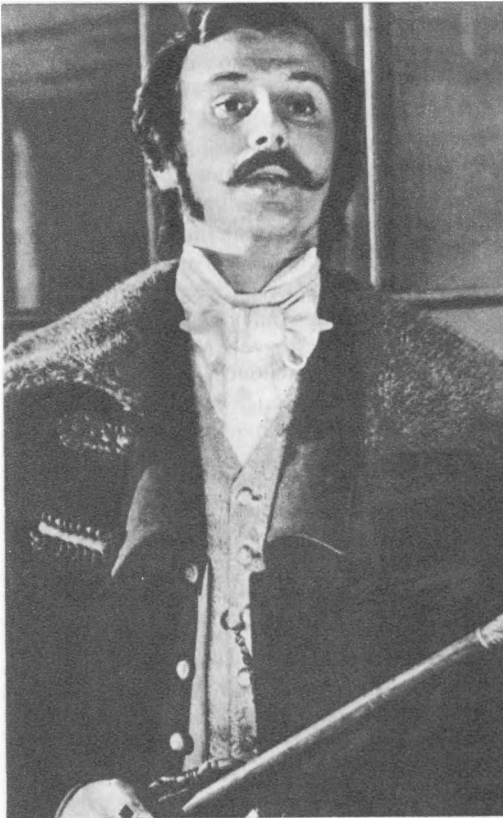
— Понятно. Но вы, конечно, слышали о проделках нашего общего друга? Я говорю о Бауэре. О, это великолепная история, я обязан ее рассказать.

В дверях топчется Дитрих, метранпаж. Ему нужен кто-то из редакторов. Он с неудовольствием косится на болтливого посетителя.

— Представьте себе — церковь, — оживленно рассказывает Сен-Поль. — Венчание. Женится... кто б вы думали — Штирнер! Бедняга священник уже пробормотал все свои молитвы, тянет руку за обручальными кольцами. И тут наш друг Бауэр подает ему два медных кольца от своего вязаного кошелька... «В чем дело? — шепчет бедный пастор. — Где кольца?» «Вот кольца», — говорит Бауэр. «Это не те кольца!» — «Какая разница, они вполне могут сойти за обручальные!» Священник лишается дара речи, жених чуть не падает со смеху, невеста в обмороке, родственники стоят с разинутыми ртами!.. — Сен-Поль смеется. — Представляют? Но это еще не все! За окнами мимо церкви идет процессия нищих... — Сен-Поль наконец заметил метранпажа. — Вы ко мне?

— Я скоро освобожусь, господин Дитрих! — говорит метранпажу Маркс.

— Процессия нищих! — упоенно продолжает Сен-Поль. — Вы не читали в берлинских газетах? Человек сорок или пятьдесят настоящих нищих за какие-то гроши

собираются и идут шутовской процессией по Унтер-ден-Линден, мимо университета. «В чем дело, господа?» — «Нам даровали свободу шестив, в том числе и для нищих!»

Сотрудники редакции сдержанно, скорее из вежливости, смеются. Маркс нетерпеливо барабанит пальцами по столу.

— Ну что ж... — Сен-Поль окидывает победным взглядом смеющихся и переходит к делу. — Вы дадите мне что-нибудь почитать?

Маркс отвечает:

— Нет, господин Сен-Поль, в следующий раз. Мы здесь как раз думаем о новом направлении газеты.

— Новое направление — это хорошо... — Цензор смотрит внимательно на Маркса. —

Не скрою, я бы очень хотел найти с вами общий язык, господин Маркс.

— Представьте, я тоже.

— Я остановился в отеле «Миньон», милости прошу.

— Благодарю.

Все с той же настороженной вежливостью они прощаются. Приветственно взмахнув рукой, Сен-Поль уходит.

Пауза. Все взгляды обращены на дверь, за которой скрылся этот странный цензор. А Дитрих, метранпаж, не будучи в курсе дела, простодушно спрашивает:

— Кто этот прохвост?

Ему в ответ раздается смех.

— Что за процессия нищих?

Маркс смотрит на Рутенберга.

— Неужели это правда? Но это же глупость! Неужели они не понимают, как это все смешно и жалко!

— Знаешь, Карл, многое в истории, что нас сейчас восхищает, выглядело в свое время смешным и жалким.

— О чем ты говоришь? Что здесь достойно восхищения? Грубость? Или вот эта, с позволения сказать, демонстрация свободы, в которой истинной свободы нет ни на грош!

И новая гневная тирада вот-вот сорвется с уст Маркса, но на пороге комнаты появился еще один посетитель. Он пришел уж совсем не вовремя, но деваться некуда, и после небольшой заминки вошедший обращается к Марксу:

— Прошу прощения. Моя фамилия Энгельс. Я приходил в прошлом месяце, вам наверное, передавали. Я просил назначить день, когда мы могли бы встретиться с вами и побеседовать. Очень рад, что наконец-то вижу вас.

— Да, да, мне говорили... Прошу.

Маркс предлагает гостю стул, но сам продолжает стоять.

— Не знаю, говорит ли вам что-нибудь мое имя? Берлин, кафе «Штехели»... Доктор Бауэр. У нас с вами много общих друзей.

— Да, пожалуй.

— И надо сказать, они говорят о вас до сих пор.

— Ну, это понятно.

— Вы... ограничены временем?

— Увы...

— Очень жаль. — Заметив нетерпение Маркса, гость приступает наконец к делу. — Видите ли, я сейчас отправляюсь в Англию, в Манчестер, и, вероятно, там задержусь надолго. Я мог бы, если это представит для вас интерес, присылать свои корреспонденции в газету.

— Пожалуйста. Присылайте.

Энгельс все еще рассчитывает на более подробный и доверительный разговор.

— Вас, возможно, заинтересует вопрос о политике покровительственных пошлин?

Маркс в нетерпении.

— Да-да, хорошо, доктор Энгельс, будем ждать ваших статей...

— Я мог бы также сообщить кое-что любопытное о развитии на английской почве некоторых идей коммунизма в плане философском и, может быть, в плане экономическом...

— Нет, это нам не нужно, господин Энгельс. В плане экономическом это еще, вероятно, утопия, а в философском плане... Тут у нас некоторые господа уже пробовали протаскивать коммунизм даже в театральные рецензии. Но, я думаю, впредь мы воздержимся от подобной смелости, хотя бы

из уважения к этому коммунизму, которого ни вы, ни я толком не знаем...

— Я понял вас.

— Очень рад. — Поклон Маркса означает, что беседа закончена. — Желаю вам успеха, доктор Энгельс.

— Нет, нет. Не доктор. Всего лишь купец и канонир.

— Ах вот как! Вы весьма разносторонни. И торговец... и артиллерист...

— А это еще не все. — Энгельс дает понять, что прекрасно чувствует иронию и не намерен оставаться в долгу. — Я иногда пишу даже стихи. Вам ничего не говорят такие строки? «Кто мчится вслед за ним,

как ураган степной? То Трира черный сын с неистовой душой! Он не идет — бежит, нет, катится лавиной! Отвагой яростной сверкает взор орлиный...» Это о вас, доктор Маркс. Таким вы были когда-то в Докторском клубе...

— Что поделаешь, времена меняются, люди — тоже... Был весьма рад...

Энгельс покидает комнату редакции.

Спускается по лестнице.

Идет по улице старого Кельна.

Маркс вспоминает:

— Это была наша первая, более чем прохладная встреча. Она не обнадеживала. Годы спустя мы вспоминали о ней с улыбкой. Ведь я тогда заподозрил Энгельса в каких-то особых симпатиях к людям, с которыми внутренне уже разошелся, — бывшим моим товарищам по Докторскому клубу. Гордо величая себя «свободными», они бесчестили это слово своими скандальными выходками. Они были просто смешны в роли борцов с религией и государством. Нелепая клоунада под фейерверк революционных фраз. И никакой серьезной цели! Я не мог простить Бруно Бауэру, что, вернувшись из Бонна в Берлин, он не только не прекратил эту комедию, а и сам принял в ней участие. Усевшись в удобное кресло абстракции, он превратил свободное, независимое мышление, которым мы так гордились в нашем Докторском клубе, в пустую забаву, стрельбу по воробьям. Что ж, наши пути должны были разойтись...

Небольшой пансион на одной из тихих улочек Кельна. Маркс входит в парадное. Поднимается по винтовой лестнице.

— Доктор Маркс? — Это голос хозяйки сверху. — А вас ждут...

В небольшой гостиной сидит человек.

— Фердинанд?..

Маркс удивленно пожимает руку Фердинанду фон Вестфалену.

— Что-нибудь случилось?

— Нет-нет... Добрый день, доктор Маркс.

— Пройдемте лучше ко мне.

Маркс открывает своим ключом дверь в небольшую комнату. Нельзя сказать, что эта новая его обитель сильно отличается от прежних студенческих квартир. Опять книги, рукописи, сигары, следы ночных бдений.

Карл несколько смущен.

— Простите. Я совсем не ждал... Садитесь, пожалуйста. — Он убирает с кресла книги. — Вы... проездом?

— Нет. Я ехал сюда специально. А ты становишься популярным... — Фердинанд продолжает оглядывать комнату. Увидел портрет Женни в овальной рамке на письменном столе. Отвернулся.

— Вы хотите сказать — наша газета?

— Не скромничай. Ни для кого уже не секрет, кто делает сегодня погоду в «Рейнской газете».

— Это меня выдала Женни?

— Женни здесь ни при чем. Стиль твоих статей... Как бы ты их ни подписывал...

— Тогда мои дела плохи.

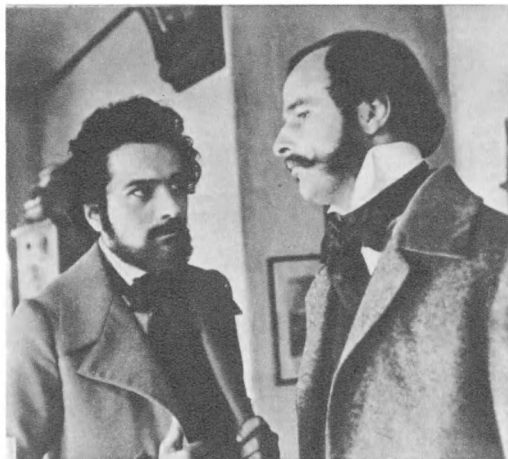
Они посмеялись.

Фердинанд снова, как бы невзначай, бросил взгляд на портрет сестры.

— А я, собственно, приехал поговорить о Женни.

Карл внимательно смотрит на Фердинанда.

— И о тебе, дорогой Карл.

— Я понимаю, — говорит Маркс. — Но сейчас все худшее позади. Я теперь твердо стою на ногах. И как только кончится траур...

— Да-да... — Фердинанд избегает его взгляда. — Но обстоятельства ставят меня в такое положение, когда я должен говорить с тобой не только как брат... но и как человек, заменивший Женни отца. Ты, надеюсь, отдаешь себе отчет в том, что ваша помолвка и связанные с ней обстоятельства весьма существенно осложнили положение моей сестры. Добровольно наложив на себя крест старой девы... в то время как самые достойные молодые люди добивались ее руки...

Карл, нетерпеливо:

— Она просила вас об этом разговоре?

— Нет. Но ты серьезный человек, Карл. Подумай, что сулит бедной Женни этот брак, если ему суждено состояться...

— Что же?

— Ты — натура, склонная к аскетизму. Ты с головой погружен в мир собственных исканий и политических страстей. И ты еще сам не знаешь, куда они тебя заведут...

— И вы хотите счастья своей сестре? Вы уверены? — жестко спрашивает Карл.

Фердинанд меняет тон:

— Я уверен только в одном. Ты должен освободить Женни от данного ею обещания. Это твердое решение нашей семьи.

— А если я не соглашусь на это?

Фердинанд больше не прячет глаз.

— Это ничего не изменит. Ты больше не появишься в нашем доме.

Карл встает. Подходит к окну. Говорит не оборачиваясь:

— Я бы с удовольствием спустил вас с лестницы. Но это было бы нетактично. Вы все-таки мой будущий родственник.

И — после паузы:

— Прощайте. Надеюсь, Женни оценит мою выдержку.

Фердинанд поднимается. Уходит.

Редакция «Рейнской газеты». Звякнул колокольчик над входной дверью.

— Добрый день, господа!

— Добрый день, господин цензор...
Это Сен-Поль. Как всегда, эlegantен, обходителен и весел.
— Меня решили сегодня наказать ожиданием?
Он дружески пожимает руки сотрудникам. Излучая улыбку, достает из кармана часы, качает головой.
— Я не педант. Но уже четвертый час пополудни, господа. Где гранки? И где доктор Маркс?
— Его сегодня не будет...
— Ах, господа, господа... — Сен-Поль, посмеиваясь, присаживается. — Я готов оценить ваш юмор. Но это жестоко. Я собрался в театр... С одной очень милой особой...
— Желаем вам приятно провести вечер, господин цензор... У нас материал не готов.
Сен-Поль, кажется, действительно озадачен.
— Не готов?
— Да. Доктор Маркс неожиданно уехал. По личным делам.

Маркс вспоминает:
— Я мчался в Трир сломя голову, мысленно подгоняя лошадей. Но Женни в Трире уже не было. Я узнал, что накануне они с матерью переехали в Кройцнах. Я последовал за ними, теряясь в догадках.

Старый, тихий Кройцнах. Осень.
Карл ищет дом на незнакомой улице. Парадное. Звонок. Удивленная и испуганная Ленхен на пороге.
— Доктор Маркс?..
Впереди лестница, и там, на верхней площадке, в полусумраке — Женни. Карл стоит в ожидании.
— Я могу зайти?
Женни молчит.
— Может быть, я не вовремя?.. Или слишком поздно?..
Молчание.
Он скорее чувствует, чем видит, что Женни там, наверху, плачет. И тогда он бро-

сается вперед, вверх, а навстречу ему вниз по ступеням мчится Женни.

Он подхватывает ее, осыпает поцелуями и несет на руках по лестнице.

Небольшая поляна на склоне горы. Осенний день. Карл и Женни медленно ступают по желтому ковру опавших листьев.

— Удивительно... Я никогда не читал ничего подобного, — увлеченно рассказывает Карл. — Человек существует лишь благодаря природе. Он продукт ее развития. Помимо природы и человека, нет ничего, в том числе не существует и бога! Его создал

человек! Не бог — человека, а человек — бога!

Женни с едва заметной улыбкой наблюдает за Марксом. Не столько слушает, сколько наблюдает. Восхищение ее относится отнюдь не к предмету рассказа, а к самому Карлу и его увлеченности.

— И этот великий ум в добровольном затворничестве, где-то в Брукберге, в деревне... Его имя — Людвиг Фейербах! Он утверждает, что счастлив в одиночестве и тишине, — продолжает Карл.

И вдруг спохватывается:

— Какой я идиот! О чем я говорю! В такой день!..

Женни отвечает с улыбкой:

— Когда мы поженимся, наш дом будет настоящий Докторский клуб...

— Нет уж... С меня достаточно моих берлинских докторов...

— Почему ты так нетерпимо относишься к ошибкам людей? — спрашивает Женни.

— Ошибками?! Ты называешь это ошибками! Это же шарлатаны! Они кричат о свободе, ничего не смысля в ней, думая, что свобода — это их дурацкие выходки в стиле Бруно Бауэра!

— Бруно Бауэра ты сам считал серьезным человеком.

— Считал! Этот серьезный человек требует — не больше не меньше — мирового переворота, упразднения государства и, между прочим, отмены семьи и брака... — Карл неожиданно улыбается. — С чем я, как ты понимаешь, не могу согласиться...

Он обнимает ее за плечи. Они продолжают спускаться с горы. Шуршат под ногами листья.

Женни произносит задумчиво:

— И все-таки жаль, что ты теряешь друзей...

— Я теряю их, когда они перестают быть моими друзьями.

Они останавливаются. Карл нежно касается ладонью ее лица.

— Скажи правду: я постарела? — вдруг спрашивает Женни.

— Нет! Ты еще прекраснее, чем была... — Он привлекает ее к себе. — Я люблю тебя,

как никогда! Как не снилось даже венецианскому мавру! Ты веришь мне?..

И опять, как уже было однажды, — почтовая станция, дилижанс. Женни провожает Карла.

— Ты простудишься! Она совсем не греет, твоя борода! Закрой шею, слышишь... Нет, Карл, мне не нравится, что ты постоянно ввязываешься в политику...

— Мне и самому это не нравится!

— Тебе не дали читать лекции студентам — ты решил читать их правительству? Думаешь, оно станет просвещеннее?

— Я не хочу от тебя уезжать.

— Что делать? Иди, ты уже опаздываешь!

— А что ты скажешь своему брату?

— Это не твоя забота. Скажу ему то же самое, что говорила и до сих пор... Иди, Карл. Иди...

— Почему ты меня гонишь?

— Это не я тебя гоню. Твоя газета!

— Я люблю тебя больше, чем мою газету.

Он поворачивается к ней. Объятие.

Она говорит тихо, не отнимая рук:

— Если б ты знал, как я тебе завидую! Твоей работе, твоим интересам, даже твоим неприятностям...

И потом она еще долго стоит и машет рукой, машет и тогда, когда уже не видит его, машет вслед отъехавшему дилижансу.

Долина Мозеля. Холмы, покрытые виноградниками. Работают крестьяне. Внизу, на дороге, остановился и отъехал дилижанс. Мы видим приближающуюся фигуру Маркса. Маркс подходит.

Пожилой крестьянин занят своей работой. Повернул голову, увидел незнакомого человека, не выказал никакого интереса, продолжает работать.

— Урожай в этом году неплохой?

— Что? — не сразу отозвался крестьянин. Разогнулся. Смотрит на Маркса. — А зачем это знать господину? Может быть, господин желает купить здесь участок по дешевке? Пожалуйста, их сколько угодно!

Появился молодой крестьянин, стал рядом.

— Признаться, такая мысль мне в голову не приходила, — говорит с улыбкой Маркс.

— Так что же вы здесь хотите? — спрашивает пожилой.

— Меня интересует положение виноградарей этого края.

— Вот как? И с какой же целью, позволяете узнать?

— Я хочу вам помочь.

— Господин хочет нам помочь! — Пожилой обращается к молодому и еще к двум подошедшим крестьянам. — А может, господин собирается уплатить наши долги?

Эта реплика вызывает смех. Крестьяне, все четверо, с откровенным любопытством смотрят на чужака.

Подходят еще двое. Один из них спрашивает, бесцеремонно разглядывая Маркса:

— А что ему здесь надо?

— Вот вы жалуетесь на ваше положение, — невозмутимо заявляет Маркс, — а власти утверждают, что ваши доходы не так уж малы. Даже при плохом урожае.

— Ну, стало быть, это правда. Если господа так говорят. Им виднее, — отвечает пожилой крестьянин.

Остальные молча смотрят на Маркса.

— За бочку вина, — продолжает Маркс, — вы выручаете в среднем четырнадцать талеров. Не так ли?

— Сколько?

— Четырнадцать. Согласно официальной статистике.

Крестьяне шумно реагируют. Цифра эта произвела впечатление.

— Откуда вы это взяли? Кто это выдумал?

— Сколько, он говорит? Четырнадцать?

— Ну-ка, объясни ему, Пауль!

— А кто вы такой? Кто он такой? — спрашивают друг у друга вновь подошедшие.

— Это ты его спроси...

— Я пишу для «Рейнской газеты», — говорит Маркс. — Хочу рассказать о вашем положении.

— О нашем положении? И что же вы хотите рассказать? — вступает в разговор средних лет крестьянин, которого называли Паулем. — Вы считать умеете? Мы платим по девять талеров за бочку! Бочка стоит девять, сбор — четыре, налог на солод — семь, плата за подвал — два талера.

— Разве в прошлом году уже не писали про нас? — вмешивается чей-то голос. — А что изменилось?

— Не приставай к господину! Тридцать талеров мы платим за вино, которое мы прикупаем, — пытается продолжить Пауль.

— Да не объясняй ему, он все равно не напишет правды!

— Итого пятьдесят два талера, если вы умеете считать, — все еще продолжает свои расчеты Пауль. — А за сколько у нас ее покупают?

— Постой, Пауль... — Пожилой крестьянин, тот, что был с самого начала, останавливает товарища. Обращается к Марксу негромко, внушительно: — Уважаемый господин... не знаю вашего имени...

— Тихо, тихо, не говорите все сразу! — устанавливает кто-то тишину.

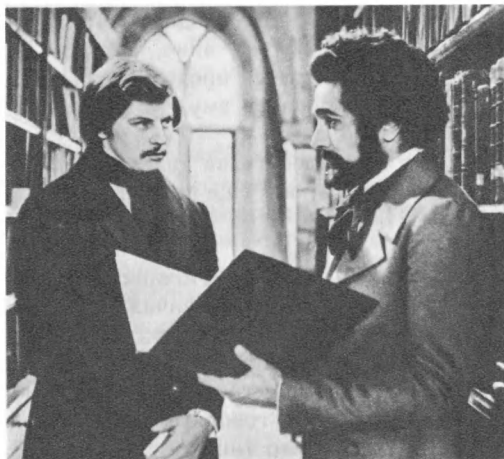
— ...Уважаемый господин, не знаю вашего имени и не знаю, кто вы такой... И кого вы представляете... Но если уж на самом деле тревожит вас наше положение, то напишите, что все мы здесь до единого попали в лапы к ростовщикам. Если так будет продолжаться, все пойдет с молотка. И нам останется одно: мешок за плечи — и шагай куда глаза глядят. Не нужны мы никому — ни нашему королю, ни его министрам. Напишите про это, если у вас хватит смелости...

Несколько пар глаз смотрят на Маркса.

Маркс вспоминает:

— Случилось так, что этот благодатный уголок Рейнской провинции стал источником политических страстей. Статью о бедственном положении мозельских виноградарей опротестовал сам обер-президент фон Шапер. Он заявил, что статья эта — чистой воды клевета, и предложил нам признать это публично либо, как он выразился, «откровенно описать главное зло, доводящее виноделов до крайней нищеты». Это был вызов! Принять его или отступить во имя сохранения газеты — так стоял вопрос в эти дни.

Помещение городского архива в Кёльне. Бесконечные стеллажи, забитые папками с документами. Образцовый порядок.

Молодой чиновник-архивариус, явно симпатизирующий редактору «Рейнской газеты», поднявшись по лесенке, достает с полки увесистый том.

— Это прошлогодний отчет, господин Маркс.

— Спасибо.

— Вообще-то на руки это не выдается...

Молодой архивариус явно раздраем противоречивыми чувствами.

— Я понял вас, — заверяет Маркс, уже углубившись в полученный том. — Так, так... Любопытно.

— Что же тут может быть любопытного?

— А вот послушайте. — Маркс цитирует документ: — «Вполне понятно, что более богатые землевладельцы пользуются тяжелым, но далеко не безвыходным положением бедных виноделов, чтобы извлечь из этого для себя определенные преимущества». Смотрите, как интересно сказано: «тяжелым, но далеко не безвыходным»...

— Да, действительно, — вежливо соглашается архивариус, не очень понимая, о чем идет речь, и к тому же все еще терзаемый сомнениями. — Так, я надеюсь, вы не забудете о нашей договоренности, господин Маркс?

Маркс понимающе улыбается.

— Можете не сомневаться. Как попали ко мне эти документы, решительно никого не касается. Вы не нарушили ни одной

служебной инструкции. Вы вообще могли меня не знать, правда?

— Тут вопрос моей совести, господин Маркс. — Молодой архивариус, кажется, совсем пал духом.

— Вы не вступаете в конфликт со своей совестью. Можете мне поверить.

Маркс дружески протягивает ему руку.

— Ах вот вы где! — цензор Сен-Поль находит Маркса в помещении типографии, у стола со сверстанной газетной полосой. — Разрешите вас приветствовать!

— Добрый день!

— На дворе снег, знаете ли вы об этом?

— Догадываюсь.

— Это что, ваш завтрашний номер?

— Да.

— А знаете, о ком я думал сегодня ночью? О вас! — сообщает Сен-Поль.

— О, я уже снюсь вам по ночам!

— Представьте! И знаете, о чем я размышлял? — Сен-Поль выдерживает выразительную паузу. — Вы, по-моему, делаете ошибку, ввязывая себя и газету в эту сомнительную историю с виновными бочками... С высот мировой философии — в такую, простите, жалкую прозу. Есть ли смысл, подумайте!

Маркс молчит.

— Стоит ли рисковать положением газеты и своим собственным, доктор Маркс?

— Значит, все-таки мы рискуем? — усмехается Маркс.

— Да, конечно.

— Но вы сами только что изволили заметить, что это всего лишь мелочи жизни, или, как вы сказали, жалкая проза!

— Видите ли, доктор Маркс, ничто так не раздражает начальство, как пресловутые мелочи. Это говорю вам я, чиновник... И зачем вам снова эти конфликты? У вас и так достаточно неприятностей. Снова испытывать судьбу? Из-за каких-то виноградников? Подумайте!

— Господин Сен-Поль, речь совсем не о виноградниках, и вы это прекрасно понимаете. Речь идет о людях, у которых отняли

надежду. Вы когда-нибудь проезжали долиной Мозеля? Вы видели, до чего доведены там люди, до какой степени нищеты?

— Но вы же философ, а не адвокат!

— Я журналист.

— Тем более. Зачем подвергать себя риску?

— Себя? Или... вас?

— Нас обоих. Видите, я с вами откровенен.

— Да куда уж больше...

— Снимите эту статью.

— Совсем?

— Да.

— Но это третья статья. Она продолжение двух предыдущих. Читатель ждет ее. Что мы ему скажем?

— Ничего не скажем.

— Это что, совет? Или распоряжение цензуры? Как мне вас понимать?

— Мне бы не хотелось становиться на официальную позицию.

— Ну а если я вас не послушаю?

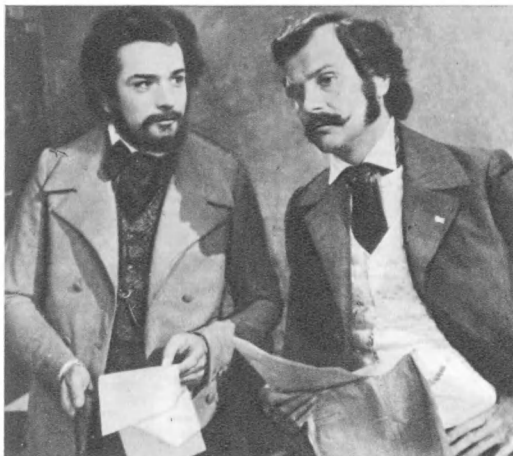
— Это невозможно.

— Как — невозможно?

— Да так, доктор Маркс. Вы должны меня послушать.

— Иными словами, это распоряжение?

— Мы с вами еще молодые люди, доктор Маркс. У вас невеста, и у меня невеста. У вас блестящее будущее, и я, с вашего позволения, кое на что надеюсь...

— Я все понял, господин Сен-Поль. Не продолжайте. Могу ли я опротестовать ваше распоряжение?

— О, конечно!

— К кому вы советуете обратиться?

— К обер-президенту, к кому же еще?

— Хорошо.

— Желаю вам успеха.

— Спасибо.

— Это вполне искренне.

— Не сомневаюсь.

Некоторое время они смотрят друг на друга, затем Сен-Поль раскланивается и уходит. Из глубины помещения навстречу Марксу идет Дитрих, метранпаж. Он слышал весь разговор.

Они вдвоем стоят в раздумье над сверстанной полосой. Дитрих вопросительно смотрит на Маркса.

— Да, снимайте, — говорит Маркс.

— Это тот случай, когда я не могу вам помочь, доктор Маркс, — печально признается Дитрих и принимается за полосу.

Маркс молча наблюдает за ним. В это время на пороге типографии появляется быстрый, возбужденный Рутенберг. В руках у него гранка. Он потрясает ею.

— Как это понимать, господин редактор?

— Что? Я не вижу отсюда, — чуть насмешливо, зная характер своего приятеля, отвечает Маркс.

Тогда Рутенберг подходит к нему вплотную и протягивает гранку.

— Так. Ну и что? — Маркс спокойно поднимает на него взгляд.

— Эта статья Гервега.

— Я вижу.

— Это же позор! — решительно констатирует Рутенберг.

— Чей позор?

— Того, кто ее писал. Господина Гервега. И наш позор тоже, если мы это напечатает.

— Ты думаешь?

— Это клевета, Карл!

— Где же тут клевета? Он пишет, что каждый в отдельности из этих людей вполне заслуживает уважения, а вместе, да еще под вывеской «Свободных», они вредят

и самим себе и делу свободы. Разве это не так?

— И это ты говоришь о нашем друге Бауэре?

— О каком Бауэре? О том, который устраивает шутовские процессии нищих? Или издевается над несчастным священником, полагая, что он этим наносит страшный удар по религии? Это же глупость! Считать себя свободным — это еще куда ни шло, но трубить об этом на весь мир!.. Нет, мы это напечатаем!

— Мы?..

— Да. Скандалы и непристойности должны быть в наше время решительно осужде-

ны. И Гервег правильно пишет об этом, если ты дочитал до конца.

— Представляю себе радость берлинского полицей-президента, когда он это прочтет в газете!

— И пусть радуется.

Рутенберг с удивлением смотрит на Маркса.

— Полицей-президент?

Маркс, в пылу спора:

— Хотя сам министр внутренних дел!

— Это и есть новое направление нашей газеты?

— И, кстати, я бы не преувеличивал опасность, которую представляют эти господа

«Свободные» и их выходы для Прусского государства!

— Я спрашиваю, Карл: это и есть новый курс «Рейнской газеты»?

— Почему же — новый?

— А потому, что нападать на друзей, конечно, куда безопаснее, чем критиковать правительство. Тут по крайней мере не набьешь себе синяков!

— Ну, как не набьешь, я уже весь в синяках от нашего спора, — миролюбиво отвечает Маркс, и этот спокойный тон окончательно выводит из себя Рутенберга. Он швыряет гранку на стол.

Молчание.

— Господин Маркс, — тихо, со сдерживаемой яростью произносит Рутенберг, — вы можете обрадовать министерство внутренних дел и правительство. Я уйду из редакции. Считайте, что вы удовлетворили их требование!

Он поворачивается и идет к двери.

— Ты знаешь, в чем твоя беда, Рутенберг? — останавливает его Маркс. — Ты все преувеличиваешь. В том числе и свою опасную роль для государства. Ты опасен... Но только для самого себя. И для нашей газеты.

— Благодарю!

— Изволь!

И Маркс уже не смотрит ему вслед. Он остается наедине с метранпажем и со сверстанной полосой, теперь, впрочем, уже разобранной. В самом центре ее зияет дыра. Вынутая часть гранок лежит рядом. Это третья статья о мозельских виноградарях.

— Мы ее пока отложим? — предлагает тихим голосом Дитрих.

— Да, конечно.

— Как вы думаете, доктор Маркс, удастся нам ее отстоять?

— У вас там не сохранилось что-нибудь от той бутылки, господин Дитрих? — Маркс, еще разгоряченный спором, вдруг улыбнулся. — Удастся ли отстоять? Право, не знаю. Не уверен... — Маркс принимает из рук Дитриха стакан. — Ого, это уже другая бутылка! — лукаво замечает он. — Ваше здоровье, Дитрих!

— Ваше здоровье, доктор Маркс. Да вы не расстраивайтесь.

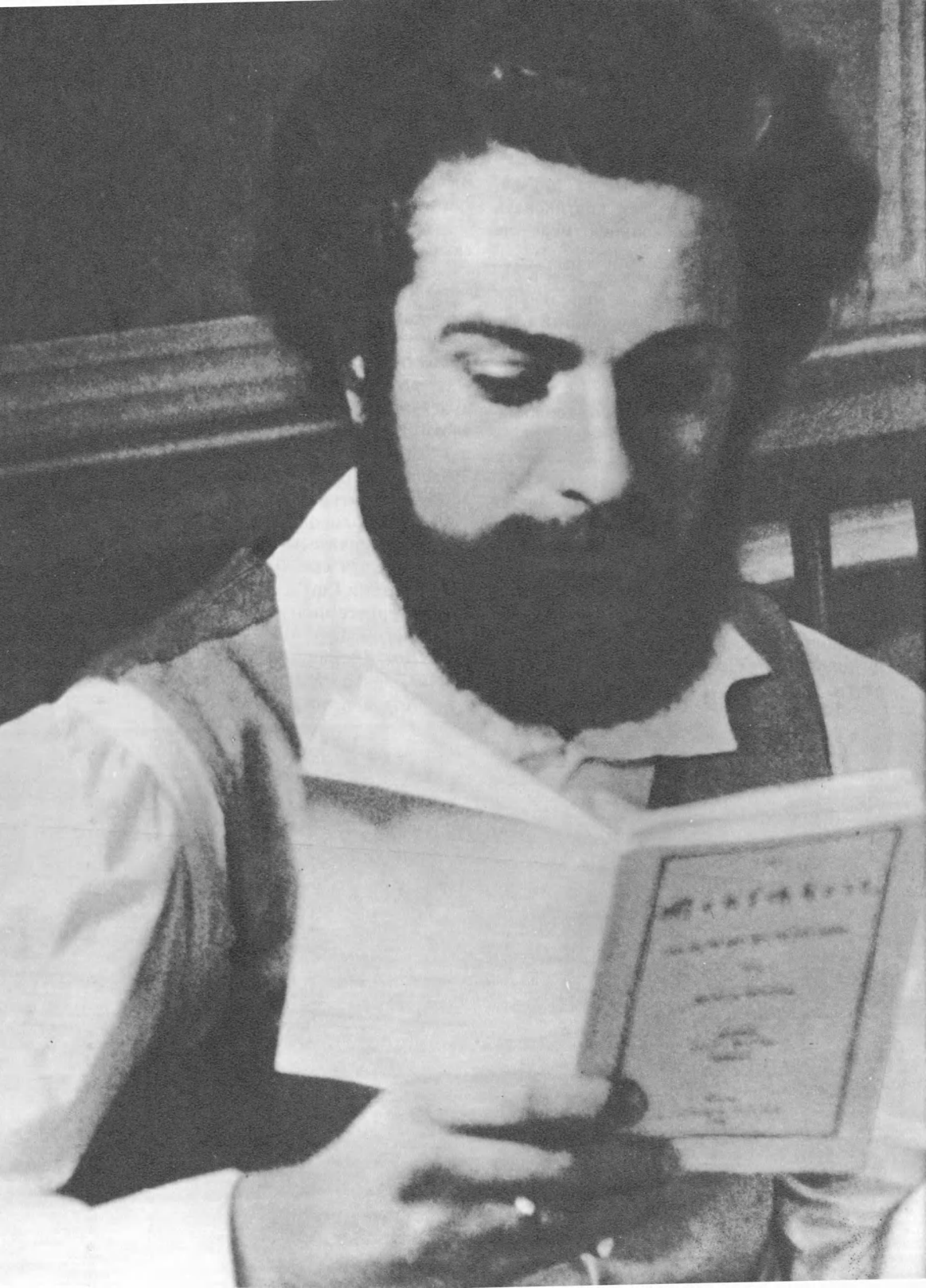
— Нет, что вы! Хорошее вино!

— О да!.. Еще стаканчик?.. Но вы все же не теряете надежды?

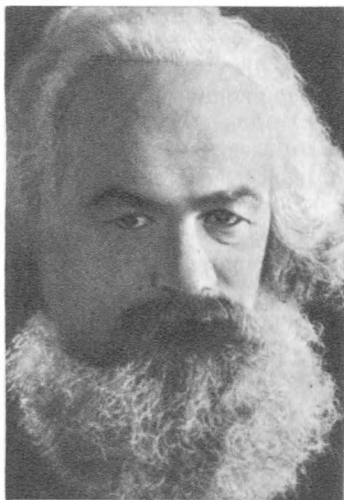
— Нет-нет!

— Вот и отлично. Не теряйте ее в любом случае, доктор Маркс!

— Хорошо, постараюсь.

Глава четвертая

Оттиск статьи — в руках у фон Шапера. Обер-президент — за столом в своем кабинете. Тон беседы вполне корректный. Обер-президент обращается к Марксу как к человеку, способному понять его доводы.

— «Язвы мозельского края!» «Вампиры мозельского края!» — цитирует он. — Неужели вы думаете, что подобные выражения могут принести какую-нибудь пользу, если вы действительно хотите изменить положение?

— Мы готовы смягчить отдельные выражения, если дело только в этом, — спокойно соглашается Маркс.

— Прежде всего, доктор Маркс, попробуем разобраться, в чем цель данной статьи. Мне не хотелось бы думать, что цель ее состоит в том, чтобы кого-то дискредитировать. Не так ли? Вы хотите, очевидно, помочь людям, чье положение действительно крайне бедственно. Но тогда позволительно спросить: к чему эти вопли? Кого они могут убедить, а тем более накормить? Это по меньшей мере несерьезно. — Обер-президент протягивает Марксу ящик с сигарами. — Прошу вас...

— Но в этой статье есть вполне конкретные предложения.

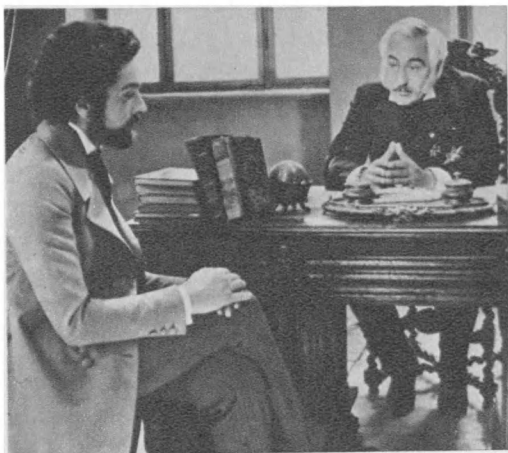
— И вы считаете, они выполнимы?

— Да, если мы не будем рассматривать бедствие, охватившее целый край, как неисцеляемый недуг, как стихию.

— Но разве мы с вами властны над погодой? Над ценами? Разве мы с вами обостряем конкуренцию между виноделами?

— Но есть и другие причины разорения крестьян, о них и говорится в этой статье. Новый таможенный закон — прежде всего. Падение цен, налоги... Я понимаю, ваше превосходительство, — продолжает Маркс, — что не в моей и не в вашей власти изменить эти обстоятельства. Но крик о помощи должен быть услышан. Это крик о помощи, ваше превосходительство, а не наглый вызов! Мы считали, что откровенное обсуждение дел в этой местности поможет привлечь к ним внимание правительства.

— Вы уже достаточно долго, доктор Маркс, пользуетесь не только вниманием

правительства, но и его терпением. И притом, заметьте, не без моей поддержки.

— Мы и теперь рассчитываем на ваше покровительство, господин обер-президент! Вы один можете отменить ошибочное решение цензуры.

Обер-президент отвечает сухо:

— У меня для этого нет оснований, доктор Маркс.

Легкий поклон. Аудиенция окончена.

— Ну что ж, — говорит, поднимаясь, Маркс, — мы, вероятно, так и сообщим нашим читателям...

— О чем вы намерены им сообщить?

— О причинах, помешавших появлению третьей статьи.

Обер-президент улыбается.

— Этого не следует делать, доктор Маркс. Я думаю, этого вам не позволит и цензор. Он мной предупрежден.

Типография. Все та же сверстанная полоса с дырой посередине.

— А-а... То ли еще бывало. Не огорчайтесь, доктор Маркс. Сейчас мы это живо переверстаем.

— Постойте, господин Дитрих... А нет ли какого-нибудь хитрого способа дать понять, что здесь намечался другой материал?

— Что ночью у газеты произошел вроде бы выкидыш? — Дитрих все схватывает на

лету. — Это вполне возможно, доктор Маркс. Все в нашей власти. Сейчас мы это разобьем на шпоны...

— Как?

— Ах, господин редактор, пора бы уже знать наши тонкости. Берутся обыкновенные пластинки. Называются — шпоны. Мы прокладываем их между строк... Вот, смотрите... Мы возьмем потолще... Видите щели? Как дырки... Теперь, я думаю, каждый дурак поймет, в чем дело.

Веранда в доме Кампхаузена. Заседает совет акционеров. Здесь же и Маркс.

— Спокойствие и рассудительность, господа... — Кампхаузен почему-то смотрит на Маркса, а не на компаньонов. — Я предлагаю просто еще немного умерить пыл. В конце концов, не обязательно без усталости палить по нашему бедному ландтагу. Или по королевским законам...

Мевиссен, нетерпеливо:

— Доктор Маркс хотел бы использовать право на критику как кулачное право...

Ханземан враждебно взглянул на соседа.

— Не забывайте, что ворота критики мы открывали все вместе. И это в три раза увеличило число наших подписчиков.

Кампхаузен обращается к коллегам:

— Именно поэтому, господа, нам нужно сохранить газету любой ценой. Скажем откровенно: мы все немного виноваты. Не только наш темпераментный молодой редактор, но и мы с вами, люди более зрелого опыта. Статья о мозельских крестьянах была выпущена нами, как пробный воздушный шар. Но он поднялся, увы, слишком высоко. Значит, надо, видимо, спустить газ...

— Я хотел бы, господин Кампхаузен, перевести наш разговор из высоких сфер поэтических сравнений в область политической реальности, — говорит Кляссен.

— Хорошо. Тогда сформулируем это так. Нам нужен сейчас либеральный король. С республикой мы подождем.

Маркс кивает:

— Пожалуй, вы правы, господа... Вам незачем спешить...

Кампхаузен продолжает, успокоенный веселым тоном Маркса:

— Главное сейчас — умеренность и лояльность. Нам дано право выпускать газету еще два месяца. Это серьезное испытание, но мы выдержим его и пойдем дальше. — И, все более воодушевляясь: — Мы соберем тысячи подписей! Я лично представлю петицию королю! Монарх не сможет игнорировать протест народа! Газета будет жить!

— И народ, по-вашему, будет питать интерес к такой скромной газете? — спрашивает Маркс.

Кампхаузен отвечает решительно:

— Мой дорогой доктор Маркс! Мы с вами с честью прошли через много преград. Но мы — разумные, деловые люди! И если дорога становится непроходимой, приходится искать обходные пути, не так ли? Это естественно.

— Мне хочется пожелать вам, господа, не заблудиться!

Кампхаузен, с искренним огорчением:

— Как это понимать? Доктор Маркс? Неужели вы покинете нас? — Он смотрит на Маркса. — Бросите свою газету?

— Если я уйду, господин Кампхаузен, газета перестанет быть моей. Если я останусь, она тоже не моя...

Маркс вспоминает:

— Жизнь преподала мне суровый урок. Урок житейский и философский. Это было мое еще не изжитое гегельянство — пытаться изменить действительность, имея в руках газету. А кроме того, противно быть под ярмом даже во имя свободы, действовать булавочными уколами, когда хочется драться дубинами. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый произвол. Надоело приспособливаться, изворачиваться, считаться с каждой мелочной придиркой. Итак, правительство вернуло мне свободу.

Молодой Маркс снова в дороге. Дилжанс. Дремлют, покачиваясь, пассажиры. Маркс задумчиво смотрит в окно.

Рожок форејтора извещает о приближении станции.

Внизу за холмами небольшой городок. Звонят воскресные колокола. Это Кройцнах.

— Карл! Одну минуту! И не оборачивайся, пока я не скажу!

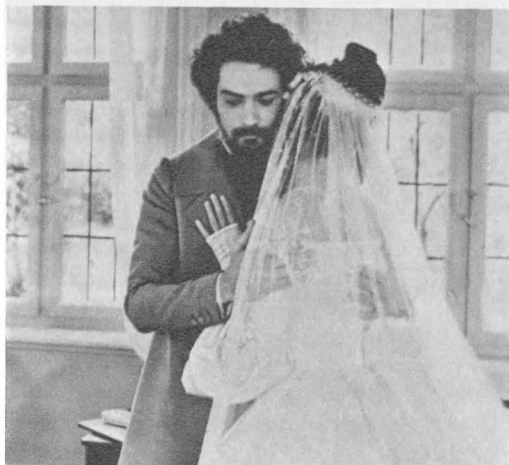
Комната Женни. Карл послушно подходит к окну. Ждет. Барабанит пальцами по стеклу.

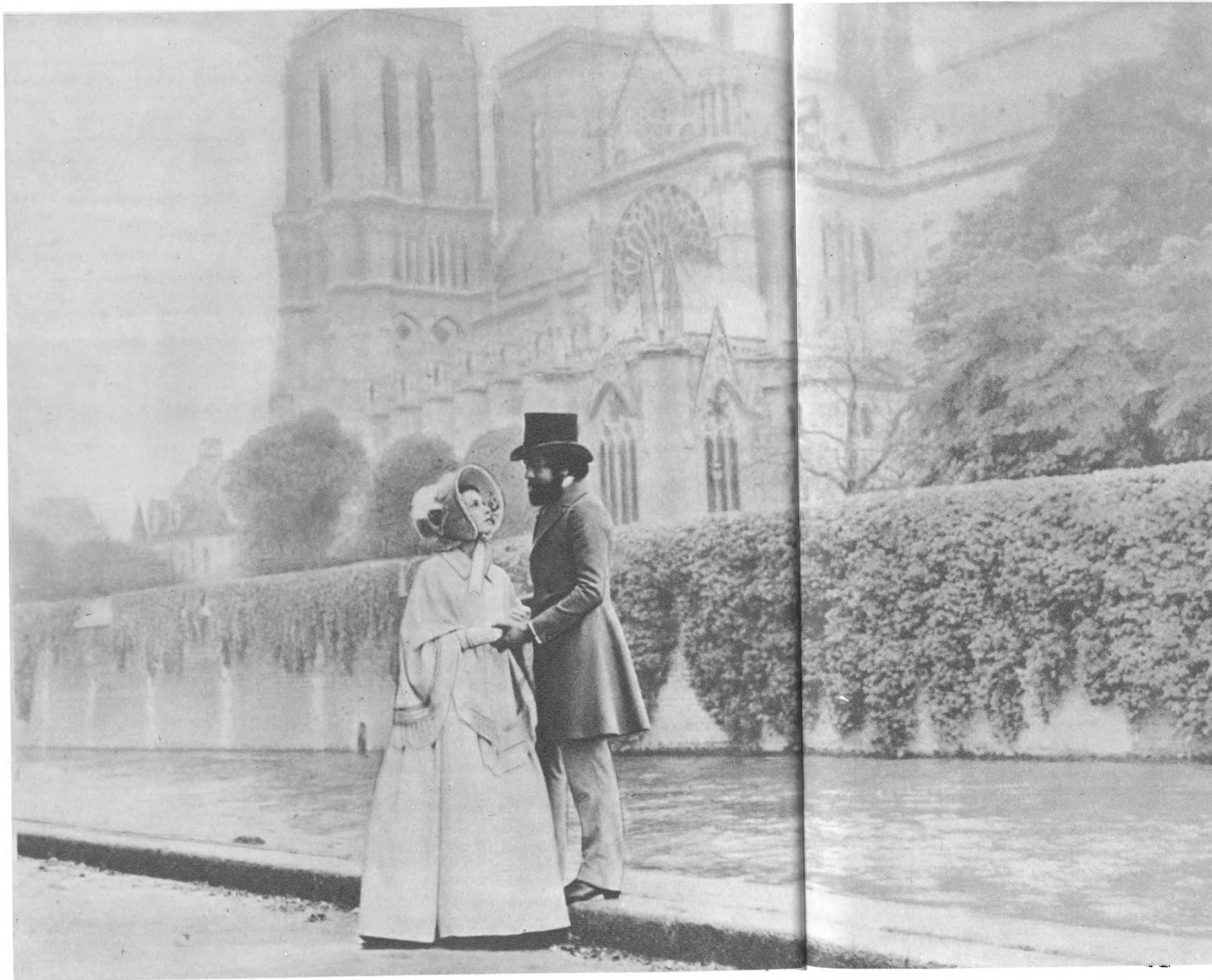
— Ну как? Можно?

Молчание. Только шелест платья за спиной, дыхание Женни, ее шаги.

— А сейчас можно?

— Повернись!

Карл поворачивается — и застывает в удивлении. Перед ним — Женни в свадебном платье!

— Ну как? Ну что же ты молчишь? Тебе не нравится?

Женни смотрит на него тревожно. Он берет ее за руку и обнимает.

— Послушай, Женни... Я даже не знаю, как тебе это сказать... Я был, наверное, слишком самоуверен и обманывал себя и тебя. Мне нет прощения. Но я... оставил «Рейнскую газету». И не знаю, найду ли вообще для себя дело в Германии... Скорее всего, мне придется уехать.

Женни молчит. Он стоит, обняв ее, не видя ее глаз.

— Уехать за границу. И, видимо, начинать все сначала... Теперь ты знаешь все, но знай и то, что без тебя я не могу уехать.

— Зачем ты говоришь все это? — тихо и еще не глядя на него отвечает Женни. — Я никогда не спрашивала, кто ты и что ты намерен делать. Куда бы ты ни пошел, я буду с тобой...

Пожилой Маркс рассказывает:

— Мы ждали этой минуты семь лет. Будущее наше было туманным, но мы наконец были вместе, и этот пасмурный день в Кройцнахе стал лучшим днем моей жизни... Четыре месяца спустя мы покинули Германию, еще не зная, надолго ли эта разлука с родиной и что там впереди. Но мы были молоды и, главное, теперь навсегда вместе.

Карл и Женни — на улицах Парижа. Голос Маркса:

— В октябре 1843 года мы с женой приехали в Париж. Вопрос о работе был уже решен. Речь шла об издании нового журнала — «Немецко-французский ежегодник». Мы хотели объединить революционную мысль двух стран. Мой друг Арнольд Руге взял на себя функции издателя, я был приглашен редактором, с жалованьем восемьсот талеров в год. Этого, как писал мне Руге, было достаточно, чтобы прожить с семьей в Париже. Сам он приехал сюда на месяц раньше и уже снял для нас кварти-

ру в скромном пансионе на улице Ваню. Там мы и поселились все вместе: Руге с женой и детьми — на первом этаже, мы с Женни — наверху.

...В просторной комнате за столом сидят четверо: Маркс, Женни и Руге с женой. Кофе, оживленный разговор...

— Это было очень удобно, — продолжает голос Маркса. — Мы даже думали сначала вести сообща хозяйство, устроить нечто вроде домашней коммуны. Но женщины наши, познакомившись друг с другом, быстро отказались от этой идеи... Впрочем, жили мы довольно дружно. Париж превзошел все то, что о нем написано. Лучше всех, пожалуй, сказал Генрих Гейне: «Если богу на небе становится скучно, он открывает окно и смотрит на парижские бульвары!»

— «Значит, кое-какую пользу новая школа все же принесла. Пышный плащ либерализма упал с плеч, и отвратительнейший деспотизм предстал во всей своей наготе перед лицом всего мира...» — читает Руге.

Он рассказывает с рукописью по гостиной своей квартиры. Его жена Агнес сидит за столом с вязанием. Руге читает ей:

— «Вы смотрите на меня с улыбкой и спрашиваете: что пользы в том? Со стыда революции не делают... А я говорю: стыд — это уже своего рода революция... Стыд — это гнев, только обращенный вовнутрь. И если бы целая нация действительно испытала чувство стыда, она была бы подобна льву, который весь сжимается, готовясь к прыжку...» А? Каково? Как написано, ты послушай! — обращается Руге к жене.

Автор этой статьи, Маркс, только что вошел в комнату и остановился в удивлении, слушает. Руге, заметив его, указывает рукой на стул. Продолжает:

— «Правда, в Германии не чувствуют еще даже стыда; напротив, эти жалкие люди — все еще патриоты... Но даже если бы долгое время еще не понимали, что представляет собой эта комедия, то все же она была бы уже в известном смысле революцией. Судно, полное глупцов, можно

*Агнес Руге
(В. Титова)*

было бы еще, пожалуй, предоставить на какое-то время воле ветра, но оно плыло бы навстречу неминуемой судьбе именно потому, что глупцы этого и не подозревают. И эта судьба — предстоящая нам революция!»

Фрау Руге давно уже оставила вязание, она слушает с неподдельным интересом и теперь принимается аплодировать.

— Bravo, bravo, доктор Маркс! У вас замечательное перо!

— Спасибо, фрау Руге.

— Называйте меня Агнес.

— Спасибо, хорошо.

— У нас в Саксонии все проще... Чашечку кофе, доктор Маркс?

— Благодарю вас.

— А как ваша жена готовит кофе? Здесь эти французы пьют его прямо с гущей, не отцеживая. Согласитесь, у них много странностей.

— Да, фрау Руге... простите, Агнес! — улыбается Маркс.

— Это все прекрасно, — Руге откладывает рукопись, — но я боюсь, не пришлось бы нам заполнять страницы наших ежегодников только вашими и моими произведениями...

— Это было бы прекрасно, Арнольд, — замечает фрау Руге.

— Я, признаться, очень рассчитывал на Фейербаха, и меня удивляет его отказ, — продолжает Руге. — Причина, по-моему, более чем смехотворная!

— Так он вам и сказал настоящую причину! — фрау Руге опять тут как тут. — Я-то знаю, в чем дело!

Маркс смотрит на нее с интересом.

— Они просто боятся, эти господа! Они не желают с вами связываться, вы эмигранты, опасные люди! На кой черт им связываться с опасными людьми?

— Агнес! — Руге укоризненно посмотрел на жену.

— Арнольд не любит, когда я поминаю черта! — объясняет фрау Руге. — Тебе, дружок, надо было жениться на аристократке! Ваша жена ведь не употребляет таких выражений, доктор Маркс?

— Употребляет. Ежедневно! И знаете, я думаю, что вы правы. С нами действительно опасно связываться тем, кто живет в Германии. Не будем их осуждать.

Маркс семидесятих годов продолжает свой рассказ:

— Нам оставалось искать авторов здесь, в Париже, в городе, где, впрочем, не было недостатка ни в людях, ни в мыслях. Социалистические писатели, рабочие вожди, революционные эмигранты — все они были наши потенциальные союзники, и мы кинулись к ним за помощью.

Маркс и Руге на улицах Парижа.

Нашли нужный дом. Вошли.

Это старый парижский дом. Высокие этажи. Длинная, трудная для подъема лестница. Руге переводит дух. Маркс остановился двумя ступеньками выше, ждет его.

— У вас здоровое сердце, — замечает Руге.

— Да, вероятно.

— Берегите его.

Наконец нужная дверь. Звонок. Смазливая горничная на пороге.

— Господин Луи Блан у себя?

— Да. Проходите, пожалуйста. Как прикажете доложить?

— Доктор Руге, доктор Маркс.

Это похоже на прием у врача. Еще один человек в приемной. Поздоровались с ним. Почему-то вполголоса.

Ожидание.

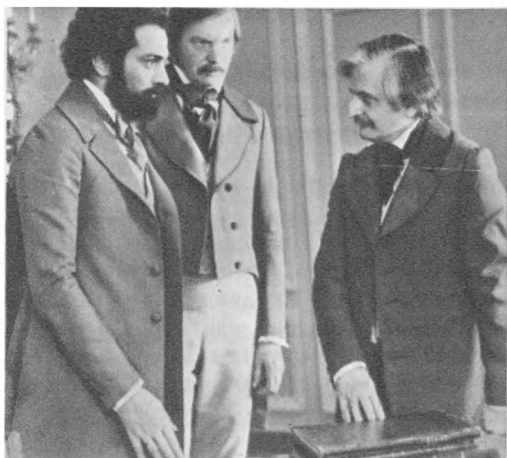
...Голос Маркса, вспоминающего былое:

— У этого замечательного французского социалиста были почему-то повадки литературного барина. Он принимал посетителей только по четвергам, после обеда...

Горничная:

— Вас просят. — И, обращаясь к незнакомому посетителю: — А вам придется подождать...

Мужчина лет сорока, энергичный, подтянутый, выходит из-за письменного стола навстречу гостям.

— Здравствуйте, господа. Очень рад. Прошу.

Говорит быстро, по-деловому. Кабинет хорошо обставлен. Множество книг. Кресла для гостей.

— Я получил ваше письмо, господа. Благодарю. Что же касается вашего предложения, весьма сожалею, но принять его не смогу и участвовать в вашем журнале не буду.

Маркс и Руге несколько сконфужены такой неожиданной и грубоватой прямоотой.

— Но, господин Блан...

— Могу объяснить причину. — Луи Блан не любит терять времени. — Направление вашего журнала, как я понял из вашего же письма, не соответствует моим убеждениям, а менять свои убеждения я не собираюсь...

Сказано коротко и ясно. Можно, вероятно, и откланяться. Но Руге замечает с улыбкой:

— Господин Блан, вероятно, представляет себе наш ежегодник как какое-то узкопартийное издание. Мы, же, напротив, стремимся отразить всю широту современных взглядов.

— Весь вопрос в том, какие взгляды вы считаете современными. Мне лично представляется, господа, что грубый материализм и отрицание бога отбрасывают человечество по меньшей мере на сто лет назад. Времена Вольтера и Дидро были

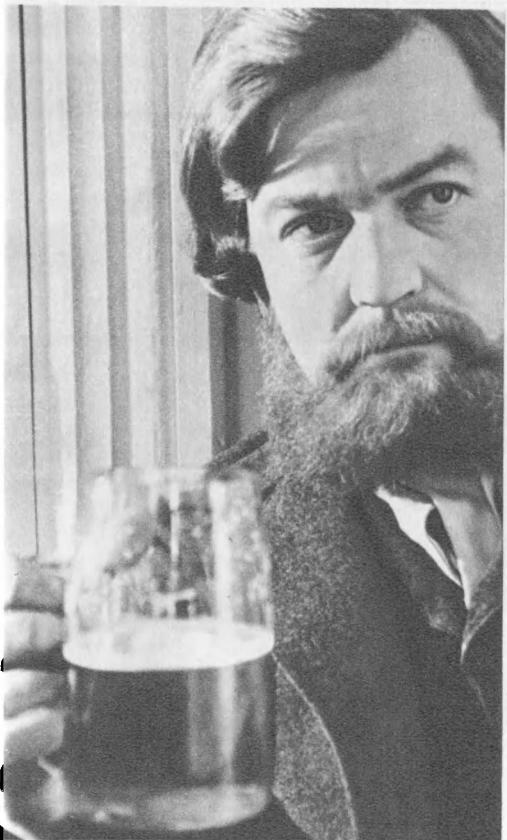
временами Вольтера и Дидро. Народ, о котором вы печетесь, ждет от нас сегодня не разрушения, а созидания, организации, а не анархии. Безбожие и насилие не принесли еще людям ничего, кроме разочарования и напрасно пролитой крови. Вы на ложном пути, господа. Это все, что я могу вам сказать.

Карета движется по предместью Парижа. Первая неудача не обескуражила Маркса и Руге. Сейчас они направляются к Прудону.

Пьер Жозеф Прудон, тридцати пяти лет, сын крестьянина, наборщик, ныне европейски известный публицист, внимательно слушает, всматривается в лица гостей. Его скромная комната не похожа на писательский кабинет Луи Блана. Простой письменный стол, книги на полу. Здесь же еще один стол, наподобие верстака, и какое-то непонятное сооружение из металла и дерева: Прудон что-то изобретает.

— Видите ли, мсье Прудон, — говорит Маркс. — И вы, и Луи Блан, и Леру — люди, предложившие собственные системы организации общества. Вы, вероятно, и в нас видите создателей какой-то готовой системы. У нас ее нет, нет ее в нашем письменном столе, и поэтому нам незначем спорить. Мы не собираемся конструировать будущее и провозглашать какое-то готовое решение для всех грядущих времен. Это не наше дело. Мы хотим найти новый мир посредством критики старого мира. И я думаю, что в этом вы должны быть нашим союзником.

— Да, господа, — отвечает Прудон. — Несомненно. Но я с некоторых пор побаиваюсь социалистических писателей, хотя, как видите, сам кое-что написал. Стоит ли умножать количество написанного, когда и так все ясно? Банкиры и ростовщики остаются и продолжают свое черное дело, капитализм плодит обездоленных, а мы с вами пишем и пишем... Но дело даже не в том. Я занят сейчас одной практической идеей и вряд ли в ближайшее время возь-

Бакунин
(Л. Кулагин)

мусь за перо. Я уезжаю... вот с этим моим ребенком и, видимо, не вернусь до тех пор, пока он у меня не станет на ноги.

Руге и Маркс с любопытством смотрят на «ребенка». Прудон объясняет:

— Это наборная машина, господа. Вот здесь клавиши. Это ее пальцы. Я ведь, господа, наборщик! Всего лишь!.. Так что когда-нибудь с удовольствием приму ваш заказ!

...Маркс и Руге одеваются в тесной прихожей Прудона.

Прощались. Спускаются по лестнице.

Голос Маркса, вспоминающего прошлое:

— Этот человек написал одну из самых дерзких книг своего времени — «Что такое собственность?». Ответ его был недвусмысленным: «Собственность — это кража». Пьер Жозеф Прудон... С ним мне предстояло еще столкнуться. Наши разногласия, споры, борьба — все еще было впереди...

Голос Маркса продолжает:

— А этот вот человек, может быть, менее знаменит как публицист, но тоже обратился к миру со своим социалистическим учением. Фелисите Ламенне!

...Гостиная в буржуазном доме. Ламенне, немолодой уже человек, говорит, прохаживаясь по комнате:

— Истинное, не искаженное политиками от религии учение Христа содержит в себе решительно все элементы живого социализма, и, отказываясь от них, вы неизбежно встаете на путь насильственной эмансипации, что равнозначно отказу от эмансипации вообще!..

Похоже, что он решил прочитать лекцию.

Наконец, Ламенне останавливается и подводит итог:

— Подождем, господа! Подождем ваших поступков, а там будет видно — может быть, я и напишу для вас статью. Подождем!

И еще один визит. Тесный номер гостиницы. Чернобородый, могучего сложения мужчина слушает Маркса.

— Речь идет не о том, чтобы водрузить какое-нибудь догматическое знамя, — в который раз объясняет Маркс. — Мы говорим сейчас не о том, что будет когда-нибудь, а о том, что есть в настоящем. Наше знамя — критика, но критика беспощадная, не боящаяся ни собственных выводов, ни столкновений с властями, коим она неугодна. Если это направление вас устраивает...

— Да! Оно меня устраивает!

— Мы знаем вас, мсье Бакунин, — продолжает Руге, — как человека, владеющего методом диалектики, чего, к сожалению, нельзя сказать о многих...

— Ах, оставьте диалектику! Я знаю вас как человека, сидевшего в тюрьме за свои

убеждения. Сколько вы просидели? — спрашивает Бакунин.

— Пять лет

— Вот это обстоятельство для меня, простите, важнее всякой диалектики. Сейчас сплошь и рядом приходится видеть людей, для которых социализм стал доходной профессией. Для меня ваши жертвы — залог вашей честности, а ее я ценю, простите, выше, чем диалектику... Да, господа, я согласен...

Маркс вспоминает:

— Сын русского помещика отставной офицер Михаил Бакунин, находясь за гра-

ницей, был заочно судим за революционную деятельность, лишен дворянства и приговорен к каторжным работам в Сибири...

Смеющееся лицо Бакунина.

Он в квартире Маркса, в обществе таких же эмигрантов, как и сам. Здесь Маркс и Женни, Руге с женой и еще несколько человек, которых мы видим впервые, в том числе Гейне.

— Может статься, меня отсюда скоро прогонят, всех нас прогонят! — говорит Бакунин. — И пусть себе гонят — тем легче будет говорить то, что думаешь!.. Не знаю, как у вас, а моя жизнь до сих пор определялась какими-то изгибами, порой невольными, если можно так сказать, независимыми от моих собственных предположений. Куда она еще поведет? Бог знает! Во всяком случае, назад возвратиться я уже не могу. Будь что будет!

Он говорит, обращаясь к соседу, молодому человеку с живым лицом, живыми глазами. Это Эвербек — врач, эмигрант, руководитель тайного общества немецких рабочих в Париже. Доктор Эвербек слушает Бакунина, то и дело поглядывая по сторонам. Он первый вскакивает с места и весело возвещает: «Ура!» — увидев Женни и фрау Руге, несущих кружки с пенящимся пивом.

— Ура! — восклицают вслед на ним и остальные мужчины.

— Теперь видно, что мы в немецком доме!..

— Если оно еще хорошо на вкус!..

— Это баварское, господа!..

— В таком случае Бавария пришла в упадок!..

— Не забывайте, господа, вы в гостях!..

Так, оживленно обмениваясь репликами, мужчины разбирают пивные кружки, пробуют, смеются; кто-то пролил пену на стол...

Эвербек оказался рядом с Марксом. Отводит его в сторону.

— Я хотел бы вам кое-что сказать.

Но в это время оживление вокруг пива уже прекратилось. Теперь вниманием завладел Гейне. Он читает стихи сидящему

рядом Руге. Тот слушает, улыбаясь. Фрау Руге уже замахала руками, требуя от всех тишины. Негромкий хрипловатый голос Гейне:

Как часто мечтал я с глубокой тоской
О мягкой немецкой перине,
Вертеться на жестком тюфяке
В бессонную ночь на чужбине.

И спать хорошо и мечтать хорошо
В немецкой пуховой постели,
Как будто сразу с немецкой души
Земные пути слетели.

И, все презирая, летит она ввысь,
В просторы блаженных селений.
Как горды полеты немецкой души
В часы ночных сновидений!

Все аплодируют.

Между тем Эвербек уже увел Маркса в соседнюю комнату.

— Вы интересовались нашими соотечественниками в Париже. Здесь их примерно девяносто тысяч. Цифра почти точная. Это в основном люди, бежавшие от нужды, некоторые — и от политических преследований, но таких немного. Как правило, ремесленники, подмастерья... Их, в общем, охотно берут на работу. В отличие от французских рабочих они не избалованы. Это, собственно, даже не пролетарии.

Гейне продолжает под одобрительный смех присутствующих:

Французам и русским досталась земля.
Британец владеет морем.
А мы — воздушным царством мечты.
Там наш престиж бесспорен.

Эвербек рисует план на листке бумаги и поясняет:

— Вот здесь примерно этот переулок... кирпичный дом... Он выходит одной стороной на Рю-Жаннет, но вы зайдите с переулочка. Во двор и направо... — Вручает Марксу листок. — Перед тем как войти, на всякий случай оглянитесь. Если увидите, что кто-то идет за вами, проходите дальше. Тут нами с некоторых пор интересуются, и французы делают это довольно ловко, не так, как наши. Имейте это в виду. И спрячьте листок!

Между тем Гейне говорит:

— Я предлагаю эти стихи доктору Руге в его журнал, но он, по-моему, находит, что они слишком легкомысленны для такого серьезного издания.

Фрау Руге:

— Неужели ты так считаешь, Арнольд?

— Я еще ничего не сказал! — оправдывается Руге.

— Он еще ничего не сказал, господин Гейне, — вступает за мужа фрау Руге.

— Вот видите, он еще ничего не сказал, а я забочусь о его же интересах! Зачем вам какой-то Прудон, напечатайте эти стихи, и ваш журнал пойдет нарасхват по тройной цене! — Гейне комически показывает на Руге. — Он не верит! Давайте пари!..

Ночной Париж. Кафе «Режанс». Маркс, Женни и Гейне за столиком.

Напомним, что Гейне старше Маркса на двадцать лет. Марксу — двадцать шесть, Гейне — сорок шесть. Маркс и Женни недавно в Париже, Гейне здесь уже четырнадцатый год. И это, естественно, накладывает на их отношения определенный отпечаток.

— Угадайте, чем сейчас заняты, в эту минуту, наши дорогие соотечественники где-нибудь в Гамбурге или в Трире? — говорит Гейне.

— Вероятно, спят?

— Совершенно верно. Они лежат под своими перинами, надвинув на уши ночные колпаки, и смотрят свои благопристойные сны, а здесь, как видите, только начинается жизнь! Вы чувствуете этот запах духов и кофе? Сто пятьдесят тысяч модисток и такое же количество парикмахеров и парфюмеров вышли на бульвары!

Он подзывает жестом официанта и, показав ему на пустую бутылку, отсылает за следующей.

— А вы знаете, фрау Маркс, чем здешние лакеи отличаются от наших? Эти носят фрак и подают вам вино, а наши ходят в мундирах государственных советников и подают советы!

Все трое смеются. Гейне то и дело здоровается с посетителями кафе, а одной из женщин, довольно сомнительного вида, делает игривый знак рукой.

Маркс и Женни с интересом наблюдают за ним.

— Давно вы женаты? — спрашивает он вдруг серьезно.

— Нет. Недавно, — отвечает Женни.

— Я так и подумал. Вы оба из одного города?

— Да.

— Знакомы с гимназических лет?

— Вы угадали.

— Знаете, я так редко вижу счастливые пары... — Гейне смотрит на них серьезно и печально. — Вам еще не захотелось домой?

— Нет.

— Это все впереди. Знаете, что самое страшное в эмиграции? Потом, когда вы захотите домой и если вас еще туда пустят, окажется, что вы уже не можете там жить. Вы вернетесь сюда. Денег у вас не будет. Вы начнете брать в долг у одних и отдавать другим или вовсе не отдавать, как Бакунин! Впрочем, говорят, что он с такой же щедростью и раздает деньги, когда они у него есть... Это особая психология, вам она еще непонятна... А потом начнутся склоки и распри, это уж непременно, без этого нет эмиграции! О, эти господа, которые гремят в Париже немецкими пивными кружками...

Генрих Гейне
(Э. Марцевич)

Бойтесь их! Ровно через год вы будете знать, кто кого обидел, кто предал общее дело, а кто ему рыцарски служит и что написал Генрих Гейне по поводу Людвига Бёрне и наоборот! Все эти взаимные счета, придирки, мелкие уколы в ответ на мелкие уколы станут вашим существованием, и вот тогда, очень кстати, распустится орхидея нашего роскошного ханжества! Вам уже говорили обо мне, что этот Гейне — гуляка и распутник, что он посещает церковь лишь затем, чтобы присмотреть себе там красивых девочек, и что стихи его так же безнравственны, как и он сам?

— Про стихи не было речи! — с улыбкой замечает Маркс.

— Ну, я вам покажу, извольте! — И Гейне извлекает из кармана газету. — Вот, полюбуйтесь.

Маркс газеты не взял.

— Неужели вы все это носите с собой? — удивилась Женни.

— Представьте!

— Стоит ли?

— Наверное, не стоит, но, видите ношу!.. — И, обращаясь к Марксу: — А вас еще не обливали грязью ваши соотечественники в газетах?

— Нет, — смеется Маркс. — В более солидных изданиях! В журналах.

— Тогда у вас еще все впереди. Подальше, подальше от этой публики! И вообще от политики. Оставьте это занятие бездарностям. У них нет другого способа обратить на себя внимание. Дайте им немного таланта и удачи — и они вмиг забудут все свои идеи! — И, дружески подмигнув Марксу, продолжает: — Пишите! Пишите ваши философские книги и не ввязывайтесь в политику. Это вам говорит старый эмигрант...

— И политический поэт, — с улыбкой добавляет Маркс.

Маркс и Руге идут по парижской окраине.

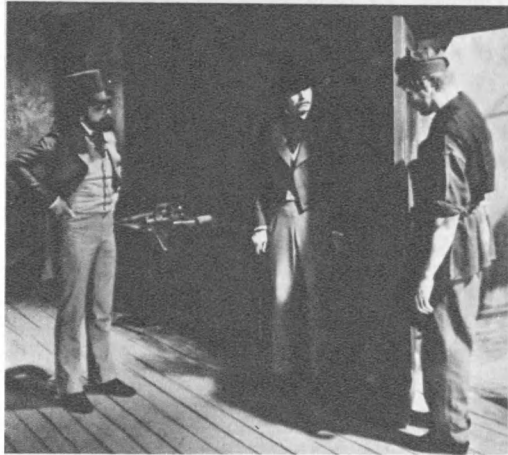
— Я бы не особенно доверял этим господам, — рассуждает Руге. — Они слишком хорошо владеют своим поэтическим ремеслом, чтобы на них можно было положить-

ся в серьезном деле. Мальчик, который ловит мотыльков на поле битвы! Сегодня он пишет памфлет, завтра — хвалебную оду. И попробуйте на это возразить: вам тут же скажут, что это божественный дар, причуды вдохновения и вы, простой смертный, не вправе судить поэта.

— Отчасти это действительно так, — скромно возражает Маркс. — Поэты — это дети, ничего с этим не сделаешь.

— Испорченные дети, — замечает Руге. — Этот наш бард потерял всякое приличие. Он и в церковь ходит затем, чтобы присмотреть там очередную девочку.

— Бог ему простит, — сдержанно отвечает Маркс. — Мы, кажется, пришли.

Узкая улочка. Мрачные, с маленькими окнами дома. Это другой Париж. Париж, которого мы еще не знаем. В руках у Маркса бумажка с нарисованным на ней планом. Вот и нужный дом — кирпичное здание, обитая железом дверь.

Маркс стучит. Никакого ответа. Он стучит еще раз и наконец тянет дверь на себя.

Мастерские. Скрежет металла, шум станков. Десятка два рабочих. Один из них, мужчина лет пятидесяти, выходит навстречу гостям. Слов не слышно.

Узкая винтовая лестница. Они поднимаются один за другим — мужчина, Руге, Маркс.

Комнатка. Скорее всего, конторское помещение. Два стола, стулья.

— Здесь вам придется подождать.

Мужчина уходит. Руге и Маркс остаются вдвоем.

Ожидание.

Дверь скрипнула и открылась. Заглянул молодой человек. Ничего не сказал, ушел.

— Можно, наверно, присесть? — говорит Руге.

Сели.

Появился еще один незнакомец. Спросил:

— А где Мюфке?

Покосился на гостей.

— Вон его фуражка.

И ушел.

— Вы, я вижу, любитель приключений, — обращается Маркс к Руге.

— Разве это приключение?

— Вы говорили, тут могут спросить пароль. Вы знаете пароль?

— Да, конечно.

— Какой же?

— «Все люди — братья».

Входит еще один человек. Оглядел Маркса и Руге.

— Здравствуйте. Пойдемте.

Опять винтовая лестница. Комнатка под самой крышей. Все происходит стремительно: Маркс и Руге входят, трое мужчин поднимаются им навстречу. Один из них — Эвербек, тот, что был среди прочих гостей у Маркса.

— Здравствуйте, доктор Маркс, доктор Руге! Присаживайтесь, прошу вас. И бога

ради, извините, что вам пришлось подождать. Познакомьтесь, пожалуйста, это мои друзья... И вот стулья, прошу...

Молчаливые рукопожатия. Пауза. Эвербек и его друзья занимают места за столом, Руге и Маркс — посреди комнаты, под их взглядами, как перед судом.

— Вы находитесь в штаб-квартире Союза справедливых, — неожиданно официально тоном объявляет Эвербек. — Сегодня вам будут разъяснены цели и задачи нашей организации.

— Хорошо, — отвечает Маркс, с любопытством оглядывая сидящих за столом.

— Вы уже информированы о том, что наш Союз объединяет часть немецких рабочих-изгнанников здесь, в Париже,

а также в Лондоне, где действует собственный комитет на тех же началах, что и наш... Целью Союза является подготовка социальной революции.

Эвербек поднимает глаза на Руге.

— Революции? Где? — удивленно спрашивает Руге.

Эвербек, спокойно:

— В Германии. А затем и в других европейских странах.

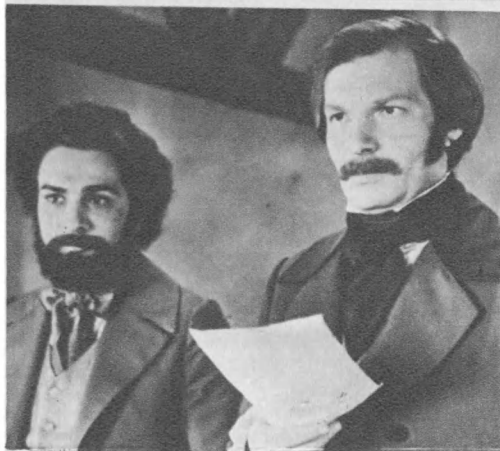
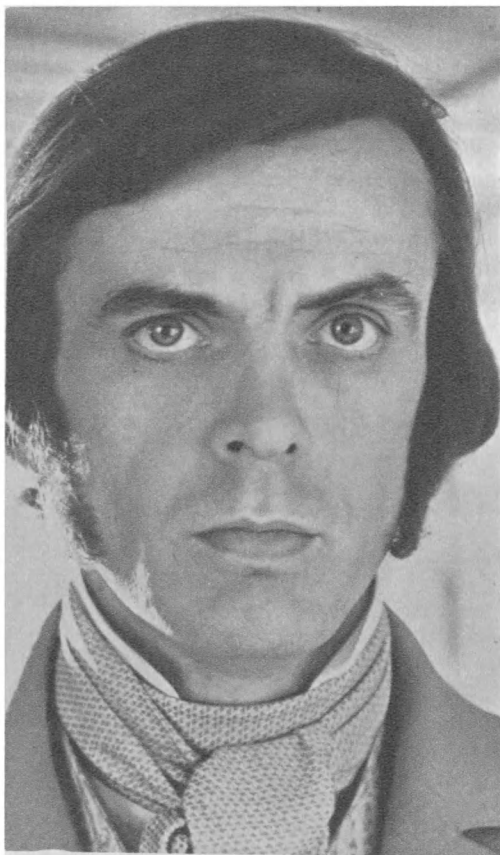
— Так-так. — На лице Руге любопытство и ирония. — И вы собираетесь ее совершить?

Эвербек отвечает с достоинством:

— Ее совершат социальные низы Германии. Мы же здесь намерены содействовать ее успеху. Мы готовимся к ней.

Эвербек
(Г. Тараторкин)

— Готовитесь?

— Подробное изложение наших задач и принципов вы найдете в трудах Вильгельма Вейтлинга — руководителя нашего Союза. Вот в этой книге, которую вы можете взять с собой...

Он протягивает брошюру с портретом Вейтлинга.

— «Человечество, как оно есть и каким оно должно быть», — вслух читает название Маркс. — Хорошо.

— В настоящее время, — продолжает Эвербек, — Вейтлинг находится в Швейцарии. Прусское правительство требует его выдачи, книги его запрещены и подлежат конфискации, а сам он в случае появления на прусской территории — немедленному аресту... Впрочем, это, видимо, ждет и всех нас. И поэтому, предлагая вам вступить в ряды нашего Союза, мы предупреждаем о всех возможных последствиях.

— Хорошо, — неопределенно произносит Руге.

— Вы можете не давать нам ответа сейчас. Вам будет назначен день и адрес, куда вы придете.

— Да-да. — Руге уже с трудом сдерживает улыбку.

— А теперь — пожалуйста... Вот это вы должны прочесть вслух.

— Вслух?

— Да. — Никто из троих за столом не улыбается. Улыбки Руге подчеркнута не замечают. Ему вручен листок с написанным от руки текстом. Все трое ждут. — Встаньте, пожалуйста.

Руге ничего другого не остается, как встать и прочесть вслух:

— «Обязательство... Я, Арнольд Руге, торжественно обещаю хранить в строгой тайне все то, о чем услышал и услышу от моих братьев в Союзе справедливых. Я предупрежден о том, что разглашение тайны Союза будет рассматриваться как предательство со всеми возможными последствиями...»

Маркс с любопытством наблюдает за своим другом. Тот явно шокирован и растерян, но — никуда не денешься.

Трое за столом смотрят на Маркса.
— Теперь вы. Пожалуйста...

— «Встает вопрос: как же в условиях всеобщего равенства будут распределяться, например, места в театре? Ведь все имеют одинаковое право на лучшие места, скажем, в партере. Как решить этот вопрос?»

Ночь. Маркс читает Женни брошюру Вейтлинга. Они сидят в кабинете: Маркс — за заваленным бумагами столом, Женни — в кресле.

— «Отвечаю, — продолжает Маркс. — При входе в театр устанавливают несколько урн с нумерованными шариками. В одной из урн шарики соединены по два и по три — для тех, кто пришел в театр вдвоем или втроем. Таким образом, привилегия занимать лучшие места становится делом случая или жребия...» Что ты улыбаешься? Это не так наивно, как кажется на первый взгляд. Этот человек продумал до мелочей всю организацию будущего общества! Он не получил никакого образования — он ремесленник, подмастерье портного, а ты посмотри, что он пишет: «При господстве денег полная свобода печати не может быть обеспечена, поскольку на каждое порядочное произведение, пропагандирующее правду, найдутся десять других, распространяющих ложь... Современная печать

чаще служит источником заработка для отдельных лиц, чем средством просвещения для всех. Пишут для того, чтобы иметь возможность жить, ибо без денег нельзя жить. Пишут для того, чтобы писать!...» А? Каково?

— Мне это нравится, — говорит Женни.

— Но ты чем-то озабочена... Что такое, скажи мне? Тебе нельзя волноваться!

— Я не волнуюсь... Мне действительно нравится, как он пишет. Немножко наивно.

— Да, конечно, он наивен. Он дитя. Видишь, он уже распределяет места в театре — он так уверен, что придет это будущее время... Ты смотри, здесь даже проекты домов!

— Я вижу... Карл!

— Что с тобой?

— По-моему, у нас нет денег.

— Почему ты решила?

— Так.

— Ты мне это хотела сказать?

— Я хотела тебе сказать, чтобы ты не волновался по этому поводу.

— Я совершенно не волнуюсь. У нас есть деньги. Я просто не успел их взять у Руге. Там уже целое состояние.

— Хорошо.

— И все? — Карл пылливо смотрит на нее.

— Все. — Женни прячет глаза. — Я еще хотела сказать... Наше фамильное серебро... мы всегда в крайнем случае можем его продать... или заложить. Просто ты это знай. — И сама меняет тему. — Почитай мне.

Карл еще некоторое время смотрит на нее.

— «Он понимал... — начав читать, Карл опять поднимает на нее глаза, — что между учением и его осуществлением лежит меч, без которого нельзя обойтись. И он не боялся этого меча, этой борьбы...»

— Карлхен! — произносит Женни, пряча глаза. — Ты только не смейся и не сердись. Я хочу домой! Как ты думаешь, нас еще пустят домой?

— Не знаю. Можно спросить у его величества!

— Ты снова шутишь, Карл.

— Почему? Я не шучу. Скажем, что мы соскучились в этом проклятом Париже, где вдобавок ни одна собака не говорит по-немецки!

— Ты шутишь, Карл, а я действительно хочу домой. Хочу видеть близких людей, говорить на родном языке, — со страстью, с обидой заявляет Женни. — Я больше не могу жить в чужом доме!

— О чем ты говоришь, Женни! — Он захлопнул книгу с досадой. — В этом чужом доме по крайней мере светло и тепло, и ты не видишь на каждом шагу жандарма! О чем ты толкуешь? Ты уже заскучала в этом городе, тебе хочется обратно в средневековье? Смешно!

Женни не отзывается, уходит.

Он сидит, еще разгоряченный спором, верящий в свою правоту. И все-таки есть что-то, что заставляет его встать и пойти за Женни следом. Он находит ее в спальне. Смотрит на нее вопросительно, с тревогой.

И тут она уступает:

— Ты прав, Карл...

— Здесь сто талеров. Не знаю, устроит ли это вас, но вы прósите вперед. — Руге отсчитывает деньги. — Мы с вами сможем рассчитаться лишь после того, как выйдет хотя бы часть тиража. Собственно, так мы и договаривались.

— Да, конечно. — Маркс взял деньги. — Одна к вам просьба.

— Да, пожалуйста.

— Не говорите жене, что я попросил у вас денег.

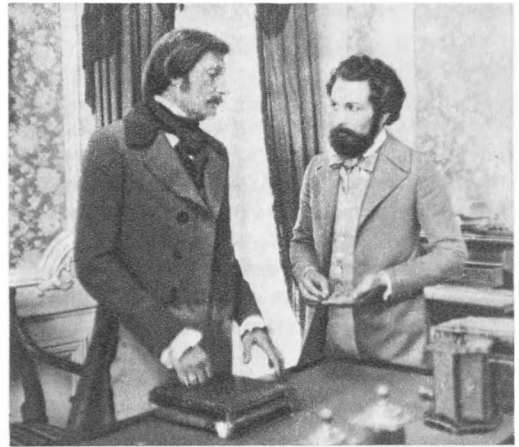
— Моей жене?

— И вашей тоже. Я не хотел бы, чтобы об этом знала Женни. Видите ли, — продолжает Маркс, — у нас с ней... Одним словом, я стараюсь представить наше положение несколько иным, чем оно есть на самом деле. Так лучше для нее.

— Я понял вас. Конечно. Вы поверьте, если бы я имел возможность...

— Да, разумеется.

— У меня к вам почти такая же просьба.

Это только касается не денег. Пожалуйста, не говорите моей жене про тайное общество, где мы с вами были. Хорошо? Она у меня склонна воспринимать все слишком серьезно. И потом, я думаю, мы с вами не запишемся в заговорщики?

— Хорошо.

— Вот видите, сколько сразу мужских тайн! — Руге весело протягивает Марксу руку.

Маркс вспоминает:

— Он так и остался при своем ироническом отношении к тайному обществу. «Эти полтора ремесленника собираются перевернуть Германию». Это его слова. Он любил афоризмы, мой компаньон и приятель Руге... Они, эти наши мудрые философы, охотно защищали бедняков, пока речь шла о бедности. Они взывали к милосердию и сочувствию обездоленным, пока речь шла об этих несчастных. Они только отказывались видеть в них политическую силу, класс, способный выйти на арену истории. Вот этого они понять не могли и не хотели, даже мой компаньон Руге, этот «друг немецких бедняков», как его прозвали. Выйти на арену истории, освободить себя и все общество!.. Еще в Кройцнахе, переламывая философию Гегеля, я пришел к очень важным для себя выводам. Я понял,

что не идеи правят миром. Не идеи, а экономические законы. Это меняло все! Теперь надо было идти дальше...

Ночь. Маркс за работой. Стол завален бумагами. Маркс пишет очень быстро, почти не отрываясь, свободной рукой иногда берясь за сигару. Он не слышит, как в комнату входит Женни — в халате поверх ночной рубашки.

Голос Маркса:

— Бедный мой отец, он сказал бы, что я опять разбрасываюсь — не закончив одного, принимаюсь за другое. Если бы он

еще узнал вдобавок, что предмет моих занятий — политическая экономия, наука, которая у нас в Германии всегда считалась презренной, недостойной культурного человека, тем более — доктора философии!..

Женни все еще стоит у двери. Маркс продолжает писать. Она уже собралась уйти, и тогда он говорит вдруг:

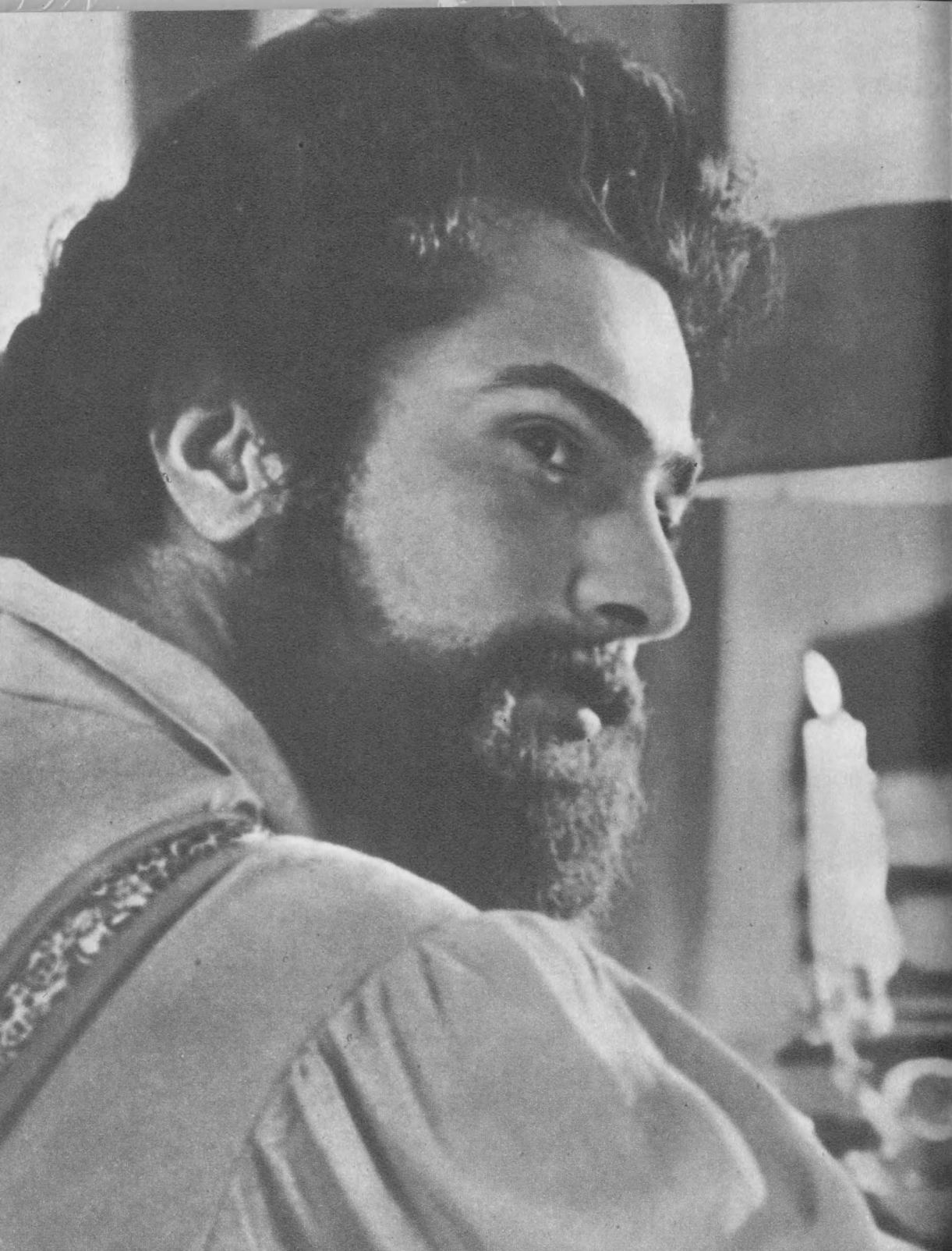
— Посиди со мной.

— Я буду тебе мешать.

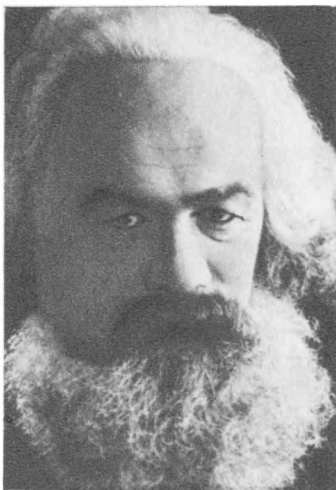
— Нет. Не будешь.

— А тогда зачем же я тебе нужна?

Он наконец обернулся. Смотрит на нее с удивлением, с улыбкой. И вдруг, вскочив, привлекает к себе.

Глава пятая

Кафе на фабричной окраине Парижа. Много народа. Шум. Сюда приходят прямо с работы, не переодевшись. Те, кому не хватило места за столиками, пьют и едят стоя.

Маркс за столиком. Трое его соседей заняты своими разговорами, четвертый, сидящий напротив, не сводит глаз с Маркса.

— Здравствуйте, — произносит он наконец.

— Здравствуйте.

— А что вы здесь делаете?

— Как видите, пью. Составите компанию?

— Я что-то раньше не видел вас в этом заведении.

— Да, вероятно. Я вас тоже.

— А вы не ошиблись адресом, мсье?

— Думаю, что нет.

— Что ты привязался! — благодушно замечает один из соседей по столу. — Оставь человека в покое.

— А может, я хочу с ним познакомиться!

— Спроси сначала, хочет ли он познакомиться с тобой!

— Я готов, — отвечает Маркс с улыбкой. — Карл Маркс.

— А меня зовут Шабре.

— Очень приятно.

— Вы какой-нибудь писатель?

— Какой-нибудь. А как вы заметили?

— А что еще делать в таком заведении приличному господину, если он не писатель...

— Не уважаете писателей?

— Да как вам сказать... Вы ведь пишете за деньги, а те, кто вам их платит, зря платить не будут. Правильно?

— По-моему, абсолютно правильно.

— Если вы посмеете написать о нас правду, то вы не получите ни гроша. А у вас семья!

Маркс смеется.

— У вас верный взгляд на вещи, дорогой Шабре!

В это время все кругом приходит в движение. Какие-то люди, только что появившиеся, сгруппировали вокруг себя других; остальные повставали с мест, чтобы видеть и слышать.

Знакомый нам Герман Эвербек стоит в центре этой толпы и, дождавшись тишины, начинает речь:

— Друзья, рабочие и ремесленники, немцы и французы! Из Швейцарии поступило чрезвычайное известие. Власти города Цюриха уступили требованиям правительства Пруссии и выдали Вильгельма Вейтлинга прусским жандармам.

Тишина.

— Наш друг, товарищ и учитель всех страдающих и обездоленных, в кандалах отправлен в Пруссию, на расправу!

Тишина.

— Когда-нибудь люди труда завоюют право защищать своих вождей. А сейчас мы можем только молча выразить свою солидарность и внести деньги, кто сколько может, в созданный нами фонд помощи Вейтлингу...

Опять становится шумно. Несколько мужчин пошли с шапками вдоль столиков. Эвербек оказался рядом с Марксом и, когда тот опустил деньги, увидел его наконец.

— Здравствуйте, доктор Маркс.

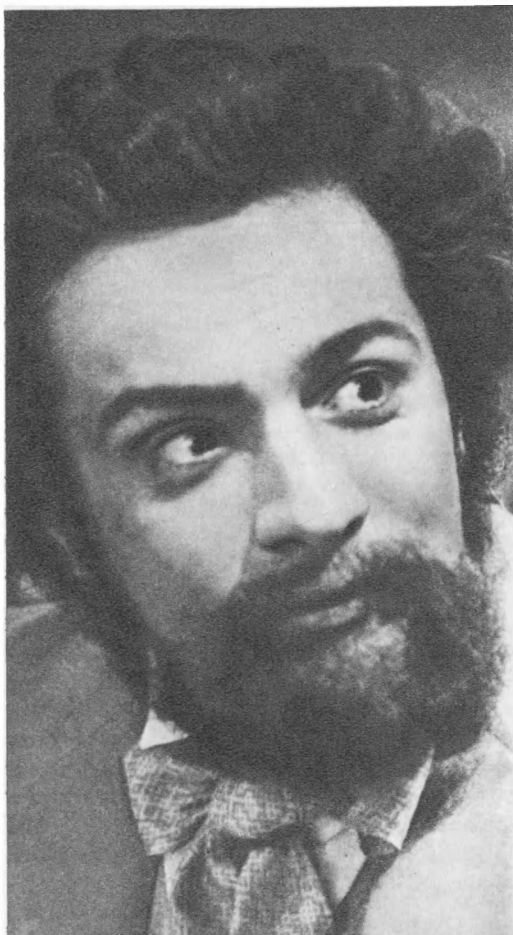
Потом они разговаривают наедине, отойдя к окну. Сбор денег продолжается, сопровождаясь громкими возгласами, общим движением, суетой. Маркс говорит:

— Дорогой Эвербек, я должен дать вам ответ, не так ли? Вы знаете, я не буду вступать в ваш Союз... Так я решил.

— Жаль, доктор Маркс, очень жаль.

— Мне самому жаль, поверьте! — Маркс еще раз посмотрел вокруг. — По правде сказать, я давно не видел такого количества лиц, которые были бы мне столь симпатичны! Но... — Он разводит руками. — Что поделаешь, дорогой Эвербек... Поймите меня правильно: мне не хотелось бы сейчас связывать себя с какой-то одной группой или направлением, пока я сам во всем не разберусь. А это мне еще предстоит. Я сказал вам правду!

Типография. Маркс и Руге держат в руках первые экземпляры своего «Ежегодника».

Вот они, кипы готовых, только что сброшюрованных книг. Прямо здесь же их упаковывают в аккуратные связки. Первые две связки, по одной в руке, юноша-рабочий уже выносит из цеха. Маркс и Руге посмотрели друг на друга.

— Ну что ж, дорогой Маркс, поздравляю вас...

Пожилой Маркс задумчиво перелистывает сохранившийся экземпляр «Немецко-французского ежегодника».

— Первый и, увы, единственный номер нашего «Ежегодника» вышел тиражом три тысячи экземпляров. Скандал разразился раньше, чем мы могли предполагать. Уже на границе бо́льшая часть тиража была перехвачена и конфискована прусской полицией. Говорят, сами жандармы хохотали до упаду, читая друг другу язвительные стихи Гейне... Да, конечно, это было нашей ошибкой: надо было весь тираж пересылать конспиративно. На что мы рассчитывали? Что они пропустят это? «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой... Философия находит в пролетариате свое материальное оружие»... Я отправился к Руге, надеясь получить хотя бы часть моего жадованья...

Фрау Руге на пороге своей квартиры.

— Заходите, дорогой Маркс, пожалуйста! Как чувствует себя ваша жена? Заходите, Арнольд дома. Он перенял вашу привычку работать по ночам, а днем он спит. Это совсем не полезно! Вы не ответили: как чувствует себя Женни?

— Спасибо, хорошо.

— Какой ужас, не правда ли, дорогой Маркс, я даже не нахожу слов! Ведь то, что они сделали, это против всяких законов! Арнольд имеет право на возмещение убытков. Я говорю ему об этом — он машет рукой... Вот видите, вы тоже машете рукой... Но мы же разорены, дорогой Маркс! Арнольд вложил в это дело шесть тысяч та-

леров, вы прекрасно это знаете, шесть тысяч!
Кто возместит нам эти убытки?

Маркс сочувственно кивает.

— Вы считаете, нет никакого смысла
обратиться в суд?

— В какой суд, фрау Руге!

— Ну что ж, тогда смотрите спокойно,
как вас грабят! Пусть вас разденут до нит-
ки!.. Ну, вам-то, собственно говоря, нечего
терять, вы и Женни не вкладывали своих
средств! Это только такие простаки, как я
и мой муж...

Входит Руге. Он только что проснулся.

— Ну что ты тут шумишь, моя дорогая?
Здравствуйте, Маркс! Какие вести? Я слы-
шал, жандармы на границе смеялись, читая
стихи нашего друга Гейне. Это, конечно,
меня утешает! Присаживайтесь... Агнес, ты
сваришь нам кофе?

Агнес, дернув плечами, уходит. Руге смот-
рит ей вслед.

— Бедная женщина, она никак не может
понять, что политика приносит одни убыт-
ки!.. — Он садится напротив Маркса. — Мы
в очень сложном положении. Я имею в виду
финансовую сторону. Не знаю, выручу ли
я хоть тысячу за оставшиеся экземпляры.
Этот смех жандармов, увы, нам дорого
обходится!

Маркс молчит.

— Нам, конечно, следовало быть остро-
рожнее, я вас предупреждал, — продолжает
Руге. — Можно было бы обойтись без этих
стихов.

— Дело, наверное, не только в них, —
сдержанно замечает Маркс.

— Конечно. Не только в них. Не скрою,
у меня нет оптимизма в отношении даль-
нейшего издания журнала.

Маркс поднимает на Руге взгляд.

— Вот как?

— Я просто не знаю, на какие деньги
его издавать!

Фрау Руге приносит кофе.

Маркс уже встал.

— Спасибо. Я ведь, собственно, зашел
к вам на минуту... Я хотел... попросить у
вас... грелку. Нет ли у вас грелки, фрау
Руге?

*Арнольд Руге
(Ю. Будрайтис)*

— А в чем дело? — шумно забеспокоилась Агнес. — Вашей жене плохо? Что с ней? У нее начались боли?

— Нет-нет, фрау Руге! Бога ради! — Маркс уже пожалел о своей выдумке. — Не беспокойтесь, ничего страшного, грелка нужна мне.

— Вам?

— Да-да. Спасибо. — И, схватив протянутую ему грелку, Маркс торопливо пошел к двери. Арнольд и Агнес Руге удивленно смотрят ему вслед.

Моложавый, элегантный Луи Блан сходит с извозчика на одной из узких улочек в центре Парижа, у двери кафе.

— Закрыто, мсье! — предупреждает его у входа хозяин. — У нас сегодня банкет. Вы приглашены?

За столиками в небольшом зале — десятка полтора мужчин. На банкет это не похоже. Чашечки кофе на столах, табачный дым... Здесь Маркс, Руге, Бакунин, Леру, Эвербек; остальные нам пока не известны. Появление Луи Блана прервало разговор. Встреча, рукопожатия.

— Господин Луи Блан! Доктор Маркс! Доктор Руге! — Их представляет друг друг Луи Бакунин.

— Мы знакомы.

— Господин Боткин! Господин Григорий Толстой! — Бакунин знакомит Луи Блана со своими соотечественниками. — Господин Леру. Господин Эвербек... Прошу!

Луи Блана усаживают на почетное место. Бакунин держит речь, обращаясь по преимуществу к нему:

— Господа, у нас не так много времени. Наш хозяин — я имею в виду хозяина этого заведения — нервничает, и имеет на то основания... Прошу вас! Доктор Маркс! Доктор Руге!

— Нет, пожалуйста, вы!

— Пожалуйста, я. Хорошо. — Бакунин оглядывает сидящих. — Господа, мы пригласили вас не для политических дискуссий. Речь пойдет о помощи нашим немецким друзьям и единомышленникам, доктору

Руге и доктору Марксу, в их очень важном деле, которое по причинам, от них не зависящим, терпит сейчас самые серьезные трудности. Те, кто держал в руках первый выпуск «Немецко-французского ежегодника», могли убедиться, что перед нами — издание весьма серьезное, выходящее по своему значению далеко за рамки национальных интересов одной Германии. Это могут засвидетельствовать и наши французские коллеги и мои друзья Толстой и Боткин. Это поистине, господа, свободный голос страны, находящейся под свинцовым гнетом самого мрачного абсолютизма...

Бакунин прерывает свою речь — он увидел в дверях хозяина кафе.

— Что, мсье?

— Я спрашиваю: не хотят ли господа закусить и что-нибудь выпить?

Бакунин переглянулся с Толстым.

— Да, конечно!

Хозяин все еще стоит в нерешительности.

— Несите, несите, мсье! Банкет так банкет! Хозяин, обиженно пожав плечами, уходит.

Луи Блан:

— Я, к сожалению, не успел познакомиться с вашим изданием, но призыв господина Бакунина мне понятен. И если речь идет о денежной помощи, то...

— Да, совершенно верно, речь идет о денежной помощи, — отвечает Бакунин. — Но не только о вашем или моем личном вкладе, этого вряд ли будет достаточно.

— Как вы себе это представляете? Подписка?

— Я представляю себе организованную кампанию денежной помощи, и не только здесь, в Париже!

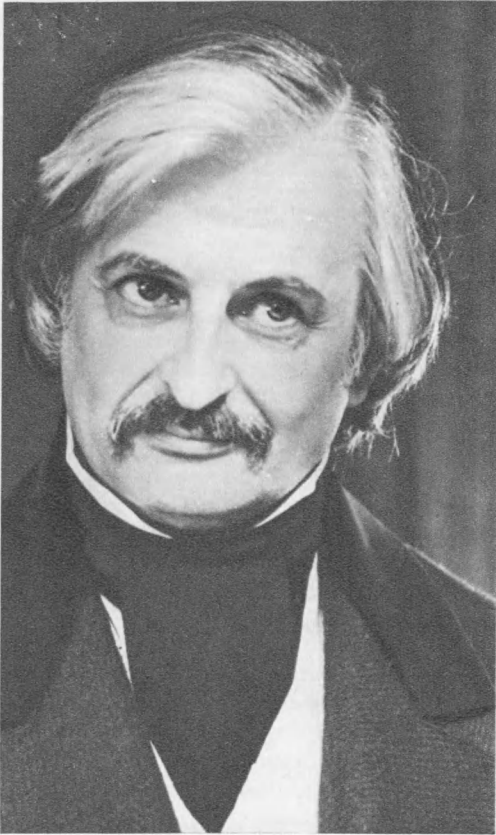
Луи Блан, взглянув на часы:

— А где гарантия, что следующие выпуски вашего издания не подвергнутся конфискации, как и этот?

Отвечает Маркс:

— Видите ли, господа, в отношении этого выпуска нами — мною и доктором Руге — была допущена ошибка. Почти весь тираж мы отправили открытым путем, полагая,

Луи Блан
(М. Хуциев)

что в Прусском государстве еще существуют права и законы. Как видите, мы ошиблись...

— Значит, следующие ваши выпуски вы намерены пересылать конспиративно? — спрашивает Леру.

Вопрос серьезный. Тишина.

— Я понимаю ваш вопрос, господин Леру, — вступает в разговор Руге. — Конспиративное издание, несомненно, потребует таких субсидий, которых никто здесь нам не сможет предоставить. Это ясно.

Маркс смотрит на Руге. Тот продолжает:

— Видите ли, господа, вопрос действительно очень серьезен. Доктор Маркс говорил здесь об одной нашей ошибке и, к сожалению, умолчал о другой. — Руге встретил

взгляд Маркса. — Не только внешние, но и другие причины, более глубокие, привели к тому положению, в котором оказалось сегодня наше предприятие. Еще год назад, будучи одним из редакторов «Рейнской газеты» в Кёльне, доктор Маркс проявлял чрезвычайную осторожность и осмотрительность, в то время удивлявшую многих, но в конечном счете оправданную, как показало время. Здесь, в Париже, забыв собственные уроки, доктор Маркс ринулся в пекло политической борьбы, вооруженный, увы, одним только своим пером, хотя и достаточно бойким и острым. Простите, что ввожу вас в существо наших споров, но без этого нам сейчас не решить ни одного вопроса. Да, господа, я стоял и стою, подобно доктору Марксу в его кёльнские времена, за разумную сдержанность и политический такт, считая, что революция не является делом сегодняшнего дня, и видя свой долг в тщательной, терпеливой — увы, конечно, не столь эффективной — борьбе за идеалы свободы. Да, мои планы имели и имеют в виду отдаленное будущее, не в пример некоторым, видящим себя уже с веревкой гильотины в руках, а всех буржуа, в том числе и меня, — под ножом!

— Простите, доктор Руге! — Бакунин с бесцеремонностью перебивает его. — Все эти мировые вопросы вы, вероятно, решите и без нашего участия! Мы собрались, чтобы вам помочь!

Маркс:

— Нет, это как раз очень важно, господин Бакунин! Должны же вы все-таки знать, кому вы помогаете!

Он произносит это весело, с задором, вызвав оживление за столиками. А затем, уже в тишине, продолжает:

— Я считаю, господа, что доктор Руге во многом прав. Оставим в стороне гильотину! Если говорить о характере нашего издания, то тут, я с вами согласен, кое-что придется изменить. Жаль, конечно, отказываться от политической злобы дня, но это, видимо, неизбежно, если говорить о легальном издании. А другим оно, наверно, быть не может. По крайней мере сейчас... Я со-

гласен придать нашему «Ежегоднику» более спокойный, философский характер.

Долгая пауза.

Бакунин вопросительно смотрит на Руге.

— Ну что ж, господа, — поднимается Луи Блан. — Я думаю, мы предоставим возможность нашим друзьям самим решить их споры.

Поднимается и Леру. И еще несколько человек.

— Если вы намерены издавать научный альманах, — уже в дверях произносит Луи Блан, — вам, вероятно, не потребуются наши кошельки. Если же речь идет о революционном издании, мы к вашим услугам. Решайте!

Руге останавливает его и Леру.

— Господа, мы не будем откладывать решения. Я вам очень благодарен и за поддержку и за этот откровенный разговор, в ходе которого, я думаю, все определилось. Дальнейшее издание нашего «Ежегодника», как я понимаю, невозможно. Как это ни прискорбно признать...

Бакунин, в крайнем удивлении:

— Вы это говорите... как издатель?

— Да.

— Так вы отказываетесь?

Руге разводит руками.

Все уже встали, прощаются, идут к выходу. Один Маркс продолжает сидеть как в оцепенении. Наконец встает и он.

Появляются хозяин и официант с подносами:

— Куда же вы, господа?! А ужин?

Поздний вечер. Улица Вану. Маркс в одиночестве возвращается домой.

Парадное. Лестница. Второй этаж. Здесь он чуть помедлил. Взялся за ручку звонка. И застыл в удивлении.

Дверь открылась. Незнакомая женщина стоит на пороге.

— Входите. Тихо только. Вот в эту комнату. Там она... рожает.

...Потом были часы ожидания. Маркс не раздеваясь сидел в гостиной. Из-за двери доносились шаги, голоса. Потом он вышел

в парадное, стоял, прислонясь к косяку двери, курил.

Начинало светать. Кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и увидел Руге.

Руге вопросительно показал на второй этаж. Маркс кивнул.

Так они стояли молча, рядом, наверное, в последний раз.

— Вы должны меня понять... — произнес наконец Руге.

— Да-да, — сказал Маркс торопливо. — Конечно.

— Есть ряд обстоятельств...

— Да, — опять кивнул Маркс, не желая продолжать разговор.

Какая-то загулявшая парочка прошла мимо.

Руге продолжал смотреть на него, ища понимания или, может быть, прощения, просто ответа, и Маркс сказал:

— Да-да, я все понимаю. Конечно. — И взглянул на Руге спокойным, ничего не означавшим, уже безразличным взглядом.

Руге кивнул и медленно ушел.

И в этот момент там, наверху, раздался крик появившегося на свет ребенка. То ли услышав этот крик, то ли угадав его в предутренней тишине, Маркс кинулся вверх по лестнице, влетел в открытую дверь квартиры...

Перед ним стояла акушерка с младенцем в поднятых руках.

— Вот и все, — сказала она, глядя на Маркса. — Девочка!..

Пожилой Маркс.

Он вдруг резко встает, прохаживается по комнате, наконец останавливается.

— Теперь нас было трое — Женни, я и наша маленькая дочь. Уже семья! Это был праздник, и не хотелось думать о неудачах и неприятностях. В то же время приходилось о них думать. Так все странно сплелось в нашей жизни.

Женни с ребенком на руках. Они с Карлом показывают дочку Гейне.

— Мы назвали ее Женни, — смущенно объясняет Маркс.

— Это было желание Карла, — добавляет Женни.

— О, я его понимаю! — смеется Гейне. — Ну? И как же вы живете? — Он оглядывает комнату. — Этот человек хотя бы расплатился с вами?

— Как вам сказать... Посмотрите туда. — Маркс показывает на связки томов, лежащие на полу в углу комнаты.

— Что это?

— Это наш «Ежегодник». Нераспроданные экземпляры.

Гейне переводит недоуменный взгляд с Маркса на связки томов и опять на Маркса

и, наконец поняв, начинает безудержно хотеть.

— Вот это да! Натурой?! Он расплатился с вами натурой?! О, эти господа «революционеры», пока дело не коснулось их кошелька! И что вы ему сказали?

Маркс пожимает плечами.

Гейне все еще смотрит в угол на эти связки. Приступ смеха прошел.

— Карл, Женни! Друзья мои! — восклицает он. — Бегите! Бегите прочь от этих господ! Куда-нибудь подальше, в горы, в Швейцарию, найдите укромный уголок, где вас никто не найдет! И пишите. Пишите книги. Вы же поэт, философ! Неужели на целом свете не найдется человека, который мог бы вас издавать? Ведь столько людей с деньгами, куда они их девают?!

Он замолкает. Маркс и Женни смотрят на него с улыбкой. Потом, когда Женни уносит ребенка, он вдруг берет за руку Маркса, быстро отводит в сторону и сообщает шепотом, косясь на дверь:

— Послушайте! Мне не хочется добавлять вам неприятностей, вам их и так хватает, но... Вы читаете газеты?

Он достает газету из кармана сюртука.

— Мы с вами, доктор Маркс, объявлены вне закона. При появлении на территории Прусского королевства нас немедленно арестуют, о чем сообщает министерство внутренних дел. Читайте!

Маркс, опасливо поглядев на дверь, берет газету.

Тут же складывает ее и возвращает Гейне.

— Не говорите ей...

— Конечно.

— Она надеется, что мы скоро вернемся... А впрочем, кто знает? Может быть, все произойдет гораздо скорее, чем можно себе представить.

— Революция? — Гейне смотрит на него с любопытством.

— Конечно.

— Но, живя в Париже, в это трудно поверить.

— Я думаю, что, живя в Париже, это как раз можно предположить. Если внимательно посмотреть вокруг.

— Вы всерьез допускаете возможность революции?

— Я в ней не сомневаюсь.

Гейне помолчал.

— Вы счастливый человек.

— Может быть.

— А вы не боитесь, что придут темные иконоборцы и разобьют мраморные статуи красоты?..

— Нет, не боюсь.

— ...Вырубят олеандровые роши и вместо них посадят картофель?

Слышны шаги.

— Спрячьте газету! — быстро говорит Маркс.

Входит Женни. Несет на блюде пирог.

— О! — Гейне сразу меняет и тему разговора и настроение. — Как прекрасно! Доктор Маркс, меня нельзя пускать в этот дом, я испытываю здесь самое низменное человеческое чувство — зависть!

Женни замечает газету.

— А вы не расстаетесь с вашей привычкой.

— Увы! Но на этот раз там почему-то ни слова о моих грехах. Даже обидно!..

Карл Маркс продолжает свой рассказ:

— Шел восьмой месяц нашей жизни в Париже. Снова все стало неопределен-

ным, путь на родину был отрезан. И в эти дни пришло известие, всколыхнувшее всех нас: в Силезии — восстание! Пять тысяч ткачей поднялись против произвола хозяев и вступили в бой с батальоном солдат. Это была ошеломляющая новость: ничего подобного никогда еще не происходило на немецкой почве. Тихие, послушные ткачи в тихой, приветливой Силезии — с палками, ножами, камнями в худых руках! В этом был знак грядущих перемен, начало, за которым виделось продолжение. Я в то время пытался сотрудничать в газете, которая выходила в Париже на немецком языке под громким названием «Вперед». Ее издавал некто Бёрнштейн, бывший актер, на деньги знаменитого Мейербера. Занималась газета театром, музыкой, сплетнями из светской жизни, а с некоторых пор — и политикой.

Квартира Бёрнштейна. Прихожая. Маркса встречает пожилая экономка.

— Прошу вас... Мсье Бёрнштейна, к сожалению, нет дома, он в типографии. Вы подождете? Вот сюда, пожалуйста... — Она ведет Маркса в комнату, показывает на дверь: — Там один русский господин, но он, видимо, еще спит. Он встает во втором часу пополудни и начинает читать газеты. Очень забавно, не правда ли? Кстати, свежие газеты, если желаете... Сейчас я посмотрю, может быть, русский господин уже проснулся...

— Он проснулся, проходите! — На пороге комнаты возник Бакунин. — Доктор Маркс? Очень рад! Представьте себе, я живу сейчас у господина Бёрнштейна, пользуюсь его гостеприимством. Прошу! — И они с Марксом оказались в просторной, почти пустой комнате. — Принесите чайник, Франсуаз, сделайте одолжение, — сказал Бакунин последовавшей за ними экономке.

Женщина вышла, они остались одни. — Вот сюда, пожалуйста. — Бакунин указал Марксу на единственный стул, а сам расположился на кровати. — Что ж,

дорогой Маркс, вас можно поздравить: вы и Гейне объявлены государственными преступниками, я читал в газетах. Со мной это случилось несколько раньше. Разница лишь та, что нам в России надеяться не на что, а у вас на родине уже бунтуют. Как вы относитесь к этим событиям в Силезии? Я вижу в них пророческий знак. Тихие ткачи поднимаются с палками и камнями против целого государства! Это что-нибудь да значит.

— Да, конечно, — отвечает Маркс, успев оценить необычную обстановку этой комнаты.

— Я сегодня еще не видел газет, — говорит Бакунин.

— Ничего нового. Солдаты вылавливают участников восстания, тех, что уцелели, а прусский король льет крокодиловы слезы и призывает создать благотворительные общества, чтобы покончить с нуждой.

Экономка вносит чайник.

— Спасибо, Франсуаз, — благодарит ее Бакунин. — Прошу вас, вот стакан. А хотите — из кружки? Вот сахар, пожалуйста... Насколько я понимаю, мой друг Бёрнштейн собирает неплохую компанию. Гейне, вы, я! Из этой газетки может получиться толк. Я, правда, не уверен, что это поправит наши финансовые дела. Не знаю, как вы, а я в крайнем затруднении. А вот и наш хозяин!

На пороге комнаты — Бёрнштейн. Это сорокалетний человек, проявляющий чрезвычайную живость.

— Дорогой Маркс, наконец-то! — произносит он, простирая руки как бы для объятий. — Нет, я не удивлен, вы должны были к нам прийти, и вы пришли! Мой друг Бакунин уже напоил вас чаем из своей оловянной кружки? Прекрасно!

В дверь заглянул мальчик. Бёрнштейн подзывает его:

— Морис, вот эти гранки отнесешь господину Ферне. К пяти часам я пришлю остальные. Только, пожалуйста, не задерживайся по дороге... Да, дорогой Маркс, мы решительно меняем курс нашей газеты. Наконец она будет оправдывать свое на-

звание — «Вперед». С вашей помощью, господин Маркс, на что я очень рассчитываю... Вот только вчера, — продолжает он не умолкая, — мне прислал свои стихи господин Гейне. Ну, это, я вам скажу!.. Старик превзошел самого себя. Гротеск! Сатира! Ну что же, нам, как говорится, терять нечего!..

Пауза. Бёрнштейн, отговорив, смотрит вопросительно на Маркса.

— Я прочел статью, которую вы посвятили восстанию ткачей, — говорит Маркс.

— Так. Ну и что вы скажете? Прекрасная статья! А какой резонанс, причем не только в Париже! Меня на каждом шагу спрашивают, кто такой этот Пруссак. Я отвечаю, что мы псевдонимов не раскрываем.

— Да, любопытно, — замечает Маркс.

— Что любопытно?

— Я бы тоже хотел знать, кто этот Пруссак, пожелавший остаться неизвестным.

— Это право любого автора, дорогой Маркс, — замечает с тонкой улыбкой Бёрнштейн. — Более того, предоставляя такое право частному лицу, редакция тем самым берет всю ответственность на себя. Но мы вовсе не робкого десятка, господин Маркс!

— Да, я уже заметил.

Бёрнштейн чувствует подвох.

— Вас что-то не устраивает в этой статье? — Он смотрит на Маркса, пытаясь угадать ответ. — Вы находите ее недостаточно острой?

— Скорее, — недостаточно умной.

— Вот как? — ревниво произносит Бёрнштейн, и взгляд его становится недобрым.

— Ваш автор, пожелавший остаться неизвестным, жалеет бедных ткачей, а заодно и презирает их за то, что они посмели восстать, не имея, видите ли, никакой политической идеи. Что это за восстание — в такой неpoliticalической стране, как Германия, где король и общество еще не дошли, — Маркс иронически цитирует, — «до предчувствия предстоящих реформ»! «Не дошли до предчувствия...», а поэтому восстание ткачей не внушает им никакого страха.

Маркс смотрит на Бёрнштейна, на Бакунина, и только теперь можно понять, насколько он возмущен.

— Но, спрашивается, зачем же тогда король прибег к военной силе? — продолжает он. — В такой стране, как Германия, где какой-нибудь невинный либеральный обед, с либеральными тостами вызывает гнев его величества и где не потребовалось ни одного солдата, чтобы задушить свободу печати, — в такой стране король посылает войска на усмирение каких-то слабых ткачей!

Появляется Руге. Остановился в дверях.

Маркс продолжает:

— И эти самые, как они тут названы, слабые ткачи оказывают сопротивление войскам и на первых порах даже побеждают, так что приходится вызвать подкрепление, чтобы их в конце концов задушить! Нет, господин Бёрнштейн, это не слабые, это сильные ткачи!

Бёрнштейн переводит взгляд с Руге на Маркса и с Маркса на Руге, явно смущенный появлением последнего.

— Здравствуйте, дорогой Руге, присаживайтесь. У нас тут интересный разговор. Господин Маркс высказывает свои мысли о статье Пруссака.

— Я уже понял. — Руге невозмутимо здоровается с Марксом, с Бакуниным.

— Кстати, вопрос этот меня все-таки занимает, — говорит Маркс. — Вы, господин Бёрнштейн, если не ошибаюсь, родом из Австрии, господин Руге — из Саксонии, господин Гейне — из Гамбурга, господин Бакунин тоже не пруссак. Кто же из нас в таком случае Пруссак? Вероятно, я! Но при всей любви к моим родным местам я бы все-таки не хотел, чтобы эту статью приписывали мне.

— Вы считаете, это вас может скомпрометировать? — спрашивает Руге.

— Да, представьте. Автор этой статьи презирает восставших ткачей, а я преклоняюсь перед ними. Он пишет, что подобные восстания будут задушены в крови и безрассудстве и что никакого признака революции в них нет, а я вижу в них признак

революции и считаю, что тут есть над чем поразмыслить нам с вами. И это по крайней мере достойнее, чем становиться в позу школьного наставника. Вы не согласны со мной, доктор Руге?

Это уже прямой вызов. И Руге принимает его.

— Я думаю, вы увлекаетесь, доктор Маркс, — отвечает он с достоинством. — Кровь и безрассудство — это, увы, та суровая реальность, которой вам не изменить при помощи слов. Посмотрите правде в глаза, и вы поймете, что такие восстания только укрепляют старый полицейский режим и отбрасывают нас назад, отодвигают общее дело до второго пришествия. О какой революции вы говорите, где она?

В разговор вступает Бакунин:

— Она здесь, дорогой Руге. Она — в том, что люди поднялись с палками и камнями. Сегодня это палки и камни, а завтра — ружья и пушки!

— Где? В Германии? Помилуйте, дорогой Бакунин! — саркастически восклицает Маркс. — Почитайте статью Пруссака! Это случится не раньше, чем нужда породит политический рассудок! Слышали вы такое? Да этот ваш политический рассудок — его порождает не нужда, не голод, а благополучие. Он дается тому, кто уже имеет кое-что, кому недурно живется на свете. Он думает о том, как бы что-нибудь изменить, не понимая, что менять надо все. Социализм невозможен без революции.

— Bravo, доктор Маркс! — раздается возглас Бёрнштейна. И, полный энтузиазма, редактор вскакивает с кровати, где он сидел рядом с Бакуниным. — Я вижу новую статью! Все, что вы говорили, представляет, по-моему, чрезвычайный интерес... хотя, не скрою, и некоторую опасность для нашей газеты. И тем не менее... — Редактор многозначительно смотрит на гостей.

— И тем не менее вы готовы это напечатать? — спрашивает Маркс.

— Да!

— В таком случае — пожалуйста. Здесь мой ответ господину, скрывшемуся под

именем Пруссак. — И Маркс посмотрел на Руге. — Я надеюсь, он не будет на меня в претензии.

Маркс достает из кармана рукопись — стопку мелко исписанных листков — и вручает Бёрнштейну.

— На этот раз вам не придется нести ответственность. Я не скрываю своего имени. — Он показывает последнюю страничку рукописи.

Бёрнштейн поднимает на него взгляд.

— Вы считаете, вам уже нечего терять?

— Ну, почему же, — отвечает Маркс с улыбкой, — я так не считаю.

Кафе «Режанс». Маркс один за столиком. Бутылка вина.

Человек, который подходит к столику, не сразу узнает Маркса, а может быть, ждет, чтобы тот его узнал.

— Это я, — говорит он наконец. — Здравствуйте, доктор Маркс!..

— Здравствуйте! — Маркс поднимается из-за столика. — Здравствуйте! А вы изменились! Вы мне кажетесь еще выше, чем два года назад.

— Ну да, во время нашей прошлой встречи вы вовсе могли не разглядеть меня. По-моему, вашим единственным желанием было выставить меня за дверь.

— Разве?

— А вы не помните? А ведь всему виной Бруно Бауэр! Вы посчитали меня его другом.

— Нет, нет, это вы посчитали меня его другом! Садитесь... Что вы будете пить?

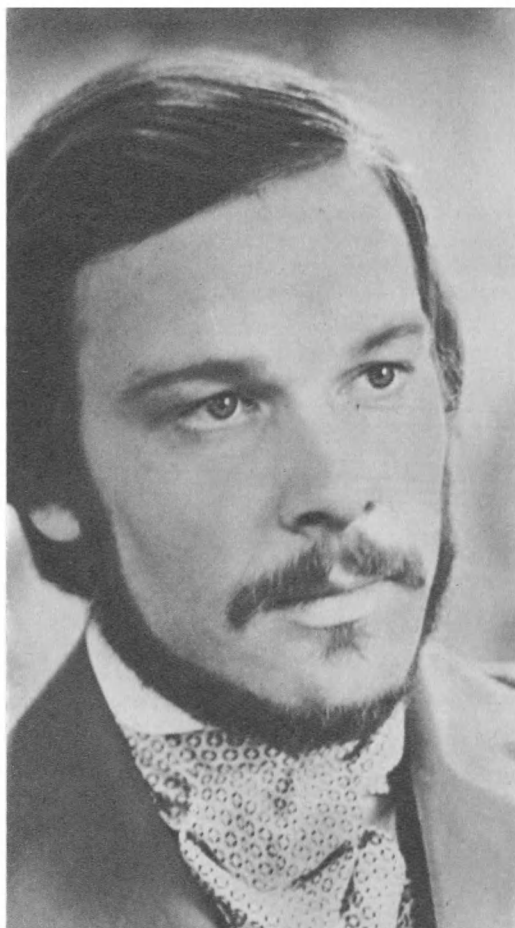
— Кофе. Ну и рюмочку коньяку.

Оба смеются. Рассматривают друг друга. Лед сломан.

— Как там ваша артиллерия?

— По-моему, артиллерией занимаетесь вы! — отвечает Энгельс. — Я слежу за этой канонадой. А я скромный конторский служащий на фабрике моего отца в Манчестере.

— Не прибедняйтесь, — Марксу все более симпатичен этот человек. — Вы простите меня, что я назначил вам свидание

здесь. У меня дома маленький ребенок и не вполне здорова жена. В общем, проза жизни... Вы женаты?

— Нет. Я слышал, что наше отечество не оставляет вас в покое и здесь. Будто посол Пруссии сделал представление премьер-министру Гизо?

— Говорят.

— И что, могут быть последствия?

— Я не думаю, что французы... А впрочем, кто знает... Что привело вас в Париж?

— В основном — желание поговорить с вами. До сих пор это мне не удавалось. А кроме того, я еду из Англии домой, в Вупперталь. У меня отпуск... Разрешите мне здесь командовать? — Энгельс оборачивается к официанту, принесшему тарелки. — И еще вина!

Он оживлен и весел.

— Я не знаю, с чего начать. Пожалуй, с нашего друга Бауэра, — говорит Энгельс, протягивая Марксу бокал. — Я получил весь комплект его газеты. Вы ведь знаете про газету, которую он сейчас издает? О, это любопытно со всех точек зрения!.. Ваше здоровье!..

Поздний вечер. Маркс открывает ключом дверь своей квартиры. Энгельс — за его спиной...

Они осторожно, на цыпочках, проходят в переднюю. Энгельс нерешительно стоит на пороге. Маркс делает ему знаки. Со свечой в руке идет в комнату. Машет Энгельсу, чтобы тот шел за ним. Так, с предосторожностями, они попадают наконец в рабочую комнату Маркса.

— Садись... Здесь можно разговаривать громче. — Маркс освобождает от книг кресло. — Слушай, как тебя называть? Фридрихом или Фрицем?

— А как тебе нравится?

— Имя Фридрих тебе не подходит.

— Ну, тогда Фриц. Или Энгельс. Или Фридрих... Или нет — Фред. Фред, по-английски.

— Фред! Это хорошо! Так о чем мы говорили?

— О французском короле.
— С ним уже все ясно.
— О Бруно Бауэре?
— Тоже ясно вполне... Еще говорили об Оуэне, об английских таможенных пошлинах, о шахматах...

— Мы говорили о Вейтлинге.
— Да. Я считаю его гением, при всей его наивности...

— Гении наивны! — подтверждает Энгельс. — Я не променяю его простодушия на всю мудрость Бауэра!

— Опять Бауэр!

Они говорят полупрошепотом, наперебой.

— Ты понимаешь, Бауэр в данном случае как явление!.. Мы не разбудим твою жену?

— Нет-нет... Посмотри за креслом, там где-то еще бутылка!

— Есть... Как явление, символизирующее всю академическую тупость наших докторов философии... Я приношу свои извинения, господин доктор!

— Пожалуйста!

Утром, войдя в кабинет Маркса, Женни застаёт здесь двух спящих мужчин. Незнакомый ей человек развалился в кресле. Рядом, за столом, уронив голову на стопку рукописей, спит Маркс. Ни тот ни другой не пошевелились, когда она вошла.

Маркс вспоминает:

— Этот человек умудрился, живя в Манчестере, не имея ни университетского образования, ни среды, в которой он мог бы оттачивать свои мысли, — умудрился прийти к поразительным выводам и открытиям. Он шел собственным путем — не от науки к жизни, как мы все, а, скорее, от жизни к науке, к вершинам политической экономии, которую он знал, как никто. А кроме того, он владел девятью языками, фехтовал, ездил верхом — словом, был настоящим мужчиной, этот высокий немец из Бармена... Раньше я не встречал человека, мысли которого были бы так созвучны моим. В тот же день мы сговорились писать

вместе и, конечно же, сочинить что-нибудь хлесткое про Бруно Бауэра и его братьев — Эдгара и Эгберта, с которыми он теперь издавал свою газету в Шарлоттенбурге... Мы так и назвали впоследствии свой труд — «Святое семейство»!

Комната Маркса. Стол один на двоих. Сигары. Кофе. Работа в самом разгаре. Входит Женни. В руках у нее только что прочитанная страничка рукописи.

— Можно вам сделать замечание? — Женни с улыбкой смотрит на приятелей. — Это больше относится к тебе, Карл!

Оба поднимают головы.

— Не пиши так желчно и раздраженно. Хотелось бы больше легкости...

Приятели переглянулись.

— А кроме того, — продолжает Женни, — не кажется ли вам, что тут руководит мстительное чувство? Он напал на вас — вы нападаете на него... Стоит ли быть такими чувствительными? У нас, господин Энгельс, есть друг, поэт, который носит с собой номера газет, где на него клеветают!

— Этот Бауэр, фрау Маркс, клеветает не на меня и не на Маркса. Мы бы это как-нибудь перенесли. Он нападает на принцип. Вот послушайте. — И Энгельс цитирует наизусть: — «Все великие исторические деяния были до сих пор обречены

на неудачу — как вы думаете почему? Потому что ими интересовалась и восторгалась масса!» Наши берлинские интеллектуалы не могут слышать этого слова — «масса». «Дух», «идея» — это пожалуй-ста! А «масса» — в этом есть что-то низменное... Вы чувствуете — даже на слух?!

Он готов продолжать, но взгляд Женни задумчив, и она вдруг замечает с грустью:

— Бруно Бауэр был его близким другом, господин Энгельс!..

Маркс вспоминает:

— А между тем тучи уже сгущались над нами. Правительство прусского короля

вступило в прямые переговоры с правительством Франции по поводу немцев-эмигрантов, выступающих против Пруссии и ее монарха. Французское правительство некоторое время еще сопротивлялось, но недолго...

Длинный коридор. Ряд одинаковых дверей. Стулья вдоль стены. Маркс, Гейне, Руге, Бакунин в ожидании приема. Тягостное молчание.

— Здравствуйте, господа! Какое общество! — Это подошел Бёрнштейн. — Ну, в чем дело? Как вы думаете? Зачем это мы им понадобились?

— Да вы садитесь! — мрачно откликается Бакунин.

— Вы думаете, они могут предъявить нам какие-нибудь требования?

— Мсье Бёрнштейн!

Чиновник в полицейском мундире пропускает Бёрнштейна, закрывает за ним дверь.

Остальные ждут.

— Я думаю, они не пойдут на крайние меры, — осторожно говорит Руге. — Это было бы по меньшей мере нелогично.

— О какой логике вы говорите? — Гейне искоса взглянул на него.

— О логике французского правительства, которое так любит говорить о гарантиях свободы.

— Ну и что же?

— И они будут плясать под дудку прусского короля? — с сомнением спрашивает Руге, спрашивает скорее себя, чем скептика Гейне, и вздыхает. — А впрочем, вы правы. Мы иногда впадаем в ошибку, приписывая этим людям логику, на которую они не способны.

Возвращается Бёрнштейн. Чиновник вызывает следующего:

— Мсье Арнольд Руге!

Руге поднимается. Идет к двери.

Бёрнштейн рассказывает шепотом:

— У меня впечатление, что все еще можно уладить. Я им дал подписку, что готов прекратить издание газеты. Думаю, это должно их устроить.

— Но устроит ли это вас? — спрашивает Гейне.

— Это вопрос другой. На какие-то жертвы хочешь не хочешь придется пойти. Не уезжать же из Парижа!.. Им нужна какая-то формула вежливости в отношении прусского короля, не более того. Он мне прямо дал понять, этот господин...

Возвращается Руге.

— Мсье Карл Маркс!

Маркс поднимается. Беглый взгляд на Руге.

— До свидания, господа! — Руге отводит глаза и удаляется без комментариев.

...Молодой полицейский чиновник за столом. Он очень вежлив.

— Мсье Маркс? Прошу вас... Я сожалею, но должен выполнить неприятную обязанность. Прочтите, пожалуйста...

Листок с аккуратными строчками. Маркс пробежал глазами, вернул.

— Уже прочли? Так быстро?

— Да. Я быстро читаю.

— Его превосходительство префект Парижа просит вас дать письменные разъяснения в отношении вашей политической деятельности. Его превосходительство допускает, что обвинение против вас основано на каком-либо недоразумении или ошибке. Если это так, сообразуйте об этом написать.

— О чем именно написать?

— О том, что статьи, вам приписываемые, в действительности не являются вашими. И кто-то другой без вашего ведома воспользовался вашим именем.

— Это мои статьи.

— Вы настаиваете на том, что они ваши? — Чиновник удивленно поднимает бровь.

— Да, разумеется.

— Я очень сожалею, но в таком случае мне пришлось бы вручить вам предписание покинуть в течение двадцати четырех часов Париж...

— Что ж делать!

— ...в течение двадцати четырех часов Париж и в самый короткий срок — пределы Франции, — продолжает чиновник, выразительно глядя на Маркса, уже почти открыто предлагая ему выход из положения.

— Я не могу отказаться от этих статей, они написаны мною, — говорит Маркс. — Я, однако, не вижу в этих статьях ничего такого, что нарушало бы законы и традиции Французского государства.

— К сожалению, не могу входить с вами в обсуждение этого вопроса, — учтиво говорит чиновник. — Пожалуйста, распишите. Вот здесь, будьте любезны...

И в тот момент, когда Маркс уже занес перо над бумагой, чиновник все-таки останавливает его.

— Есть, впрочем, еще один выход...

— Еще один?..

— Да. Ваше письменное обязательство полностью прекратить с этого дня всякую политическую деятельность во Франции, направленную против кого бы то ни было... Я думаю, это может нас устроить...

— Как ваше имя?

— Дюран. Простите, я не представился. Дюран...

— Мсье Дюран, я ценю ваши усилия помочь мне, но — увы... Деятельность, о которой вы говорите и которую мне предлагают прекратить, есть часть моей жизни...

— Я очень сожалею. — Чиновник показывает пальцем. — Вот здесь, пожалуйста. Внизу... Число и время. Сейчас половина двенадцатого...

Маркс семидесятых годов продолжает свой рассказ:

— Можно было, вероятно, и остаться. Для этого пришлось бы, как выразился Руге, побегать, не жалея своих подошв. К вечеру этого дня, изрядно набегавшись, он наконец получил индульгенцию... За Генриха Гейне, как говорят, вступился сам премьер-министр Гизо. Высылка знаменитого поэта действительно была бы скандальной. Кончилось тем, что выслали только меня и Бакунина. Что ж, это было логично...

Квартира на улице Вано. Уже упакованные в дорогу чемоданы, связки книг, среди них — знакомая нам стопка экземпляров «Ежегодника». Маркс и Женни в дорожном платье. Напротив них в кресле сидит Гейне. Здоровенный кучер спокойно, не торопясь, выносит вещи из комнаты.

Не замечая его, иногда, впрочем, отодвигаясь с креслом, чтобы не мешать, Гейне читает:

Прощай, Париж, прощай, Париж.
Прекрасная столица.
Где все ликует и цветет.
Поет и веселится!

В моем немецком сердце боль,
Мне эта боль знакома.
Единственный врач исцелил бы меня —
И он на севере, дома...

Это начало его поэмы «Германия. Зимняя сказка», которую он написал в тот год. Он читает негромко, ничуть не смущаясь тем, что оба слушателя — Маркс и Женни — время от времени отвлекаются, чтобы указать кучеру на очередной предмет, который следует вынести и погрузить в коляску... Комната постепенно пустеет.

...Я даже о запахе торфа теперь
Вздыхаю не без грусти,
О козочках в Люнебургской степи,
О репе, о капусте.

О грубости нашей, о табаке,
О пиве, пузатых бочках,
О толстых гофратах, ночных сторожах,
О розовых пасторских дочках...

Все готово. Вещи вынесены. Кучер стоит около двери, вопросительно смотрит, ждет.

И тут Гейне, заметив его, печально спрашивает:

— Уже? Поехали?..

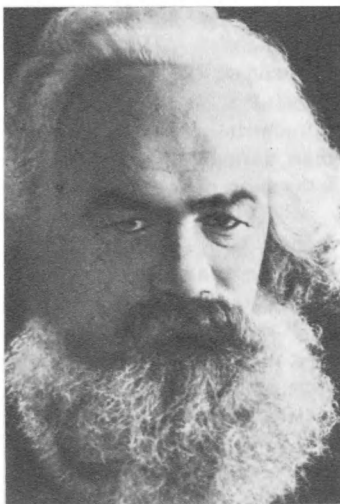
Улица Ваню. Коляска с вещами. Маркс, Женни, Гейне.

— Если говорить честно, мне жалко здесь оставлять только вас, дорогой друг... — говорит с улыбкой Маркс.

Они расстаются. Это не просто прощание двух друзей. Они прощаются и в более глубоком смысле: дороги их отныне расходятся, и оба понимают это без слов. Последнее рукопожатие — Гейне и Маркс, Гейне и Женни. И вот уже Гейне смотрит вслед отъехавшей коляске — долго, серьезно и печально...

Глава шестая

Голландия. Залтбоммел. Небольшой городишко, словно сошедший с гравюр старых мастеров. Дым из труб. Черепичные крыши. Каналы между домами.

В гостиной Лиона Филипса сейчас двое — хозяин, пожилой, располневший мужчина, и двадцатисемилетний Маркс.

— Я никогда не вмешивался в ваши отношения, ты знаешь. Но это действительно несправедливо. Покойный Генрих оставил наследство всем детям, в том числе и тебе. — Лион Филипс внимательно смотрит на племянника. — Быть может, тебе следовало выполнить волю отца и стать адвокатом?

— Отец не ставил такого условия. Это было только его желание...

— Ты, прав, конечно. Желания детей не всегда совпадают с желаниями родителей, — философски замечает Лион Филипс. — Мой отец, например, хотел, чтобы я стал раввином. Увы, мы так и не поняли друг друга... — Он опять посмотрел на племянника. — А может быть, Генриетта хочет смирить твою гордыню?

И сам удивился такой догадке.

— Смешно... Воспитывать сына, когда у него уже собственные дети. Которые сами скоро захотят получить наследство! — Он улыбнулся. — Как вы называли свою дочь?

— Женни.

— Она похожа на тебя?

— Нет. По-моему, она больше взяла от матери.

— У тебя много долгов?

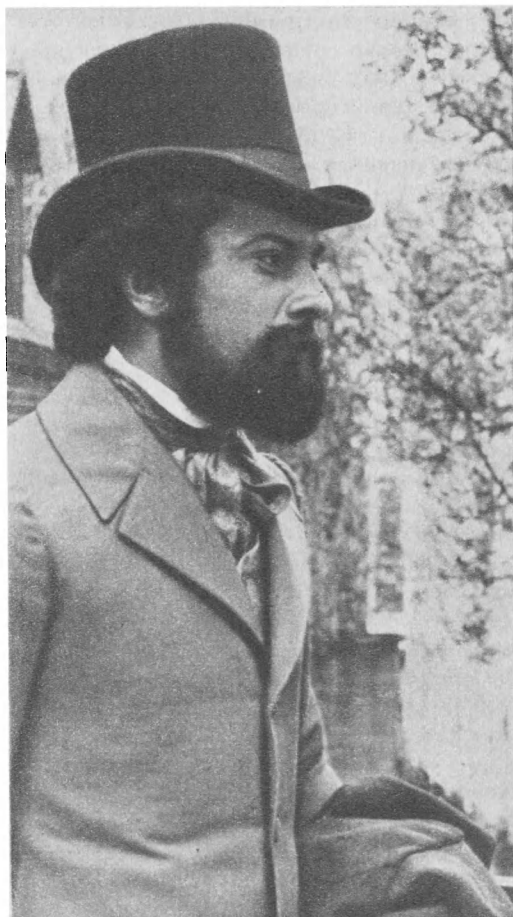
— Достаточно. В Брюсселе я еще не имел заработка.

Лион Филипс задымил трубкой.

— И все-таки я не понимаю, почему бы тебе самому не обратиться к матери? Моя сестра всегда была благоразумной женщиной.

— Я не в состоянии ей что-либо объяснить, дядя Лион. К сожалению, мы на все смотрим по-разному.

— Ты находишь, что у нас с тобой больше общего? — шутливо замечает Филипс. — Но я старый, набожный человек, а ты у бога не веришь. Я всю жизнь пытаюсь разбогатеть, а ты ведь презираешь богатство.

Хотя, как видишь, деньги нужны всем, и даже тебе. Я не прав?

— Да... — Маркс грустно улыбается. — Это лишь подтверждает ту печальную истину, что все мы находимся у них в рабстве.

— Ну да, ты ведь считаешь, что деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар...

Маркс озадачен.

— Вы... читали мои работы?

— Я многое в своей жизни прочел, мой дорогой. Хоть я всего лишь скромный negociant и не кончал университетов! И, конечно, я особенно интересуюсь тем, что пишет мой племянник Карл Маркс из Трира. Иногда, правда, мне приносят из книжной

лавки какого-то другого Маркса. Этот пишет о медицине, и, надо отдать ему должное, очень скучно! Ты, правда, тоже иногда пишешь довольно запутанно, но кое-что все же можно понять... Сядь, пожалуйста, что за манера ходить по комнате! Вот объясни мне... Может быть, я чего-то не понимаю... Ты философ, ты, значит, мучаешься и размышляешь над загадками этого мира. Так? — Он наконец усадил Карла напротив себя. — И что же, обязательно ли при этом вмешиваться в текущие дела королей и правительств? Разве это твоя обязанность как философа?

— Видите ли, дядя Лион...

— Может быть, я неправильно понимаю...

— Нет, вы все правильно понимаете. Как вам сказать... Дело в том, что до сих пор философы, каждый по-своему, пытались объяснить наш мир. И я тоже пытаюсь его объяснить... Но, видимо, этого мало. Его надо изменить, вот в чем дело...

Филипс печально качает головой:

— Да, за это денег не платят!.. И ты уверен, что это тебе удастся?

— Не знаю, дядя Лион.

Пауза. Лион Филипс задумчиво смотрит на Маркса.

— Я ценю тебя за прямоту, Карл. Ты честный человек. А это не так мало в наше время... Да, ты, наверно, прав: они еще никому на свете не принесли счастья, эти деньги. Я ведь тоже мог, как и ты, жениться по любви! Я тоже мог окончить университет и стать ученым. «Доктор Филипс» — право, неплохо звучит!.. Я дам тебе денег. Не так много, как ты, вероятно, рассчитываешь, но все-таки дам. И, конечно, попробую убедить мою сестру. Я ей напишу... Я думаю, многие несчастья в нашей жизни происходят оттого, что отцы и матери не хотят понять своих детей... Кстати, хорошая тема для философского сочинения! — И Лион Филипс дружески подмигнул племяннику. — А что? Нет?

Почтовая карета едет по пустынной дороге. Скрип рессор и цокот копыт в тишине.

Маркс, в цилиндре, в накинутом на плечи дорожном плаще, устало покачивается на заднем сиденье, дремлет, иногда поглядывает в окно.

...Брюссель. Маркс торопливо идет по улице.

Затем — скорее вверх по лестнице трехэтажного дома, бегом, не останавливаясь.

Там, наверху, уже открылась дверь — и, заждавшаяся, счастливая, летит ему навстречу Женни!

Ночь. Маленькая Женнихен спит в своей кроватке.

Негромкие голоса доносятся с кухни. Здесь горит свеча. Женни склонилась над листом бумаги, Карл стоит за ее спиной.

— Сорок франков, записала?

— Записала. Я думаю, нам лучше уплатить вперед. До конца года.

— Не много ли? До конца года. А если мы захотим уехать?

— А мы захотим уехать?

— Кто знает? Пиши на всякий случай — до октября.

— Я пишу. Сто шестьдесят. Видишь, Карл, — Женни смотрит на него, — я становлюсь благоразумной. Ты замечаешь?

— Я не хочу, чтобы ты становилась благоразумной... Это все? Есть еще долги?

— Старый долг Бюргерсу. Но это можно отдать в следующий раз. Или сейчас?

— А что мы купим нашей девочке?

— Из этих денег?

— А из каких же? — Карл задумчиво смотрит на Женни. — Я не хочу, чтобы ты становилась благоразумной. Я еще не потерял надежды сделать свою жену богатой и беспечной!

— Зачем, Карл? Послушай, сегодня наша Женнихен пыталась стоять на ножках. Она совсем как ты — такая упорная! Падает и снова встает.

— Вот видишь! Запиши-ка ей три пары туфелек! Пиши, пиши, не скупись... Ну, что там получается в итоге? — Карл заглядывает из-за спины. — Остается хоть что-нибудь?

— Остается? — Женни прикрывает ладонью листок. — Ты не должен вникать в эти дела, Карл. Я уже научилась рассчитывать... И кстати, не вижу в этом ничего дурного. В этой аристократической небрежности к деньгам тоже есть своя пошлость. Разве нет?

— Женни! — Карл делает несколько шагов по кухне и останавливается. — Я тебя спрашиваю о наших делах не из любопытства. — И, отведя ее руку, он все-таки заглядывает в счет. — Я должен ненадолго уехать.

— Ты? Уехать?

— Я должен ехать в Англию, Женни.

— Почему же ты мне ничего не говорил?

— Вот я и говорю.

— В Англию? Зачем?

— Мне нужно поработать в библиотеках, в Манчестере. Там есть книги, которых здесь не найдешь. Современная политическая экономия. Это, как ты знаешь, привилегия англичан.

— И Энгельс того же мнения?

— Да, конечно. Он мне поможет с английским.

— Ах, и он будет там? Так... И что же требуется от меня? — ледяным тоном спрашивает Женни. — Финансовые расчеты? Пожалуйста. — Она протягивает ему листок. — Можешь ехать. Наша политическая экономия позволяет тебе это.

— Но, я вижу, есть другие препятствия? — с улыбкой спрашивает Карл.

— Какие же еще препятствия, если ты все решил!

— Женни!

Но Женни, ни слова больше не сказав, выходит из кухни.

Карл идет за ней в детскую. Девочка спит. Женни стоит у занавешенного окна. Он обнимает ее, поворачивает к себе.

— Прости меня, — шепчет Женни. — Я, наверно, ужасная эгоистка!.. Это глупо, я понимаю... Но я ревную тебя... даже к твоим друзьям!

Он засмеялся, и она в ужасе зажимает ему рот рукой.

— Тихо! Ты сейчас ее разбудишь!..

Англия. Манчестер.

Вывеска «Эрмен и Энгельс» над воротами фабрички. Два молодых человека пересекают площадь, входят в ворота. Один из них — сын фабриканта, и сторож, увидев его, почтительно отступает и кланяется.

— Прошу снять шляпу! — возвещает молодой Энгельс и шутливо приподнимает цилиндр. — Мы вступаем во владения Энгельса-старшего. А кроме того, здесь, в конторе, ровно два года отбывал ссылку Энгельс-младший!

— Благоговею перед этим тружеником! — И Маркс тоже приподнимает цилиндр.

— Вон там, видишь, домик в конце двора? Там я просиживал штаны с утра до вечера каждый день, не считая рождества и воскресенья. Хорошенькое было время!

Они входят в фабричный корпус. Останавливаются. Несколько десятков прядильных машин производят оглушительный шум. В воздухе летает, садится на одежду пух. Мелькают фигуры девушек-работниц. Среди них — совсем юные, подростки. Энгельс что-то объясняет Карлу, слов не слышно.

К ним подходит пожилой мастер. Узнал Энгельса, что-то кричит ему на ухо, и опять не слышно слов.

Они проходят в глубь цеха. Безостановочно крутятся бобины с пряжей, мелькают руки и лица девушек, летают белые хлопья... Энгельс ищет здесь кого-то. Нашел. Окликнул:

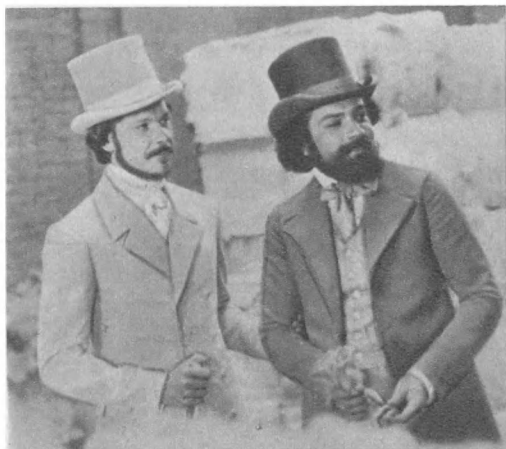
— Мери!

Миловидная девушка поглощена работой. Пальцы ее ловко манипулируют над пряжей — находят, присучивают, связывают оборванные нити. Вот она перешла от одной машины к другой и здесь наконец услышала, что ее зовут. Обернулась. Мгновенная улыбка осветила ее лицо. Пальцы между тем продолжают свою работу, они существуют как бы отдельно от нее, от ее улыбки, слов Энгельса и ее собственных слов.

Карл не слышит их. Он стоит посреди цеха, оглушенный. Черный сюртук его, волосы — все в белом, плотно прилипшем пуху. Он пробует почистить рукав, но безрезультатно. Оглядел себя всего, удивился, еще раз машинально попытался отряхнуться. И встретил веселый взгляд Мери. Она смотрит на него, улыбаясь. Провела рукой по подбородку, имея в виду его, Карла, бороду, к которой тоже пристал пух. Карл понял и рассмеялся...

Дверь. Щелкнул замок. В квартиру входят Маркс и Энгельс.

— Нет, я не чувствую себя здесь иностранцем, — рассказывает Энгельс, — при том, что мой английский язык оставляет желать лучшего. Должен тебе сказать,

что ни один рабочий ни здесь, ни во Франции никогда не относился ко мне как к иностранцу. К чести английских рабочих, они напрочь лишены национальных предрассудков и национального тщеславия — я в этом много раз убеждался. Есть какое-то чувство одной общей семьи...

Так, разговаривая, они минуют прихожую, оставляют там свои цилиндры, проходят в комнату, и здесь им навстречу из второй, смежной комнаты выходит Мери.

— Здравствуйте, — обращается она к Марксу.

— Мери, я должен представить тебе моего друга, — говорит Энгельс. — Это доктор Маркс. А это Мери. Мери Бёрнс...

Маркс несколько растерян.

— Очень приятно... Я вас уже видел сегодня. На фабрике.

— Да, — спокойно подтверждает Мери. — А я о вас много слышала, доктор Маркс... Как поживает ваша жена, ваша дочка?

— Спасибо. Все хорошо.

— Вы их оставили в Брюсселе?

— Да.

— Присаживайтесь, — с любезностью хозяйки приглашает Мери.

— Спасибо.

Маркс садится на предложенный ему стул. Мери усаживается напротив и начинает пристально, ничуть не смущаясь, рассматривать гостя.

— Как вам у нас понравилось, мистер Маркс?.. Впрочем, что я говорю — что там может у нас понравиться? Хотя у нас есть, конечно, очень симпатичные люди — Фред вам, наверное, рассказывал... Вот если вы придете как-нибудь вечером к нам в рабочее общество, вы с ними познакомитесь. Вам это может быть интересно.

— Да. Непременно, — отвечает Маркс.

— Вы еще собираетесь в Лондон, к Вейтлингу?

— Да.

— Завидую вам, — говорит Мери и поднимается. — Я приготовила чай, там все на столе. Фред, тебе придется самому поухаживать за своим гостем.

Маркс смотрит на нее.

— Вы уходите?

— Да. Я далеко живу. И вставать мне рано — у нас нельзя опаздывать... Всего хорошего. Мы, наверно, еще увидимся, мистер Маркс?..

Она уходит. Энгельс вышел ее проводить. Маркс смотрит им вслед.

Энгельс возвращается. Сел рядом.

— Ты не должен удивляться...

— Я не удивляюсь.

— Ну, вид у тебя был ошеломленный, — усмехнулся Энгельс.

— Разве?

— Ты знаешь, в это трудно поверить и трудно кому-нибудь объяснить, но эта

девушка... ты не представляешь, что она для меня сделала и что она для меня значит... — Энгельс говорит, с напряжением подбирая слова. — Ведь я приехал сюда совсем другим человеком, и если за эти три года что-то во мне изменилось и что-то я начал понимать в реальной жизни, то это прежде всего — она. С ее какой-то удивительной мудростью и классовым чутьем... А как она разбирается в людях, как точно все оценивает! И при этом — такая жизнерадостная вера, что скоро все изменится. Представь себе!..

Посмотрел на Маркса, помолчал, добавил:

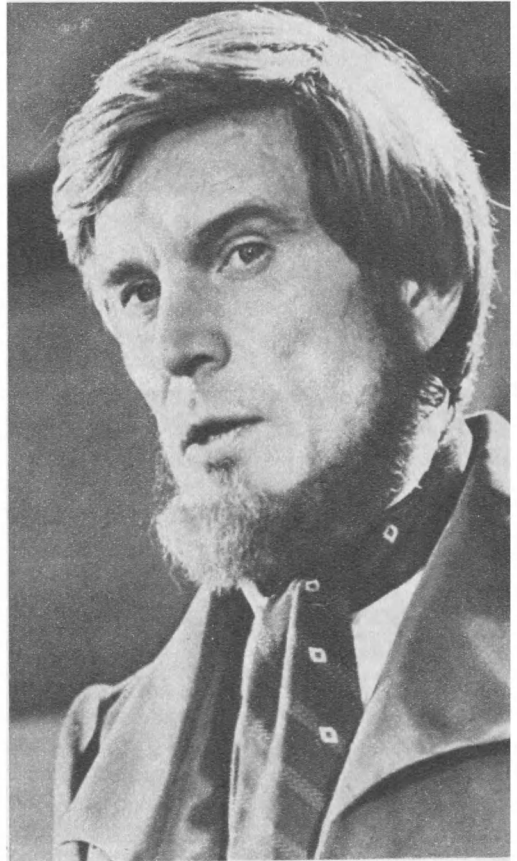
— Она любит меня. И я люблю ее. Но это никому не объяснишь. Она — простая работница, я — сын хозяина...

Витражи. Это Чатамская библиотека. В ее овальном зале два усердных читателя — Маркс и Энгельс.

Голос Маркса-рассказчика:

— Чатамская библиотека в Манчестере не обманула наших ожиданий. В небольшом башенном выступе, за массивным бюро, мы просидели в общей сложности почти полтора месяца, день за днем. Здесь действительно оказались книги, которые трудно было достать на континенте. Политическая экономия как наука почти всецело принадлежала Англии, и сама Англия, классическая страна капитализма, давала богатейший материал для того, чтобы прояснить внутренний механизм капиталистического производства. То, что уже вскоре осозналось как диалектика производительных сил и производственных отношений... Мы ехали сюда, чтобы собрать материал для пары книг: Энгельс — для книги о социальной истории Англии, я — для книги о политической экономии. А уехали мы, обогащенные идеями, которые потом разрабатывали всю жизнь.

Улица старого Лондона. Маркс и Энгельс идут по узкому тротуару. Серые, мрачные здания доходных домов, таблички

с номерами, вывеска бакалейной лавки... Здесь не просто отыскать нужный номер. Над одним парадным — цифра 27, другое — вовсе без номера, следующее — под номером 35... Остановились, спросили. Прохожий подумал, огляделся, показал рукой на соседний дом.

Подворотня, узкий проход между домом и глухой кирпичной стеной, мощный дворик, парадное с разбитым стеклом. Дальше — скрипучая лестница, темнота. И наконец — распахнутая во всю ширину дверь, свет, силуэт человека на пороге. Пауза.

— Здравствуйте, господин Вейтлинг!

— Здравствуйте, господа!

Вильгельм Вейтлинг выпускает гостей. Вот его жилище: койка, стол с единственным стулом, шкаф, этажерка с книгами. Вот и он сам. Ему лет тридцать пять, он белокур, довольно красив, в сюртучке щеголеватого покроя, с бородкой, аккуратно подстриженной, похожий, по свидетельству современника, «скорее на путешествующего комми, чем на сурового и озлобленного труженика». Таким он сейчас и предстает перед двумя посетителями, жаждавшими увидеть «живого Вейтлинга».

— Энгельс.

— Маркс.

— Очень рад. Прошу, господа.

— Не знаю, говорят ли вам что-нибудь наши имена. — Маркс оглядывается в поисках стула. — Мы ехали сюда с несколькими целями, но главной из них, во всяком случае самой приятной, было увидеть вас и познакомиться с вами...

Вейтлинг отвечает сдержанно:

— Спасибо, господа. Я знаю вас, конечно же. Читал. Пожалуйста, вот сюда. Один из вас может сесть на кровать... Мои апартаменты, как видите, оставляют желать лучшего, но после тюремной камеры... Вы никогда не сидели?

— Нет.

— Знаете, грешно говорить, но только в тюрьме начинаешь по-настоящему ценить жизнь, — вдруг с улыбкой признается Вейтлинг. И добавляет совсем серьезно: — Когда ты видишь небо вот в такое окошко,

ты думаешь: почему я не смотрел на него раньше, когда это было доступно?.. Вы надолго в Лондон?

— Нет. А вы?

— Трудно сказать. В Германию мне путь закрыт, во Францию — тоже, из свободной Швейцарии меня увезли в кандалах... — Вейтлинг сокрушенно развел руками и опять улыбнулся.

— Мы очень рады видеть вас! — сказал горячо Энгельс.

— Спасибо, господа. Я польщен. Еще несколько лет назад такие люди, как я, вряд ли могли рассчитывать на внимание серьезных ученых, философов, тем более немецких!

— Да, вероятно, — улыбнулся в ответ Маркс. — Видите ли, я не знаю, что вам приходилось читать из наших работ... Дело в том, что в самое последнее время, вот уже здесь, в Англии, мы с моим другом пришли к некоторым новым выводам, о которых было бы интересно поговорить и поспорить. — Он посмотрел на Вейтлинга. — Я предвижу, что не все наши мысли покажутся вам убедительными, как, впрочем, и нас далеко не все убеждает в ваших прекрасных книгах. Но в главном, я думаю, мы едины. Мы считаем себя коммунистами.

— Это хорошо, господа, — заметил Вейтлинг. — Но я, как вы знаете, не теоретик. Ученые споры — не моя стихия.

— Я вовсе не настаиваю, чтобы мы спорили, — отвечает с улыбкой Маркс. — Но, согласитесь, существуют самые разные точки зрения на то, что мы с вами называем коммунизмом. Это очень красивое знамя, и кого только под ним нет! Я не удивлюсь, если завтра к нам примкнет сам папа римский! Вы, наверно, хотели бы знать, кто ваши союзники...

— Я своих союзников знаю, — сказал Вейтлинг.

— Вот видите, а мы, к сожалению, нет. Вейтлинг еще раз, уже с откровенным любопытством, поглядел на гостей.

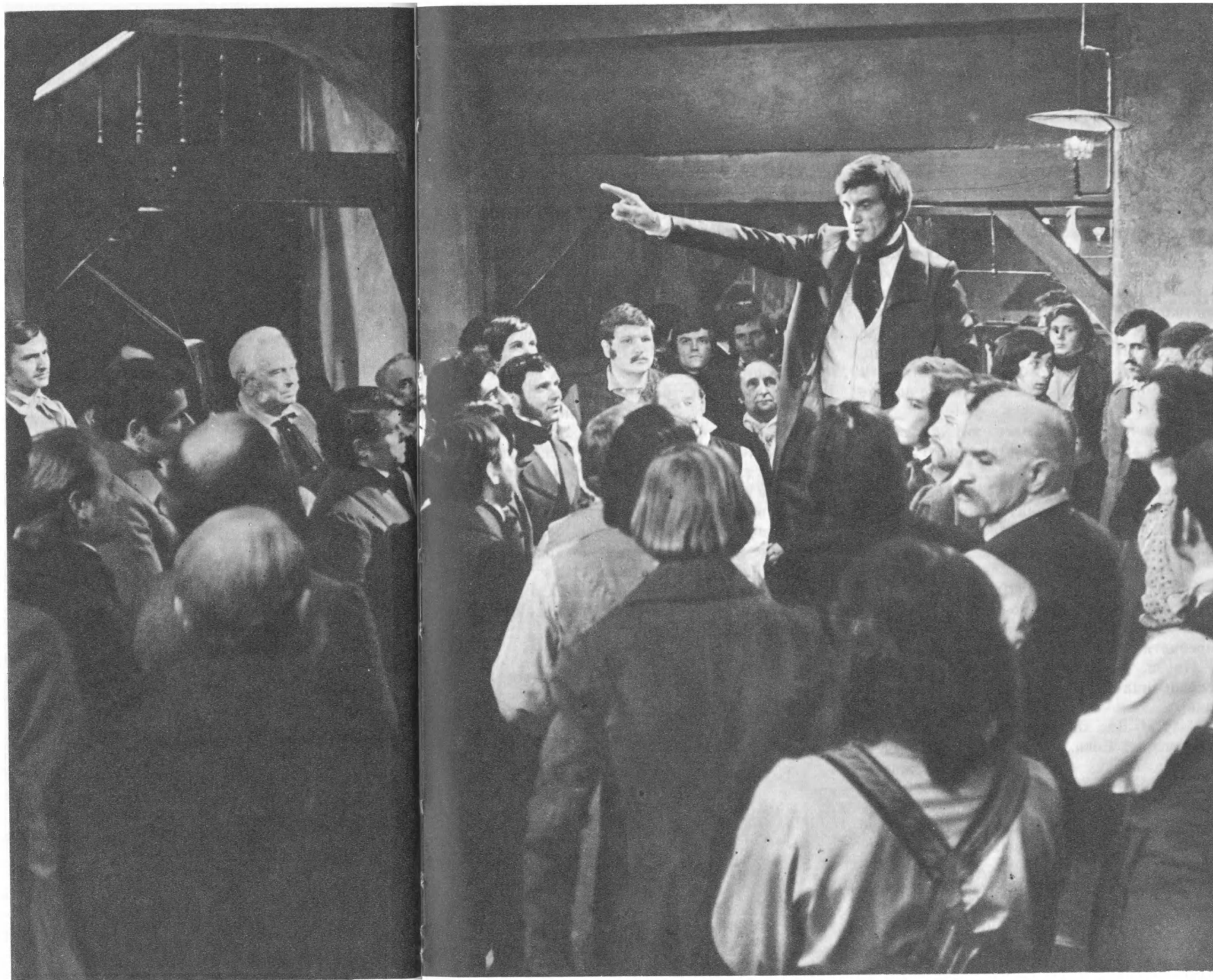
— Ну что ж, господа, если вас привлекают дискуссии, извольте... Я вам предоставлю возможность послушать, что говорят здешние коммунисты. Но только не посетуйте на меня: это будут не ученые мужи, а неграмотные пролетарии, понимающие нашу идею не умом, а сердцем... Что же касается папы римского, не торопитесь отлучать его от коммунизма. Я, к сожалению, не имел возможности обсудить с ним наши точки зрения, но у нас один общий учитель, и он завещал нам ту правду, без которой все мы — как овцы без пастыря... Впрочем, теперь стало модой ниспровергать Христа... Вы где остановились?

— В отеле «Бристоль».

— Будьте вечером дома. За вами придут мои люди...

Возбужденные лица, аплодисменты, вихрь энтузиазма, поднявший с места десятки людей... Это как бы ответ Вейтлинга, его аргумент в любом возможном споре, свидетельство его влияния... Судя по виду помещения, встреча происходит в портняжной мастерской. Столы и манекены сдвинуты в сторону. Часть публики разместилась на скамьях, остальные стоят, забив все проходы. В тишине, каждый миг готовый взорваться аплодисментами, Вейтлинг произносит речь.

— Пока общество состоит из господ и слуг, — звучит его голос, — пока в нем царят произвол и неравенство, народам

безразлично, кто хозяин в их доме — Наполеон, Николай или Фридрих Великий! Все равно этот дом не принадлежит народам, в нем нет места для справедливости, его надо разрушить!..

Вейтлинг делает паузу. Он стоит на возвышении — трибуне из ящиков, — и видит обращенные к нему лица. Как все настоящие ораторы, он чутко ощущает аудиторию. Сейчас, когда лица слушателей замерли в напряженном внимании, а глаза блестят, он вновь поднимает голос:

— Наш дом — это будущее свободное общество! Это братский союз тружеников, одна семья, где общественный порядок не только не противоречит, а идет навстречу интересам и способностям каждого! И где торжествует тот единственный принцип, без которого не может быть справедливости в этом мире: кто не работает, тот не вправе есть!

Он почти выкрикивает эти последние слова, и зал воспламеняется как от искры; гремят овации.

В первом ряду, в тесном соседстве с незнакомыми людьми, по виду рабочими, вместе с ними и со всей аудиторией горячо рукоплещут Маркс и Энгельс.

Вейтлинг энергичным движением руки умиряет зал.

— Но может быть, это утопия? Прекрасные мечты, которым никогда не суждено превратиться в реальность?

Пауза. Вейтлинг вглядывается в лица, словно ища в них ответа. И наконец восклицает:

— Да! Да, конечно! Утопия, несбыточная мечта! Если... — тут он снова выдерживает паузу, — если мы будем ждать, пока владелец фабрики, образумясь, отдаст ее добровольно своим рабочим! Пока помещик, владеющий землей, отдаст эту землю тем, кто ее пашет! Пока банкир, вняв голосу совести, вернет награбленное тем, кого он ограбил! Пока власть имущие откажутся от своих привилегий, добытых силой и обманом!.. Я думаю, нам долго пришлось бы ждать! — заключает Вейтлинг под одобрительный шум и смех аудитории.

Снова Вейтлинг поднимает руку в ожидании тишины.

— Не будем забывать, что на протяжении всей истории человечества победу новым идеям и общественным порядкам приносили только войны и революции. Революции и войны... Еще Христос сказал: «Не мир принес я вам, но меч!» Так будем же готовить народы к избавительной войне — к революции! Будем готовить себя к жертвам — они священные! Другого пути у нас нет!

И дальше, понизив голос:

— Я не обещаю вам легкой победы. Нас ждут лишения и опасности, сырые стены тюрем, баррикады... Но я верю: ни один из вас не дрогнет в борьбе. Жертвуя собой, мы вернем мужество слабым и малодушным, мы призовем к себе и тех, кто рассуждает о революции в тиши своих уютных кабинетов, вдали от истрадавших толп! Мы скажем им: новую, лучшую книгу жизни мы будем писать не чернилами, а кровью!..

Восторженные аплодисменты. Все поднялись с мест. Вейтлинг, окончив речь, сходит с помоста и оказывается в плотном кольце приветствующих его людей. Он пожимает руки, отвечает на приветствия. Лицо его по-прежнему строго, без тени кокетства, без малейшего заигрывания с кем бы то ни было. Он сказал то, что думал. Он готов к борьбе. Он жмет руки единомышленникам, а не поклонникам.

Окруженный толпой, он медленно пробивается к выходу. И здесь останавливается. Перед ним — его утренние гости, Энгельс и Маркс.

— Знакомьтесь, друзья, — Вейтлинг оборачивается к сопровождающим его людям. — Это доктор Маркс, Фридрих Энгельс из Германии... А это наши братья по Союзу справедливых: Йозеф Молль... Карл Шаппер... Фридрих Лесснер...

Рукопожатия.

— Мы очень признательны вам, — обращается к Вейтлингу Маркс. — На нас произвела большое впечатление ваша речь.

И лишь тут впервые на лице Вейтлинга появляется горделивое выражение, улыбка.

— Есть ли еще желание дискутировать? Маркс отвечает неожиданно:

— Есть... И после сегодняшнего вечера оно, представьте, даже укрепилось! Но мы хотели бы вовлечь в эту дискуссию как можно большее число людей, наших с вами единомышленников. И с этой целью мы решили основать Корреспондентский комитет.

— Что-что? — спросил Вейтлинг.

— Корреспондентский комитет. Орган, который поможет нам выяснить разногласия и сблизить точки зрения... И мы хотим просить вас, дорогой Вейтлинг, быть нашим корреспондентом в Англии.

Пауза. Недоумение на лице Вейтлинга.

— Вашим корреспондентом? Как это понимать? — Вейтлинг с улыбкой оборачивается к друзьям, ища поддержки. — Мы устроим состязания гусиных перьев? Будем писать друг другу письма?

И соратники Вейтлинга — Молль, Шаппер и Лесснер — уже откровенно смеются вместе с ним.

— Нет уж, господа, — заключает Вейтлинг. — Оставим это занятие влюбленным барышням!

— Простите, я хотел бы видеть доктора Маркса.

Пожилой господин с зонтиком в руке стоит на площадке лестницы. Он и Женни внимательно смотрят друг на друга.

— К сожалению, доктора Маркса нет дома, он в отъезде.

— Фрау Маркс?

— Да, пожалуйста.

— Разрешите представиться. Эссер, тайный ревизионный советник.

— Господин Эссер? Да, прошу вас... Я слышала ваше имя... Вы — в Брюсселе?

— Ненадолго. — Эссер проходит вслед за Женни в переднюю, она принимает из его рук зонтик и цилиндр. — Разрешите?

— Конечно! Прошу вас...

Да, это он, Эссер, друг Генриха Маркса, в свое время обещавший ему не оставить заботами Карла, если возникнет нужда. Едва войдя в квартиру, он уже оценивает взглядом степень благополучия молодого Маркса и его семьи.

— И надолго покинул вас Карл?

— Он вернется, я думаю, через две недели.

— Где же он, если это не тайна?

— В Англии.

— Жаль... Если бы вы знали, как мне хотелось на него взглянуть! Ведь он рос на моих глазах, причем в самом буквальном смысле: каждый раз, приходя к старому Марксу, я заставлял Карла выросшим, а однажды вдруг оказалось, что он совсем взрослый!

— Да, он совсем взрослый, господин Эссер!

— Остепенился? Или все такой же нетерпеливый?

— Да пожалуй, как и прежде.

— Буря и натиск!

— Да.

— Все так же разбрасывается, меняет свои интересы? Я помню, как это тревожило бедного Генриха.

— Нет, сейчас, пожалуй, он постоянен.

— Научился ли он по крайней мере наводить порядок у себя в комнате?

— О нет, господин Эссер

— Много курит?

— Да.

Эссер еще раз оглядывает комнату.

— И что же, вам совсем не хочется вернуться на родину?

— Увы, это так мало зависит от наших желаний.

— Ну, не скажите!

Женни смотрит на Эссера с интересом, уловив в этой реплике какое-то скрытое, неясное еще значение.

— А что, разве у нас в Германии изменились порядки?

— Да, представьте!.. Я, впрочем, не знаю, что вы имеете в виду. Революции у нас не было и, надо полагать, не будет — мы не французы... И все же кое-что меняется, фрау Маркс, жизнь не стоит на месте. То, что вчера казалось невозможным, сегодня возникает как необходимость. Что же в этом удивительного?.. Я полагаю, что как раз в

нынешней обстановке такие люди, как Карл, могли бы с успехом послужить своему отечеству.

— Вот как? Вы думаете?

— Я в этом уверен.

— И в какой же роли?

— Об этом можно было бы подумать... —

Эссер внимательно смотрит на Женни. Теперь уже ясно, что визит его не случаен и что есть некие важные причины, приведшие тайного советника в этот бедный эмигрантский дом. — Видите ли, фрау Маркс, я не знаю ваших воззрений относительно политического устройства Германии, но смею вас уверить, что нашей стране нужны не только старики ретрограды... такие, как я... но и динамичные молодые политики, как это вам ни покажется странным. Ваш муж обратил на себя внимание своими исключительными талантами ученого и публициста. Было бы в высшей степени прискорбно, если бы эти дарования служили не созидательным, а разрушительным целям и не Германии, а ее недругам, тайным и явным. Надеюсь, вы поняли меня... И даже то критическое направление, какое сейчас преобладает в трудах доктора Маркса, могло бы быть использовано в самых различных аспектах...

— Надо ли понимать вас так, что в Прусском государстве Карлу больше ничего не угрожает?

— Да, я надеюсь.

— И он мог бы вернуться, не опасаясь ареста?

— Я надеюсь, фрау Маркс.

— Тогда еще один вопрос.

— Пожалуйста.

— Вы говорите со мной об этом... только от своего имени?

— Фрау Маркс, зачем нам эти подробности! — с тонкой улыбкой дипломата отвечает Эссер. — Не достаточно ли того, что к вам пришел старый, добрый друг Генриха Маркса, имеющий определенные обязательства перед его памятью и его детьми...

— Простите... — Женни поднимается. Слышен плач из детской.

— Вот видите, ваша девочка напоминает мне о моем долге! — Эссер, улыбаясь,

идет вслед за Женни в детскую. — Разрешите?..

При виде незнакомого человека Женнихен замирает, потом снова начинает хныкать.

— Ну, в чем дело? — Женни берет девочку на руки. — Познакомься, пожалуйста.

Эссер шутливо протягивает руку.

— Ваше имя, фрейлейн? Простите, не расслышал!.. — Оборачивается к Женни. — А я ведь помню и вас в таком возрасте. Я знал вашего отца...

Они возвращаются в гостиную. Теперь Эссер сидит с маленькой Женнихен на коленях. Пауза.

— Я очень ценю вашу доброту, господин Эссер... — Женни продолжает прерванный разговор. — И хотите, скажу вам откровенно? Мне очень хочется вернуться домой. В Трир. Он мне снится по ночам... Но боюсь, что ваше предложение для нас неприемлемо. Для меня и для Карла. Это потребовало бы от него слишком большой жертвы...

— Какой жертвы! О чем вы, фрау Маркс! — с отеческой укоризной восклицает Эссер. — Никаких жертв, поймите же вы! Только лояльное сотрудничество, о котором нет речи. Он сможет выбрать все что захочет. Университет, адвокатуру, государственную службу. Наконец, даже публицистику, если она его так прельщает. Он получит самый широкий выбор. Я уж не говорю

о материальной стороне... У вас дочь... Простите, что я об этом упоминаю...

— Нет, что вы! И я очень ценю вашу доброту и откровенность. Но как быть с идеями, которым посвятил себя Карл? Ведь он от них никогда не сможет отказаться.

— Я не вполне знаком с этими идеями, фрау Маркс. Но полагаю, что любые идеи могут быть направлены в полезное русло.

— Но мы, например, считаем, что монархия в Пруссии должна быть упразднена. Как и повсюду в Европе... Мы живем ожиданием этого. И я думаю, не вернемся на родину, пока нас не призовет туда революция...

Эссер молчит. Он искренне опечален.

— Это единственное, чего я вам не могу обещать, — говорит он наконец.

И уже смотрит на часы.

Они прощаются в передней. Эссер наклоняется к Женнихен, целует ее. Вот его зонтик, цилиндр.

— Был очень рад...

— Спасибо, господин Эссер... Как жаль, что нет Карла! Он будет очень огорчен... Надеюсь, вы когда-нибудь еще заглянете к нам?

— Боюсь обещать. Мне ведь уже много лет... Передайте, пожалуйста, мой привет Карлу.

Он медленно, держась рукой за перила, сходит вниз по лестнице.

Старый парусник пересекает Ла-Манш. Впереди — материк, Остенде.

Маркс и Энгельс на палубе.

— А мне его жаль, — говорит задумчиво Энгельс. — Это все-таки Вейтлинг... Целая эпоха...

Маркс смотрит на воду в солнечных бликах, на мелькание чаек, неотступно сопровождающих корабль.

— Тебя не пугает неизвестность? — спрашивает он вдруг.

— Нет, — отвечает Энгельс. — Я ведь еще ничего в жизни не успел. Не совершил ни одного поступка... Вот разве что поссорился с отцом...

Маркс молчит. Мысли его сейчас далеко.

— Знаешь, я каждый раз волнуюсь, когда возвращаюсь домой, — признается он неожиданно. — Что там? Я оставил ее одну с ребенком, в чужом городе... Никто так не жесток со своими близкими, как люди, пекущиеся о всеобщем благе. А ведь я просил ее руки... если это так можно назвать. И женился на ней, имея самые честные намерения — преподавать философию в университете, писать какие-нибудь там ученые книги и жить, как живут нормальные люди. Потом появились кое-какие идеи, но опять-таки не было мысли, что я же и сам должен заниматься их осуществлением... Потом встретился ты! В общем... бедная моя Женни!

— Ты думаешь, она была бы счастлива замужем за каким-нибудь приват-доцентом?

— Я сам мечтал быть приват-доцентом, Фред!

Брюссель.

Маркс с саквояжем в руке стремительно приближается к своему дому. Взлетает по ступенькам лестницы. Звонит. Дверь открывает незнакомая девушка.

— Наконец-то! Мы так давно вас ждем, доктор Маркс! — восклицает она радостно. И даже не понимает его удивления.

Впрочем, наконец поняла:

— Вы меня не узнаете?.. А Трир? Римская улица? Не помните?

— Бог ты мой! Ленхен! Совсем взрослая! Неужели это ты?

— Это я, — отвечает Ленхен, та самая Ленхен, девочка-служанка в старом доме Вестфаленов. — И я теперь живу у вас! Пойдемте же поскорее...

— Теперь нас было четверо, — вспоминает пожилой Маркс. — С нами была Ленхен. Ее прислала к нам мать Женни. Это было как нельзя кстати: ребенок требовал ухода, а дом нуждался в домоправительнице... Нельзя сказать, что мы одиноко жили в нашем брюссельском изгнании. Как-то само собой получилось, что составилась круг хороших друзей. Без них не проходил теперь ни один вечер. Это были наши единомышленники, и хотя не существовало еще никакой организации, но что-то похожее уже намечалось...

Громкий смех, возгласы, табачный дым, — в тесной гостиной брюссельского дома собралось по меньшей мере человек десять, и, похоже, у всех громкие голоса. Поводом для веселья служит письмо, которое читает сейчас — пытается дочитать — молодой человек в форме артиллерийского офицера, Йозеф Вейдемейер.

— Подождите же, господа, терпение! — в который раз уже пробует он установить

тишину. — Послушайте дальше! Вольф! Жиго!.. — И, так и не докричавшись ни до Жиго, ни до Вольфа, продолжает: — «Мы, вуппертальские социалисты, считаем, что надо составить прежде всего толковое обращение, из которого было бы всем ясно, что наши требования и разумны и справедливы...»

Становится тише. Остановился в дверях Маркс, слушает. Что-то шепнул соседу и поднял голову Энгельс. Успокоились, замолчали Вольф и Жиго. Вейдемейер читает дальше:

— «Мы должны наконец потребовать от власть имущих серьезной помощи для облегчения страданий обездоленных и не-

счастливых. Лишь тот, в ком нет человеколюбия, чье сердце окончательно очерствело, может остаться равнодушным к этому призыву...»

На этот раз смеется и сам Вейдемейер.

— Ну и что там дальше? — спрашивает кто-то нетерпеливый.

— Дальше? Дальше они предлагают собрать подписи под этим воззванием и направить его прусскому королю!

— Только и всего?

— Слушайте, хватит вам! — вступает в разговор Энгельс. — Это, в конце концов, бессовестно — смеяться над простодушными людьми! Взяли бы и написали им, что мы думаем по этому поводу!

— Они предлагают созвать конгресс! — сообщает Вейдемейер.

— Вот и по поводу конгресса. Спокойно им все объяснить. Что конгресс созывать еще рано. Что они и сами еще к этому не готовы. И что смешно социалистам обращаться за помощью к королю.

— Вот ты и напишешь им такое письмо, — предлагает Маркс. — Как-никак твои земляки!.. Давайте дальше. Какие там еще письма?

— Еще четыре.

— Ого, мы сегодня посмеемся! — замечает Вольф.

— Погоди смеяться. Смотрите-ка! — Вейдемейер демонстрирует конверт. — Его вскрывали!

— А ты сомневался?

— Покажите-ка... Да, похоже...

— И этот, господа, и этот! Смотрите, как он заклеен!

Конверты переходят из рук в руки.

А в кухне Ленхен раскрывает дверцы шкафа.

— Но здесь ничего нет, фрау Женни!

— Как же нет! А яйца? Мы можем сделать яичницу.

— Яичницу? Что вы, фрау Женни! — Ленхен в искреннем изумлении. — Что о нас подумают! Гостям — яичницу! Вечером! Давайте я сбегаю сейчас к этому мяснику, это очень симпатичный француз. Я мигом.

— Нет, Ленхен, не надо, не беспокойся.

— Это будет очень быстро.

— Никуда не надо бегать, Ленхен. Ставь сковороду.

— Фрау Женни!

— Ленхен, поверь мне, я лучше знаю вкусы наших гостей.

Из комнаты доносится очередной взрыв смеха. На пороге кухни появляется Маркс. Потирает руки.

— Ну, скоро вы там? Все хотят есть! — И исчезает.

— Вот видите, — говорит Ленхен. — У нас нет даже ветчины. Как вы думаете подавать яичницу?

— Ставь, ставь сковороду, Ленхен! — смеется Женни.

В гостиной опять тишина. Вейдемейер пишет под диктовку Маркса:

— Созыв коммунистического конгресса мы считаем преждевременным... Единственная возможность объединения — это пока письменное обсуждение наших проблем и регулярная корреспондентская связь. Мы еще слишком разобщены и слишком позорному понимаем цели и задачи нашего движения... Нам надо прежде всего выяснить наши точки зрения, сблизить их, насколько это возможно... Это сложная и, вероятно, длительная работа, она потребует терпения...

— Большого терпения! — замечает не без иронии Вейдемейер.

— Большого терпения, — соглашается с ним Маркс.

— А ты не думаешь, что мы тем временем растеряем людей?

— Вероятно, многих, и это неизбежно... Пиши! — И Маркс продолжает: — Рекомендуем соблюдать при переписке больше осторожности и не ставить на конверте своего имени. Хорошо, если бы вы дали нам другой адрес... В свою очередь и мы...

Жиго, худощавый молодой человек, пожалуй самый молодой в этой компании, показывает рукой на себя.

— В свою очередь и мы, — продолжает Маркс, — просим адресовать письма... —

И тут только начинает понимать знаки Жигго. — Вам?

— Мне!

— ...господину Филиппу Жигго, архивариусу, — продолжает Маркс.

— Мне сам бог велел получать письма! — объясняет Жигго. — Пиши: улица святого Мартина, Брюссель...

И в это время — с тарелками, вилками, с двумя сковородками на подносах — входят, вползают в комнату Женни и Ленхен. Их встречают радостными возгласами.

— Убирайте-ка ваши бумаги! — командует Женни.

— С удовольствием! — слышится в ответ. — Сию же минуту! Ура, яичница!

— Вот видишь! — склонившись к Ленхен, замечает Женни.

Вечер. Маркс и Энгельс идут по улице.

— Ты уверен, — спрашивает Энгельс, — что эта переписка что-нибудь даст?

— А что ты можешь предложить взамен? — останавливается Маркс. — Журнал? Ежедневную газету? Собственное издательство, к тому же бесцензурное? Я думаю, что хоть таким скромным способом мы просветим пусть двадцать, тридцать человек, но это будут наши союзники. Я не вижу сейчас другого выхода. Не знаю...

Они продолжают путь.

— Кстати! По поводу издательства. — Энгельс извлекает из кармана конверт. — Я тут перед самым отъездом вдруг разбогател. Гонорар за мою книжку, бывает же такое... Я хочу, чтоб ты это взял.

— Нет, Фред, мы этого делать не будем. — Маркс посмотрел на него. — Нет.

— Почему «нет»?

— Прежде всего — почему «да»? Неужели ты думаешь, что я могу сесть тебе на шею? Тем более в такой ситуации, при твоих отношениях с отцом.

— Но у меня есть деньги, вот они. А у тебя их нет. Ты считаешь, я должен спокойно смотреть, как тебя травят, лишают возможности заработать, заставляют каждое утро думать о хлебе насущном?

— Хорошо. Я их возьму у тебя в долг

— Черт возьми! — Энгельс смотрит на него с досадой. — Ты рассуждаешь, как пошлый буржуа. Разве мы не посвятили себя одному делу!

И все с тем же выражением досады вкладывает ему в руку конверт.

Портрет на стене: Леопольд I, король Бельгии, во весь рост.

Полицейское управление. Чиновник за столом. Держит в руках бумагу. По другую сторону стола сидит Маркс.

— «Для получения разрешения на жительство в Бельгии я согласен, обязуюсь своею честью, не печатать в Бельгии никаких изданий, касающихся текущей политики», — прочитал вслух чиновник.

— Да, совершенно верно, — говорит Маркс. — Это мое обязательство, и я его не нарушал.

— И тем не менее ваши высказывания...

— Какие — устные или печатные?

— ...Ваши высказывания крайне радикального толка, — ровным голосом продолжает чиновник, — получили широкую известность, и, в частности, в Германии, о чем уведомят соответствующие посольства — как наше в Берлине, так и прусское посольство в Брюсселе. Для вас это, очевидно, не является неожиданностью...

— Для меня это полная неожиданность.

— Тем хуже. Разрешите ваш паспорт.

— Да, пожалуйста.

— Спасибо. — Чиновник внимательно изучает паспорт Маркса. — Посольство Пруссии уведомило нас, что он более не действителен для проживания за границей.

— Как это понимать?!

— Вам придется вернуться на родину.

— Разве я не пользуюсь правом политического убежища, как все эмигранты?

— Пользуетесь — до тех пор, пока ваше правительство не потребовало вашего возвращения.

— То есть, иначе говоря, высылки?

— Да, это можно назвать и так. Я очень сожалею, господин Маркс...

— Ну что ж, берите меня под стражу!
— Господин Маркс, это не входит в мою компетенцию.

Маркс молчит.

Чиновник задумчиво рассматривает паспорт.

— Я не вправе давать вам какие-либо частные советы, но в подобной ситуации есть только один выход...

Он откладывает паспорт, роется в бумагах на столе и сообщает как бы между прочим:

— Можно отказаться от своего подданства. Стать человеком без гражданства... Положение такого человека, конечно, незавидно. Он лишен всех прав. И все же, очевидно, это меньший риск, чем тот, которому вы подвергаетесь.

Он возвращает паспорт Марксу.

— Разумеется, я говорю вам это не как официальное лицо.

— Хорошо, спасибо. — Маркс несколько мгновений смотрит на свой паспорт и вдруг решительно разрывает его.

Изумление на лице чиновника.

— Не беспокойтесь. — Маркс рвет половинки паспорта пополам. — Я уже все решил. И мне ничего никто не советовал...

Маркс только что вернулся домой, раздевается в прихожей.

— Ну, рассказывай, зачем они тебя опять вызывали. — Женни сидит на диване у камина, шьет.

— А где Женнихен? — спрашивает Карл, будто не слыша вопроса.

— Я отправила ее на прогулку с Ленхен.

— А почему ты улыбаешься?

— Я не улыбаюсь.

— Меня вызывали по поводу моего обязательства...

— Вероятно, они считают, что ты его нарушаешь?

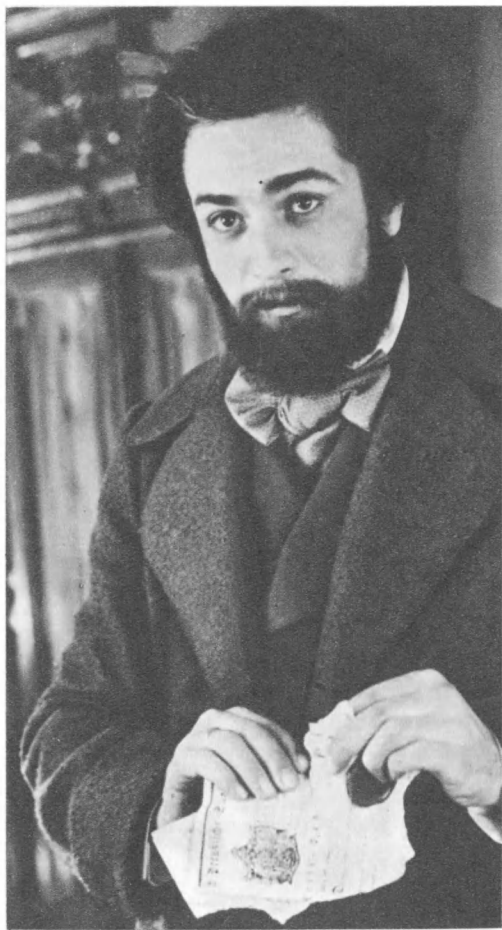
— Да, в известной степени.

— Им намекнули из Пруссии?

— Возможно.

— Что же ты им сказал?

— Сказал, что я его не нарушаю.

— И это все?

Женни продолжает шить, изредка с улыбкой поглядывая на Карла.

— Да, почти... А почему ты все-таки улыбаешься? Что случилось, Женни?

— Ничего не случилось. Все хорошо. — Женни снова загадочно улыбается и уже не может сдержать своей радости. — У нас будет еще один маленький...

Карл бросился к ней, крепко обнял.

— Ты доволен?

— Еще бы!.. У нас их будет много.

— Да, Карл.

Он заметил, что ей стало вдруг нехорошо.

— Дать воды?

— Нет, нет, не надо. Все прошло.

Она смотрит на него все с той же мягкой улыбкой. Потом лицо ее становится серьезным.

— Они могут выслать нас, Карл?

— Нет, нет...

— Это было бы сейчас некстати.

— Я тоже так думаю.

— А я уже готовилась к переезду.

Прикидывала, как лучше все упаковать. И подумала: как хорошо, что у нас есть Ленхен! С ней легче переезжать. И ты знаешь, — Женни смущенно улыбается, — я даже рассматривала карту, искала место, куда мы могли бы уехать. Лондон, Стокгольм, Амстердам...

Карл еще крепче обнимает ее.

— Нет, Женни, мы останемся в Брюсселе.

— Ты что-то недоговариваешь.

— Да... — после паузы произносит Маркс. — Ради этого мне пришлось отказаться от прусского подданства.

Пожилый Маркс вспоминает:

— Это был единственный выход в моем положении, единственно возможное решение. Оно по крайней мере избавляло меня от нежной опеки прусского короля. И собственно, я уже давно готов был к такому шагу. Но у меня была семья. Дочь... Поймет ли она мой поступок, не осудит ли меня когда-нибудь за то, что я, может быть, навсегда лишил ее родины?..

...Утро. Комната Маркса в брюссельской квартире. Сосредоточенные, почти не раз-

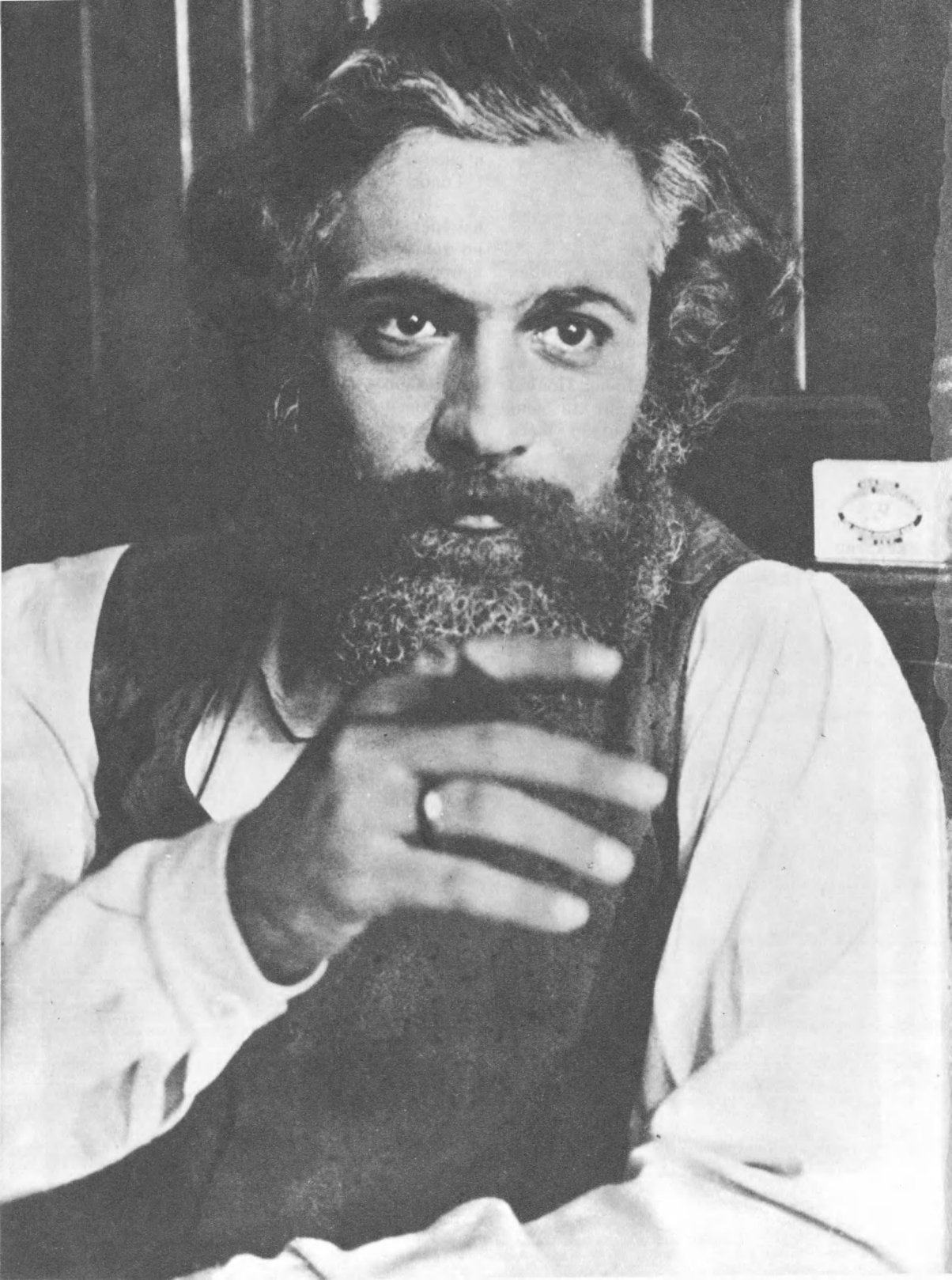
говаривая, обмениваясь лишь короткими репликами, которых мы не слышим, ходят по комнате Энгельс и Маркс. Сошлись посреди комнаты, разошлись, и так снова и снова.

Голос Маркса-рассказчика продолжает:

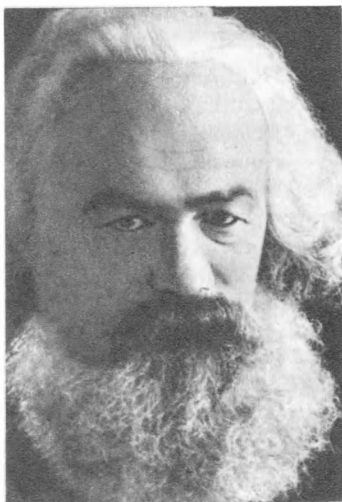
— Но сейчас уже поздно было что-либо изменить. Можно расстаться с чем угодно, но только не с мыслями, которые с тобой неотступно. После нашей поездки в Англию родились вопросы, требовавшие немедленного ответа или по крайней мере уяснения их самим себе. Мы подходили, как нам казалось, к открытиям, которые должны были многое изменить в жизни, в том числе и в нашей собственной...

...Снова смотрит на нас, словно с портрета, пожилой Маркс.

...Двадцативосьмилетний Маркс спит у себя в комнате на диване, укрывшись пледом, среди книг и бумаг, как всегда, разбросанных в беспорядке. Раннее утро.

Глава седьмая

Ночь. Две свечи на столе.

Шагают по комнате — вперед и назад, сходясь и расходясь, то в молчании, то в разговоре — Энгельс и Маркс.

Сошлись. Остановились. Энгельс:

— Одному бравому человеку пришло в голову, что люди тонут в воде только потому, что они одержимы иллюзией тяжести. Всю жизнь он боролся против этой иллюзии, а люди между тем продолжали тонуть!..

Дверь неожиданно открывается. Заспанная Ленхен на пороге.

— Вы можете говорить тише, господа? Я же вас предупреждала! — заявляет она не церемонясь.

— Хорошо, Ленхен! Если ты еще сварешь нам кофе...

Ленхен, поглядев удивленно, удаляется.

— Сей бравый муж, — продолжает уже шепотом Энгельс, склонившись над столом и записывая, — может служить прообразом современного немецкого философа, не желающего замечать реальности...

И снова они шагают по комнате, сходясь и расходясь...

Пожилой Маркс улыбнулся своим воспоминаниям:

— Мы прошагали, в общей сложности, наверное, много миль. И, кажется, никогда еще нам так весело не работалось и никогда мы столько не смеялись. Как всегда, мы увлеклись полемикой, благо, наши ученые мужи, и Бауэр в том числе, давали для этого богатую пищу. И, как всегда, Энгельс торопил меня с окончанием книги. Это было, пожалуй, единственным камнем преткновения в нашей работе и дружбе. Ему казалось, что я чересчур дотошен, а я считал, что он излишне торопится... Речь шла о новом мировоззрении — материалистической диалектике — и о том, чтобы применить ее не только к природе, но и к человеческому обществу, к его истории. Оказывается, оно развивается по тем же самым законам. Об этом еще никто никогда не догадывался. Этого не знали и мы сами. Мы впервые сформулировали этот вывод, работая над рукописью

«Немецкой идеологии». Прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией, люди должны есть и пить, иметь жилище и одеваться. Производство необходимых для жизни материальных благ и есть основа исторического развития. Всякие философские идеи, юридические и политические отношения, формы государства в конечном счете определяются экономическими отношениями, в которых живут люди. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание! Мы впервые написали это здесь, в этой брюссельской комнате...

— Фрау Женни!

Ленхен с маленькой Женнихен появляется в комнате, где Женни, склонившись над бюро, старательно что-то переписывает. Это рукопись Маркса — листки, испещренные помарками.

— Что, Ленхен?

— Ну и почерк же у доктора Маркса! — Ленхен из-за плеча Женни заглядывает в рукопись. — Как вы это разбираете?

— Да так, больше догадываюсь, — признается Женни. — А знаешь, когда он был студентом, он мне писал письма — таким легким, таким красивым почерком...

— Это потому, что он мало спит. И пьет по ночам кофе, — заключает Ленхен. — Когда же он наконец создаст эту новую науку?

Женни продолжает переписывать.

— Боюсь, что еще не скоро.

— Жаль! — вздыхает Ленхен.

Женни поняла этот вздох, отложила перо, повернулась.

— Ленхен, у нас совсем ничего не осталось?

— Откуда же, фрау Женни! Вчера этот противный француз...

— Он вовсе не француз, а бельгиец, Ленхен.

— Все равно. Он мне вчера заявил, что у него лавка, а не кредитный банк. Я не знаю, что такое кредитный банк... Знаете, что я ему сказала?

— Послушай, Ленхен. Так случилось, что ты сейчас самый богатый человек в нашей семье. Одолжи нам денег!

— Конечно, фрау Женни! Я так и подумала. Я сейчас схожу к этому французу и посмотрю, как он у меня будет вертеться! Я куплю всю его лавку!

— Не надо всю... И вот что, Ленхен. Такой уговор: мы не скажем об этом доктору Марксу, да?

— О чем вы говорите! Конечно... Зачем ему это знать? У него и так много забот.

— Хорошо, Ленхен.

Но Ленхен еще не закончила разговор.

— Фрау Женни, я слышала, доктор Маркс говорил, что в мире не будет ни бедных, ни богатых. Как это понимать? Значит, и вы никогда не разбогатеете?

— Боюсь, что так...

— Очень жаль. А у Женнихен до сих пор нет теплой одежды. И у вас... А доктору Марксу нужны его любимые сигары и пиво. А ведь все подорожало. И сигары тоже!..

Ленхен не видит, что на пороге комнаты стоит Маркс.

— Вы доставили мне много веселых минут, господа...

За длинным, внушительным столом сидит мужчина с седыми бакенбардами. Перед ним в креслах — Маркс и Энгельс.

— Особенно мне понравилось ваше намерение... — он прикладывает к глазам пенсне и, заглянув в лежащую перед ним рукопись, читает: «...разоблачить овец, считающих себя волками и принимаемых за таковых, — показать, что их бляение лишь повторяет, в философской форме, представления немецких бюргеров...».

Хозяин кабинета отрывается от рукописи и с интересом смотрит на посетителей.

— Сколько вам лет, господа? Очевидно, нет и тридцати?.. И такая зрелость суждений!.. Мне было очень приятно открыт для себя серьезных философов. Ведь сейчас философией занимаются все. И что только не пишут! Особенно, как ни странно, по поводу социализма. Иной раз даже старик Оуэн с его глупостями кажется скромным мечтателем, когда считаешь наши современные утопии...

— Вы, кажется, не жалуется и Оуэна?

— Не жалую, господа! Подумайте только, чем он был озабочен всю свою жизнь? Кто станет выполнять в будущем обществе равноправных тяжелые работы? Согласитесь, что это несерьезно!

— А как вы относитесь к Фурье, господин Фоглер? — вежливо осведомляется Маркс.

— Такой же чудак! Разве можно регламентировать жизнь людей? Их чувства, поступки? Я уж не говорю о Кабе... В этом царстве свободы будет такое уныние, что человечество через месяц попросится назад в рабство!

Маркс и Энгельс смеются.

— Вы не согласны со мной? — продолжает Фоглер. — За последнее время появилось слишком много пророков. И слишком много никчемных иллюзий... Любой сентиментальный прохвост, вызубрив четыре слова, уже готов читать проповеди человечеству!

— Нас радует, господин Фоглер, что вы так трезво оцениваете положение в современной немецкой философии... — замечает с улыбкой Маркс.

— Именно поэтому я терплю убытки как издатель. — Фоглер отвечает Марксу такой

же светской улыбкой. — Вот вы пытаетесь доказать, что социализм — это не досужая выдумка наивных мечтателей. А я, несмотря на мои социалистические убеждения, уже теряю в это веру...

— И мы не сумели вас убедить? — Энгельс кивает на объемистую рукопись, лежащую перед Фоглером.

— Нет, почему же... Например, борьба классов, о которой вы пишете, — это на сегодняшний день ближе к реальности, нежели всеобщее братство. Тут я с вами согласен! И вы правы, утверждая, что если коммунизму суждено когда-нибудь воцариться на земле, то это под силу сделать только тем, кого сегодня третируют и угнетают... Но ведь им нужны не тайные общества заговорщиков, а организация. Открытая организация... Скажите, я вас правильно понял, господа?

— Абсолютно правильно, господин Фоглер.

Фоглер поглядел задумчиво на двух молодых людей, ожидающих его ответа, затем поднял на ладони рукопись, словно желая оценить ее истинный вес.

— Я поздравляю вас, господа. Это действительно умная, честная и злая книга.

И положил рукопись на краешек стола, поближе к авторам.

— Именно поэтому она не будет издана, во всяком случае при моей жизни...

Он грустно усмехнулся:
— Это говорю вам я, человек, поседевший в сражениях с цензурой.

Улицы Брюсселя. Маркс несет под мышкой толстую папку с рукописью. Энгельс — рядом. Идут молча.

Энгельс вдруг вспомнил:

— Есть такой Кютман в Бремене. Слышал это имя?

— Да.

— Говорят, он согласен печатать книги, которые могут быть запрещены... Но он, конечно, не осилит такого объема...

Маркс не отвечает.

— Как ты думаешь, — продолжает Энгельс, — если нам разделить эту вещь и предложить один том одному издателю, второй — другому, например тому же Лёвенталю...

— Ты наивный человек, Фред, — откликается наконец Маркс. — Лёвенталь нас уже издавал и уже хватил с нами горя...

Пожилый Маркс вспоминает:

— Наша с Энгельсом книга так и не находила издателя. Что оставалось делать? Предоставить рукопись грызущей критике мышей!.. Мы смирились с этим в общем-то спокойно. Главная цель была достигнута — уяснение дела самим себе...

Едва рассвело. Улицы Брюсселя еще пусты. Маркс с саквояжем идет в городской ломбард.

Вот, выстояв длинную очередь, он оказывается перед окошком, где принимают вещи в залог.

— Английская работа? — Старик приемщик внимательно изучает серебряные бокалы. — Я вижу фамильный герб...

— Да, совершенно верно. А что вас смущает?

Приемщик из-под очков глянул на Маркса в окошко.

— Вы иностранец?

Вы угадали.

— У вас есть при себе какой-нибудь документ?

Маркс вынимает из портмоне удостоверение на гербовой бумаге.

— Вид на жительство.

— Благодарю вас, — изучив бумагу, возвращает ее приемщик. — Это очень редкий, я бы даже сказал, уникальный сервис, господин Маркс... Поймите, нам приходится быть шепетильными...

— Я вас понимаю.

— Позвольте узнать, сколько вы хотите получить за сервис?

— Не знаю.

— Скажите, вы когда-нибудь пользовались ломбардом, господин Маркс?

— Нет, никогда.

— Мы, как и все другие, взимаем шесть процентов за кредит.

— Да, пожалуйста, благодарю, — торопливо соглашается Маркс.

Старик приемщик отсчитывает деньги, монету за монетой. Еще раз взглянул на клиента и добавил еще одну.

Женни застаёт Карла спящим в кабинете. Осторожно присаживается на край дивана. Долго смотрит. Наконец, все еще осторожно, проводит рукой по его шевелюре.

Он сразу открывает глаза.

— Я опять заснул? Здесь? Скажи, который час?

— Утро. И у нас в доме гость!

Он обнимает ее.

— К черту! Никого не хочу видеть, кроме тебя!

— Кроме меня?.. А знаешь, кто тебя ждет? Вейтлинг!

— Вейтлинг?!

Карл резко поднимается. Она смотрит на него с улыбкой.

— Вот видишь, как легко ты можешь мне изменить!

...Вейтлинг в прихожей. Ленхен взяла у него пальто. Входит Женни.

— Мне, право, неловко, фрау Маркс. В такую рань гостей надо гнать в шею.

— К чему эти церемонии, господин Вейтлинг? Наш дом всегда открыт для друзей. И я ведь уже давно на ногах...

— Но доктор Маркс, кажется, ночная птица?

— Ну и что же! А мы пока с вами позавтракаем. Идемте.

Вейтлинг покорно следует за Женни на кухню.

— Вы можете мне помочь. — Она протягивает ему кофейную мельницу. — Вы не откажетесь от яичницы с беконом?

— Спасибо, вы так любезны...

— И не стойте, садитесь, пожалуйста. Будьте как дома.

— Спасибо, — повторяет Вейтлинг. Он кажется чуть сконфуженным. — Вы знаете, — говорит он секунду спустя, — я не избалован вниманием. Так уж сложилось. Семьи у меня нет да и не было... даже в детстве. С матерью мы расстались, когда мне было двенадцать лет...

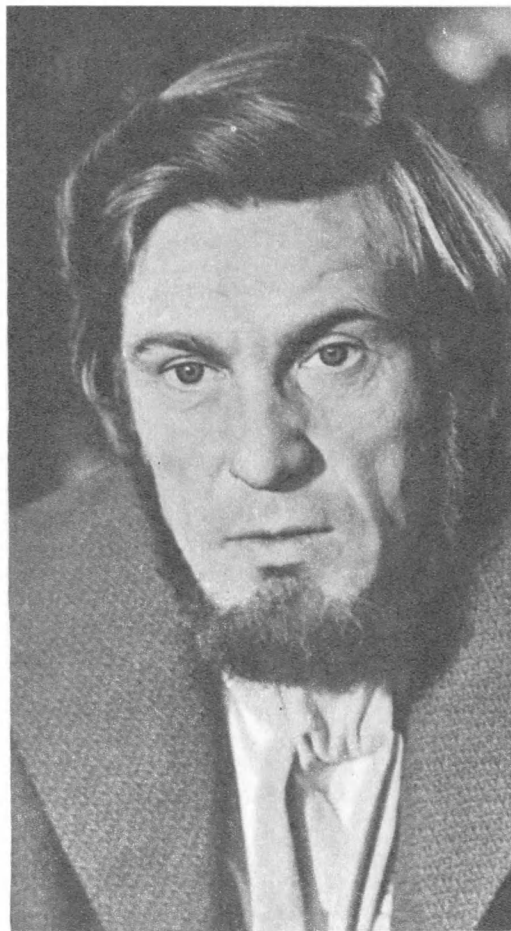
— Двенадцать лет?

— Да. Отец погиб на войне, он был наполеоновский офицер, француз... Вейтлинг — это фамилия моего крестного.

— Говорят, вы исколесили всю Европу...

— Да... Я спешил увидеть мир и познать его беды. У меня не было ни обуви, ни носков. Но уже была надежда, что я чем-то смогу помочь людям...

На пороге — Маркс.

— Здравствуйте, Вейтлинг! Вот видите, вас уже эксплуатируют. Пойдемте отсюда поскорее! Женни, ты нас позовешь.

...Вейтлинг рассматривает книги в кабинете Маркса.

— Всегдашняя моя мечта! Собрать книги... Мечта всех бездомных людей... — Взял с полки том в знакомом переплете. Это его, Вейтлинга, труд. Его портрет на титульном листе. — Скажите; Маркс, считаете ли вы себя моим учеником? — Полистал книгу, поставил обратно на полку. — Или такие люди, как вы, считают для себя зазорным у кого-то учиться?

— Нет, почему же, — не сразу отвечает Маркс. — Я всегда старался и стараюсь учиться, и как раз вы и ваши книги очень много значили для меня в моей жизни... Я даже скажу вам, что не было человека, которым бы я так восхищался, как вами.

— Вы говорите обо мне в прошедшем времени!

— Да, — признается Маркс. — Я думаю, что утопии, даже самые прекрасные, не могут долго владеть умами...

— Утопии?

— Да. Рано или поздно они теряют свое обаяние. Наступает момент, когда люди, которых вы взбудоражили своей проповедью, спросят вас, проповедника: а что же дальше? А, собственно говоря, куда и зачем вы нас ведете, есть ли у вас для этого основания, можете ли вы нам что-нибудь всерьез предложить?

Входит не вовремя Женни.

— Завтрак готов!..

Долгая пауза. Женни уходит. Маркс и Вейтлинг стоят в разных концах комнаты.

— А что бы вы сказали, — произносит наконец Вейтлинг, — если бы я приехал к вам с конкретным планом, который поддерживают сотни людей... Нам нужны вы и ваши люди, Маркс! Речь идет о революции. О вооруженном выступлении!

Небольшое кафе на окраине Брюсселя. Его арендуют немецкие рабочие-эмигранты. За сдвинутыми столами — Маркс, Энгельс,

Вольф, Жиго, Вейдемейер, еще несколько человек, среди которых — русский помещик и литератор Павел Васильевич Анненков, живущий сейчас за границей и приглашенный на это совещание. Обстановка деловая. Собравшиеся только что выслушали Вейтлинга. Негромкие, сдержанные вопросы. Вейтлинг — в конце стола, с трубкой в руке.

— И вы убеждены, — это голос Энгельса, — что ситуация сложится в вашу пользу?

— В нашу пользу, — отвечает Вейтлинг. — Да, господин Энгельс, я знаю положение в Германии, и я в этом убежден.

Пауза. Еще вопрос:

— Убеждены, что за вами последует большинство?

— Большинство, господин Анненков, — не без доли снисходительности замечает Вейтлинг. — всегда приводится в движение меньшинством.

— Вы, очевидно, имеете в виду какую-то определенную тактику?

Да, несомненно. Тактику внезапного удара.

Снова пауза. Вопрос Вейдемейера:

— Как же вы себе представляете эту революционную армию?

— Я не только представляю ее себе, но могу назвать ее численность. От тридцати до сорока тысяч бойцов.

— С оружием?

— Да, конечно.

Все молчат.

— Вы уверены, что за вами пойдет такая масса рабочих? — Вольф, сидящий рядом с Вейтлингом, поворачивает к нему голову.

— Почему же — только рабочих? Есть и другие слои общества, может быть, в еще большей степени обездоленные капитализмом! — с убежденностью отвечает Вейтлинг. И вот уже все громче звучит его голос: — Я соберу всех бродяг на дорогах Германии, всех, кого лишили крова и хлеба, обрекли на скитания! Есть ли еще люди, которым так ненавистна собственность — источник их унижения и горя! Они разнесут ее в щепы, можете мне поверить!

И опять зияющая пустота паузы.

Вейтлинг находит глазами Анненкова.

— Ваш соотечественник Бакунин написал об этом лучше, чем кто бы то ни было.

— Мы вам верим, Вейтлинг, — вступает в разговор Жиго, — но, простите меня, кто же тогда отличит истинного пролетария от какого-нибудь вора или бандита с большой дороги?

— Узнаю старую буржуазную песенку! — саркастически восклицает Вейтлинг. — Всякий, кто посягнул на священное право собственности, — вор! Всякий, кто бросил вызов несправедливости, — преступник, бандит! Только революция создаст настоящую, справедливую мораль и настоящее, справедливое право!

— Хорошо, Вейтлинг, — Маркс сидит, стиснув руки, в противоположном конце стола. Сейчас он впервые вступает в разговор. — Ну и все-таки: какими же основаниями вы оправдываете свою деятельность и свои призывы? Есть ли что-либо твердое и определенное, что вы можете предложить в качестве программы? Я имею в виду не тактику, а именно программу. Вы собираетесь поднять людей с оружием...

— Я понял ваш вопрос, доктор Маркс, — с серьезностью, даже озабоченностью отвечает Вейтлинг. — Скажу вам прямо: я не собираюсь открывать никаких Америк и не думаю, что нам нужны сейчас какие-то

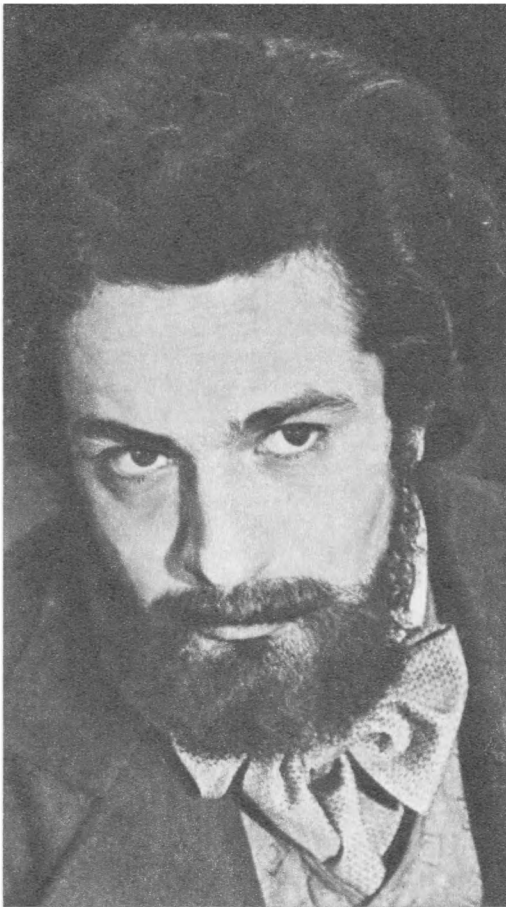
новые экономические теории. Тех, что есть, я полагаю, вполне достаточно, чтобы открыть рабочим глаза на ужас их положения, научить их не верить никаким обещаниям и надеяться только на себя! Вам нужны еще какие-то доктрины?

— Да, Вейтлинг, представьте себе, нужны! — уже не сдерживаясь, восклицает Маркс. — Поднимать людей, не давая им никакой серьезной программы и никаких гарантий, — это значит, простите меня, обманывать их! Возбуждать в них фантастические надежды! Вы подумали об этом? Фантастические надежды! Это значит вести их к гибели! Гибели, а не спасению!

Он, не выдержав, поднимается с места, делает несколько шагов в тишине, оставаясь.

— И вы это собираетесь делать не где-нибудь, а в Германии! В Германии обращаться к рабочему без строго научной идеи и положительного учения — это же, простите меня, несерьезно! Или преступно, одно из двух! Это игра в проповедника, где с одной стороны — вдохновенный пророк, а с другой — только ослы, которые слушают его разинув рот! Это нечестно, Вейтлинг! Поймите же наконец: люди без положительной доктрины ничего не могут сделать и ничего не сделали до сих пор, кроме шума,

вредных вспышек и гибели самого дела, за которое они принимались!

— Остановитесь и подумайте, кому вы это все говорите! — восклицает Вейтлинг. Краска выступила на его бледных щеках. — Вы это говорите человеку, который отдал жизнь делу пролетариев! Человеку, который собрал под одно знамя сотни людей во имя справедливости и солидарности!

Маркс сел на свое место.

— Вы хотите выхватить у меня это знамя? — продолжает Вейтлинг. — Пожалуйста! Берите его! За него заплачено дорогой ценой — ну и что же? Берите! Но только прежде объясните этим людям, которых вы называли ослами, что можете предложить

им вы и ваши друзья! Цитаты из ваших книг? Ваши кабинетные анализы и доктрины, сочиненные вами вдали от страдающего мира и от бедствий живых людей?

Маркс ударил по столу так, что зазвенела и зашаталась лампа на столе, и вскочил с места.

— Никогда еще невежество никому не помогало!

Вейтлинг, резко отодвинув стул, направляется к выходу.

Остановился.

— Не кичитесь своим ученым скепсисом, доктор Маркс! И боже вас сохрани заразить им пролетарские массы! Если вы отнимете у людей веру в близкую победу, вы потеряете все. И всех!

За столом царит тишина, хотя все уже поднялись. Заседание окончено. Только Маркс все еще шагает в необычайном возбуждении взад и вперед по комнате.

Пожилой Маркс:

— Теперь мы определенно знали, с чем идти к нашим единомышленникам. Коммунизм — это не выдумка мечтателей, а необходимый результат исторического развития. Он неизбежен, как неизбежна смена времен года. И не кто иной, как рабочий класс, сознает он это или нет, должен выйти на арену истории и преобразовать мир, завоевав политическую власть. Наступило время действовать. Нужна была организация.

Квартира Маркса. Здесь собрались Энгельс, Вольф, Вейдемейер, Жиго. Обсуждают пришедшие письма.

— И вот еще одно, — Жиго протягивает Марксу очередной конверт. — Видишь, даже без названия улицы. «Господину Жиго, Брюссель»... Они на почте уже знают меня.

— И даже, по-моему, слишком хорошо, — замечает Вольф. — Судя по этому конверту.

— А что, вскрыто? — поднимает голову Маркс.

— Конечно, видишь, как запечатано. Свежий клей.

Вейдемейер тем временем вскрыл другое письмо.

— Подождите-ка, послушайте! «Причина того, что среди рабочих кое-где еще наблюдается известное раздражение против ученых, заключается, уж вы нас извините за это слово, в высокомерии ученых...»

Все подняли головы. Вейдемейер продолжает, шутиво обращаясь к Энгельсу и Марксу:

— «Встречаясь с рабочими, они пускают в ход свои ученые бомбы, окружают себя неземным ореолом... Распространяя свои взгляды, действуйте добром. Критикуйте чужие взгляды, но старайтесь по возможности не задевать отдельных лиц и не пускайте сразу же в ход свои гусиные перья. Поверьте, это не годится! Это не по-коммунистически!»

Все смеются. Вейдемейер передает письмо Марксу.

— Они просят о встрече. Здесь, у нас. Они приедут из Лондона.

Маркс дочитывает письмо.

— Ну и прекрасно.

— Это люди Вейтлинга.

— Тем лучше. Кто этот Молль? Знаешь ты его?

— Он там у них, в Союзе справедливых. И, кажется, серьезнее многих других.

— Ты думаешь? Ну что же... — Маркс вертит в руках письмо. — Напишем, что мы согласны. Не будем пускать свои ученые бомбы!.. Вы знаете, я уже давно понял, что готовых социалистов мы с вами никогда не получим. Пусть приезжают...

Тридцатипятилетний, с ранней сединой, сурового вида человек предстал перед членами Корреспондентского комитета в Брюсселе, в маленьком кафе на окраине, том самом, где еще недавно происходила схватка с Вейтлингом. Человека зовут Йозеф Молль, он приехал из Лондона, там мы его однажды видели все с тем же Вейтлингом, на собрании в портняжной мастерской. Сейчас

он очень серьезен — предстоит важный разговор. Члены Корреспондентского комитета изучают документ — полномочия, которые он им предъявил.

Текст этого документа оглашает друзьям Вейдемейер:

— «Брюссель, господину Жигу, архивариусу... Братья! Настала пора решительных действий. Наши с вами переговоры должны иметь практические последствия. Лондонский комитет Союза справедливых обращается к вам с призывом к объединению на новых условиях. Для достижения взаимного соглашения необходимо предварительно обсудить ряд важных вопросов о нашей дальнейшей деятельности. Подписавшиеся члены Лондонского комитета уполномочивают Йозефа Молля и поручают ему от их имени вступить в переговоры с Корреспондентским комитетом в Брюсселе. Одновременно просим Брюссельский комитет дать гражданину Моллю, который является членом нашего комитета, точные разъяснения по всем вопросам, имеющим важное значение... Подписано: Карл Шаппер, Генрих Бауэр, Карл Пфендер...»

Вейдемейер откладывает бумагу и обращается к Моллю:

— Вы, наверно, голодны с дороги? Есть хотите?

— Нет, благодарю, — сдержанно отвечает Молль.

— Нам сейчас принесут пиво.

— Хорошо.

— Мы слушаем вас.

— У меня вопрос к доктору Марксу.

— Пожалуйста.

— Гражданин Маркс, — все с тем же спокойным достоинством произносит Молль, — если не ошибаюсь, три года назад, в Париже, вам было сделано предложение вступить в ряды Союза справедливых. Вы отказались.

— Да, отказался, — подтверждает Маркс, с интересом глядя на Молля.

— Считаете ли вы по-прежнему, — продолжает Молль, — что переписка — единственное средство объединения пролетариев?

— Мы так не считали и раньше, тем более не считаем сейчас. Мы за то, чтобы основать новую организацию. Мы считаем, что пришло это время.

— Значит, речь идет о новой организации?

— Новой в том смысле, что она должна основываться на научном, а не стихийном коммунизме. И иметь в своем арсенале те самые «ученые бомбы», которые кое в кое еще, как мы слышали, вызывают раздражение...

Молль не улыбнулся.

— А кроме того, — продолжает Маркс, — эта новая организация должна быть свободна от суеверного преклонения перед авторитетами, и в этом смысле должен быть пересмотрен ее устав...

Принесли пиво. Минута общего оживления.

Молль поблагодарил кивком, к кружке не притронулся.

— И наконец, — продолжает Маркс, — это должна быть, как мы считаем, не сектантская организация, не общество заговорщиков, а связанная с массами партия коммунистов, как бы она ни называлась, пусть даже Союз справедливых, если вам дорого это название. Дело в существе... Вот наши условия.

— Мы согласны!

С этими словами Молль поднимается и протягивает руку Марксу. Лицо его по-прежнему непроницаемо, и тем торжественнее выглядит рукопожатие.

И вот уже одна, другая, третья — протягиваются руки навстречу руке Молля. Они смотрят в глаза друг другу — Молль и Энгельс, Молль и Вейдемейер, Молль и Жиго, Молль и Вольф...

— Фрау Женни! Почта!

Женни сидит за бюро, переписывая очередной черновик Маркса. Ленхен — с пачкой писем в руках.

— Господину доктору Марксу... Месье Карлу Марксу... Может быть, от какого-нибудь издателя? Как вы думаете, фрау

Женни? Вот это, например. Такой солидный почерк. Наверняка издатель, и он предлагает нам деньги!

— Нет, Ленхен, денег нам никто не предложит. — Женни быстро перебирает письма. — Смотри-ка! Из Трира!

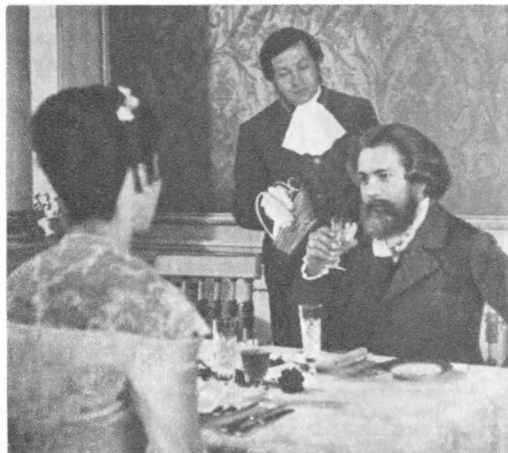
— Из Трира? — оживляется Ленхен.

— Что бы это могло быть? — Женни задумчиво вертит в руках конверт. — Знаешь, Ленхен, я, пожалуй, вскрою это письмо! — Вскрывают, конечно!

Женни еще помедлила и, взяв со стола ножницы, надрезала конверт.

Пробежала глазами письмо. Застыла.

— Что-нибудь случилось, фрау Женни?

— Да, Ленхен. — Женни растерянно смотрит на Ленхен. — Не удивляйся... Мы, кажется, действительно разбогатели! Карл получил от матери свою долю наследства...

Ресторан, какого мы еще не видели на всем протяжении нашего повествования. Ресторан для богатых людей. Бесшумно скользят официанты, в сиянии люстр, в тишине, в покое сидят, почти не двигаясь, дамы в вечерних туалетах, господа во фраках... Карл и Женни весело разглядывают публику. Их стол уже уставлен яствами не хуже других. Почтительно склонился, спросил, услышал ответ, понял с полуслова и удалился официант.

— А ты хоть взглянул на здешние цены? — спрашивает Женни.

— Нет. И не собираюсь.

— Тут, наверно, один этот рябчик стоит бог знает сколько!

— И пускай.

— Но в нем одни кости, Карл. Вот посмотришь...

— Женни, мы можем хоть когда-нибудь почувствовать себя богатыми? Это же просто интересно — как чувствует себя богатый человек.

Снова возникает официант. Интимно наклонившись к Карлу, демонстрирует ему бутылку вина.

— Прекрасно! — кивает Карл. — Это то, что мы обычно пьем.

— Мадам? — Официант, склоняясь, наполняет бокал Женни. — Месье?... Разрешите подавать горячее?

Они опять остаются вдвоем, и Карл поднимает бокал.

— Мадам?

— Месье? — в тон ему подхватывает Женни.

— Мы выпьем за наше свадебное путешествие, которого у нас не было! За Италию! Мы отправимся в Италию! Как только я разделаюсь со всеми статьями — их все равно никто не напечатает, — мы садимся в поезд и едем через Вену в Милан...

— А оттуда — в Неаполь, — продолжает Женни.

— И тогда 'уж морем — в Египет. Или в Грецию. Помнишь, твой отец мечтал побывать в Греции?

Пауза. Они медленно пьют, не сводя друг с друга глаз.

— А кроме того, я хочу, чтобы моя жена сшила себе самые красивые платья, и мы это сделаем сейчас же, не откладывая...

— Ах, Карл, тебе нужно пальто! — говорит Женни.

— А разве я сказал, что собираюсь ходить без пальто?

— Скоро зима.

— Тем более. Зимой без пальто — это просто, я бы сказал, неприлично!.. А может, мы махнем зимой в Швейцарию? Ты, я и девочки!

— А Ленхен?

— И Ленхен, конечно! Без нее — это для тебя не отдых...

Официант приносит горячее. Рябчики столь малы, что выглядят несколько нелепо на обширном блюде.

Он удаляется, и тогда Карл и Женни начинают смеяться.

Они смотрят друг на друга, смеются все громче... Потом Женни говорит задумчиво:

— Я люблю тебя, Карлхен! — И протягивает руку к его руке. — Ты самый лучший муж, какой только может быть. Если даже мы и не поедим в Швейцарию... А собственно, зачем нам туда ехать, разве нам плохо здесь?.. Я только прошу тебя: постарайся поменьше курить и не пей в таком количестве кофе — это совсем не полезно...

И они, так и не расцепив рук, улыбаются друг другу.

Карл Маркс продолжает свой рассказ:

— Нам с Женни так и не пришлось побывать ни в Греции, ни в Италии. Мы с Энгельсом отправились в Лондон: я — из Брюсселя, он — из Парижа. В те дни соби­рался коммунистический конгресс. Условия требовали конспирации. Делегаты из Германии, Швейцарии, Франции, Бельгии, Польши, даже из самой Англии съезжались сюда, в Лондон.

...Скромный зал просветительного общества. Здесь собрались делегаты конгресса, всего несколько десятков человек. Рядом с Марксом и Энгельсом — их друзья из Брюсселя и новые лондонские друзья.

Голос Маркса-рассказчика за кадром продолжает:

— Председательствовал на конгрессе делегат от лондонского округа немецкий коммунист Карл Шаппер — эмигрант, в прошлом студент, ныне профессиональный революционер. Энгельс был секретарем конгресса. Конгресс продолжался десять

дней. Заседания проходили по вечерам. Днем делегаты зарабатывали себе на жизнь...

...Стол президиума. Кафедра. На кафедре — Йозеф Молль. Он читает:

— «Раздел первый, статья первая. Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности».

Пауза. Тишина в зале. Председательствующий Карл Шаппер (внушительная, рослая фигура атлета, «живая баррикада», как его назовут полгода спустя, в дни революции) смотрит в зал.

— Есть вопросы?

Чей-то веселый голос из задних рядов:

— Пока нет.

— Голосуем.

Поднимаются руки.

В зал осторожно входит опоздавший. Остановился, прошел еще несколько шагов.

— Прошу прощения!

— Мы договаривались не опаздывать! — раздается строгий голос Шаппера из президиума.

Кто-то из рядов:

— У него жена рожает!

Веселое оживление в зале. Смягчился даже не улыбочивый Молль на кафедре:

— Ну и как, Генри?

— Все в порядке. Мальчик!

Смех, аплодисменты. Молль, дождавшись тишины, продолжает:

— «Статья вторая. Условиями членства являются: образ жизни и деятельность, соответствующие этой цели; революционная энергия и рвение в пропаганде; признание коммунизма; отказ от участия во всяком антикоммунистическом — политическом или национальном — обществе...»

Молль дочитывает статью устава.

Голос с места:

— Есть вопрос. «Образ жизни» — как это понимать? Нужно более конкретно!

— Я думаю, не нужно более конкретно, — отвечает с кафедры Молль. — А понимать это следует так: тот, кто вступил в наш Союз и назвал себя коммунистом, сознательно обрекает себя на жизнь, которая отличается от жизни других. То, что для другого человека — жертва, для него — счастье. То, что для другого является благополучием, для него — лишь постыдное прозябание, ибо он, коммунист, не мыслит своей жизни вне борьбы... — Молль смотрит в зал. — По-моему, ясно.

— Ясно, — отвечают из зала. — Продолжай!

Молль продолжает:

— «Тот, кто перестает удовлетворять этим условиям, исключается».

— Прошу голосовать, — говорит Шаппер.

Пауза. Поднятые руки.

Шаппер — Энгельсу, ведущему протокол:

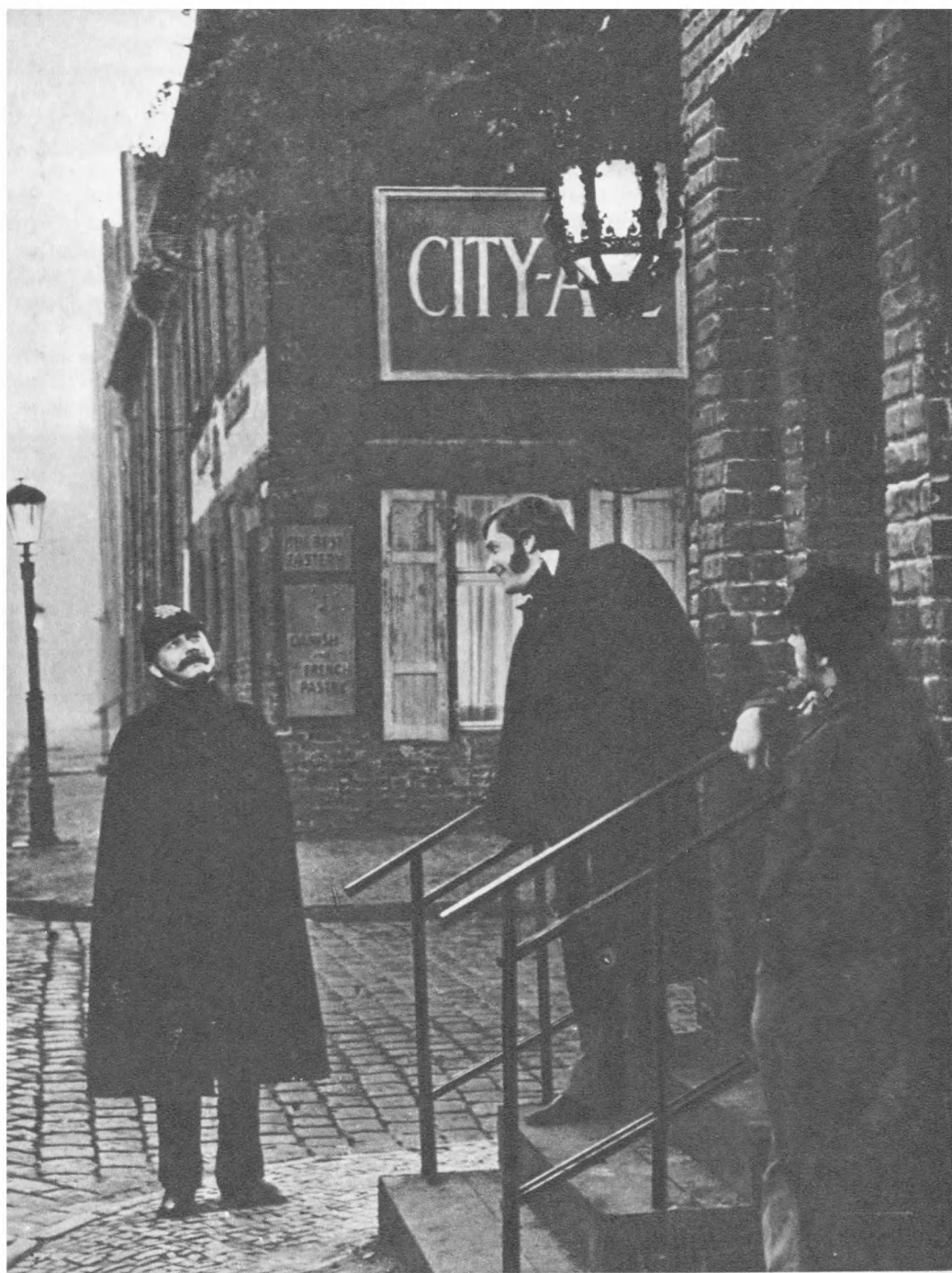
— Принято единогласно.

Молль продолжает:

— «Статья третья. Все члены Союза равны. Они — братья и, как таковые, обязаны во всех случаях помогать друг другу...»

Старый Лондон. Тихая улица в ноябрьских сумерках — Друри-Лейн.

Фридрих Лесснер, молодой немецкий рабочий-эмигрант, и его приятель со скучающим видом прохаживаются вдоль тротуара. В этом доме — табличка с номером 191 над парадным — заседает конгресс. Им, Лесснеру и его товарищу, поручена наружная охрана.

Остановились. Увидели констебля в каске. Констебль идет им навстречу. Они знакомы.

— Вечер добрый.

— Здорово, чудаки! Опять вы здесь? — Опять.

— Что-то стали собираться слишком часто... Не надоело? — Констебль посмотрел на освещенные окна. — О чем они там столько болтают?

— Да все о том же. О возможности счастья для всех.

— Дурачье! Для всех не бывает, — философски замечает констебль и удаляется.

Конгресс продолжается. Выступает делегат из Гамбурга. Поднял голову Маркс, перестал писать, слушает. Судя по его лицу, по другим лицам, назревает полемика.

— Братья из Гамбурга, — говорит делегат, — поручили мне выразить здесь наше несогласие по поводу изменения названия Союз справедливых, которое мы считаем единственно правильным и предлагаем восстановить. Мы не видим веских причин, почему наш Союз должен называться иначе... Далее, мы заявляем, что нам решительно не нравятся эти резкие нападки на Вейтлинга и его соратников...

Шум в зале.

— Нашему Союзу, — продолжает оратор, — не повредила бы бóльшая умеренность и единство. За то, что человек стоит на ступеньку ниже или выше, мы не должны подвергать его нападкам и раскалывать наши ряды!

С места поднимается молодой делегат:

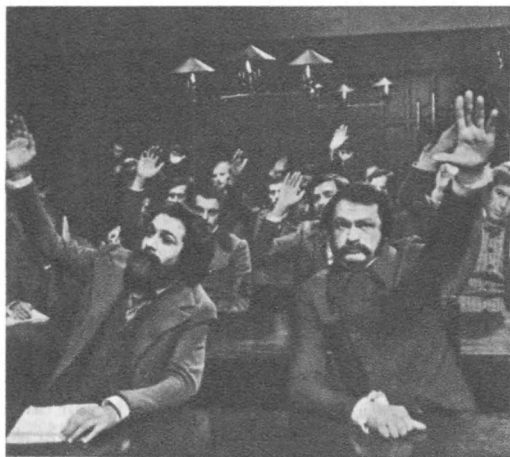
— Довольно с нас этой умеренности!

Другой делегат, человек более дисциплинированный, ждет тишины и, получив разрешение председателя, обращается к оратору из Гамбурга:

— Дорогой брат, могу ли я вас так называть? Мы — не рафинированные буржуа и говорим поэтому не намеками, а напрямик, то есть называем вещи своими именами...

Вслед за ним просит слова делегат из Брюсселя Вейдемейер.

— По поводу единства. Я считаю, что сто дельных людей лучше, чем тысячи, из которых половина нерешительных или, простите, болтунов... Не знаю, многого ли вы добились в Гамбурге с вашей умеренностью и осторожностью! — Он ждет, пока председатель успокоит зал. — Теперь — что касается названия. Для нашего Союза есть одно подходящее название, и мы его

выбрали — Союз коммунистов. Оно прямо выражает, что мы собой представляем и чего мы хотим. Название Союз справедливых означает все и ничего! Мы же должны отличаться определенностью!

Этот довод парирует второй делегат из Гамбурга:

— А не смущает ли вас, что слова «коммунизм», «коммунист» могут многих сейчас отпугнуть от нашего движения? Не все понимают ясно наши цели. Говорят, что мы вслед за общностью имущества хотим провозгласить общность жен! И тому подобное. Даже «социалисты» — и то звучит лучше, не так пугает!

Поднимается Маркс.

— Нет, мы не просто социалисты, мы коммунисты! И мы не стыдимся этого слова и считаем презренным делом скрывать наши взгляды и наши намерения. Тем, кому они не ясны, мы будем их терпеливо и открыто разъяснять. Да! Отныне мы выступаем открыто! И пусть под нашим знаменем собираются только те, кто действительно с нами!

Председательствующий Шаппер:

— Вы закончили, доктор Маркс? Я должен поставить на голосование поправку, предложенную делегатом из Гамбурга. Прошу внимания. Кто за предложение вернуться к названию Союз справедливых?

Только несколько делегатов голосуют за это предложение.

— Спасибо... Кто за название Союз коммунистов?

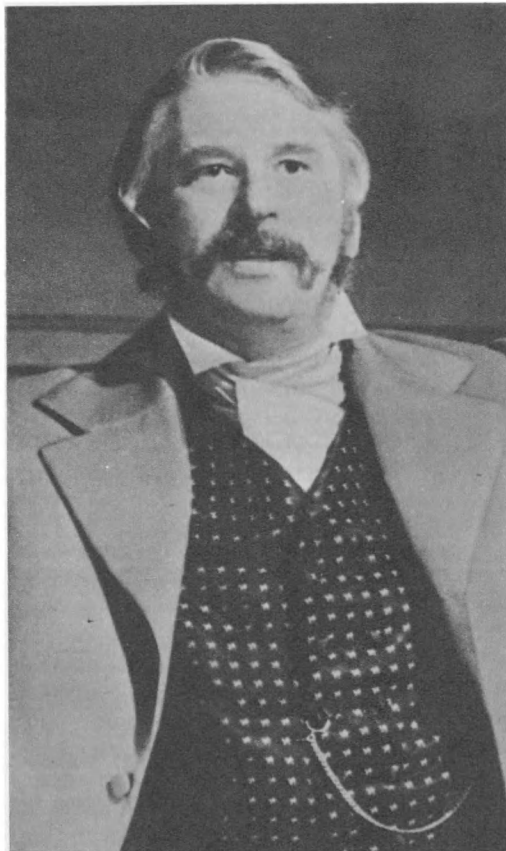
Поднимаются руки. Большинство.

— Спасибо. Принято большинством голосов, — невозмутимо констатирует Шаппер. — Прошу занести в протокол...

В зале улегся шум.

Шаппер продолжает:

— Есть предложение: на основе того, что здесь говорилось, разработать программу нашего союза — Союза коммунистов. Я предлагаю это поручить делегату от Брюссельского округа Марксу и делегату от Парижского округа Энгельсу. Кто за это предложение, прошу поднять руки... Спасибо. — Обращается к Энгельсу: — Сколько

времени вам потребуется, учитывая, что дело это не терпит отлагательств?

Энгельс смотрит в зал, на Маркса.

— Недели две, вероятно.

Шаппер:

— Две недели. Прошу занести в протокол.

Делает паузу, оглядывает зал.

— Дорогие братья! — Голос его торжествен; это заключительная речь. — Горизонт над Европой заволочил тучи! У нас есть все основания полагать, что мы идем навстречу революции. Мы идем ей навстречу, имея отныне свою партию — партию пролетариев. Я хочу вас поздравить с тем, что такая партия есть! Это мы с вами и сотни наших братьев. И тысячи, может быть, десятки тысяч тех, кто пойдет за нами, поняв наши цели!

Притихший, взволнованный зал. Лица Маркса и Энгельса, Молля и Вольфа. Лицо Шаппера и его взволнованный голос:

— Нас ждет трудный путь. Нам предстоит сделать все. Мир — это осеннее поле. Сеятелей пока мало. Но наш посев взойдет после зимы тысячекратным урожаем!

И Шаппер гордо провозглашает:

— Пролетарии всех стран, соединитесь!

Пожилой Маркс. Прошло много лет.

— «Пролетарии всех стран, соединитесь!» Это был наш новый лозунг, который предложили Энгельс и я взамен старого, расплывчатого: «Все люди — братья!»... «Пролетарии всех стран, соединитесь!» Нам казалось, что в этом есть энергия и есть призыв — «соединитесь!» Я помню этот вечер. Конгресс закончился, но все оставались в зале, не расходились. Уже все было переговорено, все решено, но какая-то сила держала нас. Мы стояли, смотрели друг на друга и не могли разойтись!..

Тот же зал. Делегаты стоят группками. Гул голосов.

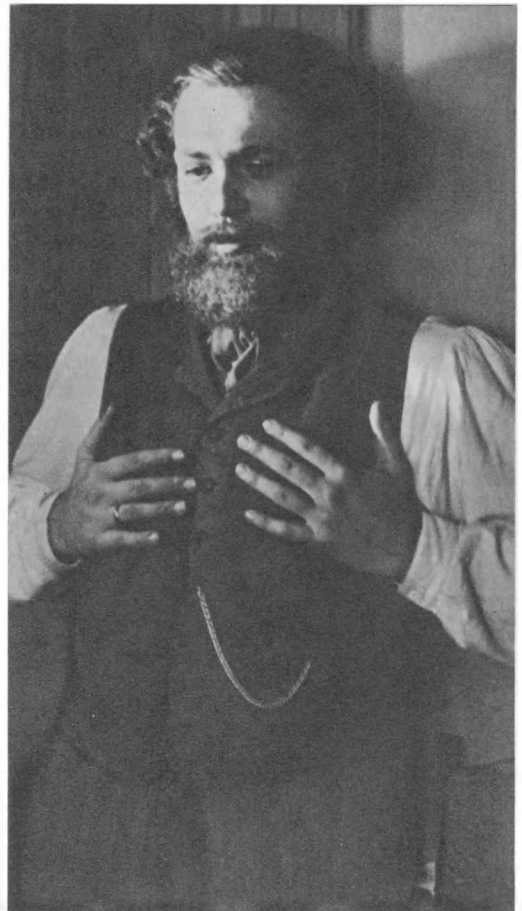
В одной из групп — Маркс, Энгельс, Шаппер.

— Друзья! — На пороге зала появился Молль. — Мы должны расходиться! Прошу внимания! Выходим не все сразу. По два-три человека. Лондонские товарищи помогут всем благополучно добраться домой...

...Скромная лондонская улица. Вечер, газовые фонари в облачках тумана. Молча, по двое, по трое, расходятся делегаты. Идут в разные стороны. Исчезли одни, появились другие...

Их шаги долго еще звучат в тумане, твердые, отчетливые, уходящие и опять возникающие...

Комната Маркса. Зимний день. Маркс шагает по комнате, Энгельс — за рабочим

столом. Стол завален бумагами. Кофе, ящик с сигарами — все по-прежнему.

— Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления, — читает вслух Энгельс, — и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии.

Пауза. Маркс раскуривает сигару.

— История всех до сих пор существовавших обществ, — продолжает Энгельс, — была историей борьбы классов...

Энгельс уже не читает, он импровизирует вслух:

— Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подма-

стерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу...

И вот уже вспыхивает Маркс:

— ...всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания...

— ...всего общественного здания, — повторяет, записывая, Энгельс.

...В комнату заглядывает маленькая девочка. Это Женнихен. Маркс посмотрел на нее с улыбкой и поманил к себе. Девочка продолжает стоять в дверях, наблюдая.

— На чем ты остановился?

— Я не останавливался, — отвечает Энгельс, продолжая писать.

Вслед за девочкой появляется Ленхен. Уводит девочку, осторожно прикрыв дверь.

— Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль, — читает Энгельс. — Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. — Он записывает конец фразы, встает.

— Буржуазия, — продолжает Маркс, — не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана»...

Энгельс снова за столом. Записывает.

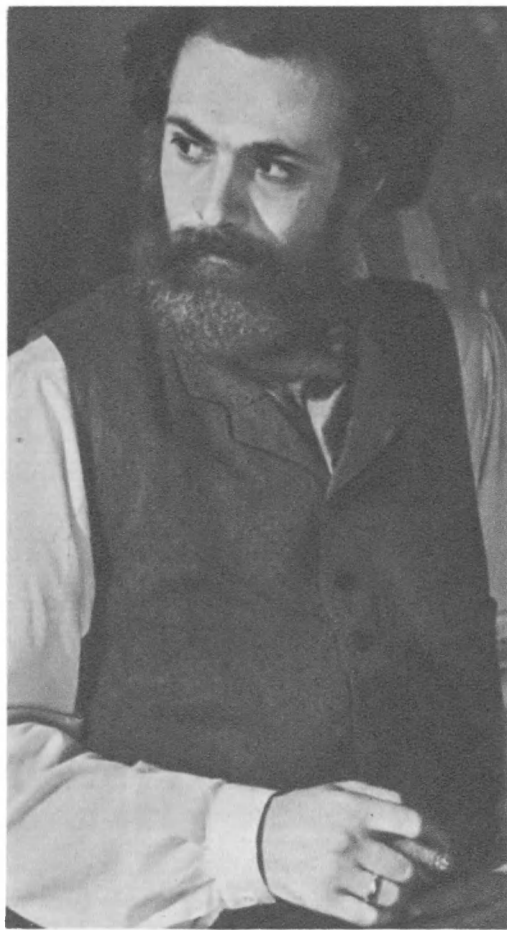
— Она лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными... Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих наемных работников.

Маркс останавливается, раскуривает новую сигару. Мы видим сейчас его лицо в клубах дыма. Он произносит медленно, напряженно, слово за словом:

— Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность... Менее чем за сто лет своего классового господства она создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые...

Входит Ленхен.

— Доктор Маркс, вам письмо.

И, оставив конверт, удаляется.

— Современное буржуазное общество, — диктует Маркс, — создает как бы по волшебству столь могущественные средства производства, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его закликаниями...

Молча прошел несколько шагов. И с новой энергией:

— Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии. Но она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, пролетариев...

Вспомнил про письмо. Вскрыл конверт. Заинтересованно пробежал взглядом первые строчки.

— Послушай, — обращается он к Энгельсу. — «Центральный комитет настоящим предупреждает, что, если «Манифест Коммунистической партии», составление которого было поручено гражданину Марксу на последнем конгрессе, не будет получен нами в Лондоне до вторника 1 февраля, против гражданина Маркса будут приняты дальнейшие меры».

Энгельс с усмешкой:

— А что я говорю? Будут приняты дальнейшие меры!..

Пожилой Маркс вспоминает:

— Это были счастливые дни нашей жизни. Мы были вместе. Росли наши девочки, рядом были друзья. И цель, которой мы себя посвятили, казалась все ближе и яснее. Надвигались события, которых мы так ждали...

Та же комната. Теперь за письменным столом — Женни. Маркс и Энгельс шагают по комнате.

— Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением, — диктует Энгельс. — Уничтожение частной собственности...

Женни поднимает голову.

— Только, пожалуйста, не так быстро.

— Вы приходите в ужас, — вступает Маркс, — от того, что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем нынешнем обществе частная собственность уничтожена для девяти десятых его членов; она существует именно благодаря тому, что не существует для девяти десятых...

Лицо Маркса в клубах табачного дыма. Окно. На улице ночь.

Та же комната. Солнечный зимний день. Маркс и Энгельс сидят рядом за столом.

Повернули головы. В дверях — Женни. Она в пальто, только что вернулась с прогулки.

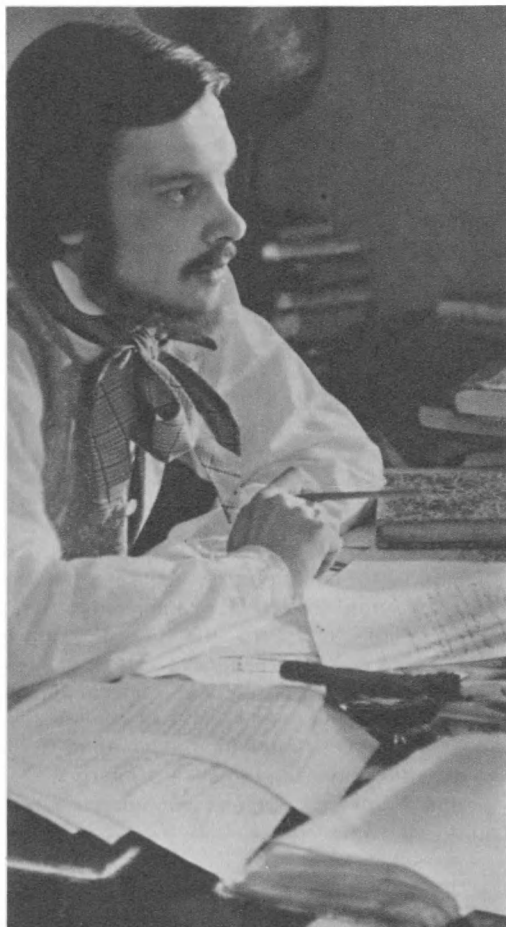
Смотрит с любопытством.

Маркс лукаво погрозил ей пальцем. Женни продолжает стоять.

— На место старого буржуазного общества, — читает вслух Энгельс, — с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех...

Посмотрел на Маркса, повторил:

— Хорошо... Условием свободного развития всех...

Дверь уже закрыта, Женнихен исчезла. Маркс склонился с кофейником над столом, разливает кофе в чашки...

Пожилой Маркс в своей лондонской квартире. Рассказ его подходит к концу.

— Через несколько дней мы отошлем нашу рукопись в Лондон. В феврале тысяча восемьсот сорок восьмого года ее отпечатают в маленькой типографии на Ливерпуль-стрит. Это совпадет с началом революции в Европе. Двадцать второго февраля придет в движение Париж. Двадцать четвертого восставшие свергнут короля и провозгласят республику. Двадцать седьмого начнутся революционные выступления в Брюсселе, и мы с женой отдадим все наши средства на вооружение рабочих. Четвертого марта меня и Женни арестуют и вышлют из Бельгии. Пятого марта мы увидим революционный Париж...

И снова ночь в брюссельской квартире Маркса. За столом Энгельс. Маркс стоит, прислонившись к стене.

— Коммунисты, — произносит он негромко, — считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения... Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией.

Тишина. Пишет Энгельс.

— ...Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир...

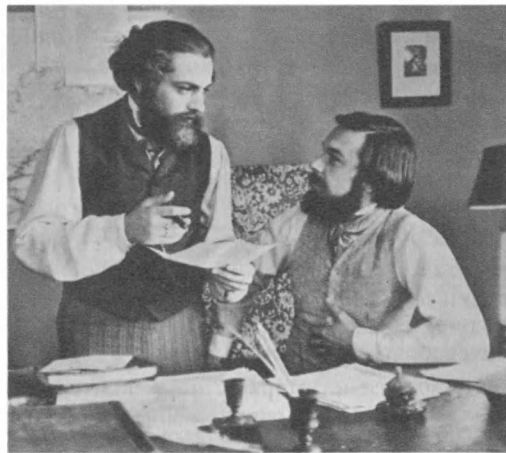
Эти последние слова звучат за кадром. Мы видим только руку Энгельса, перо, бегущее по бумаге.

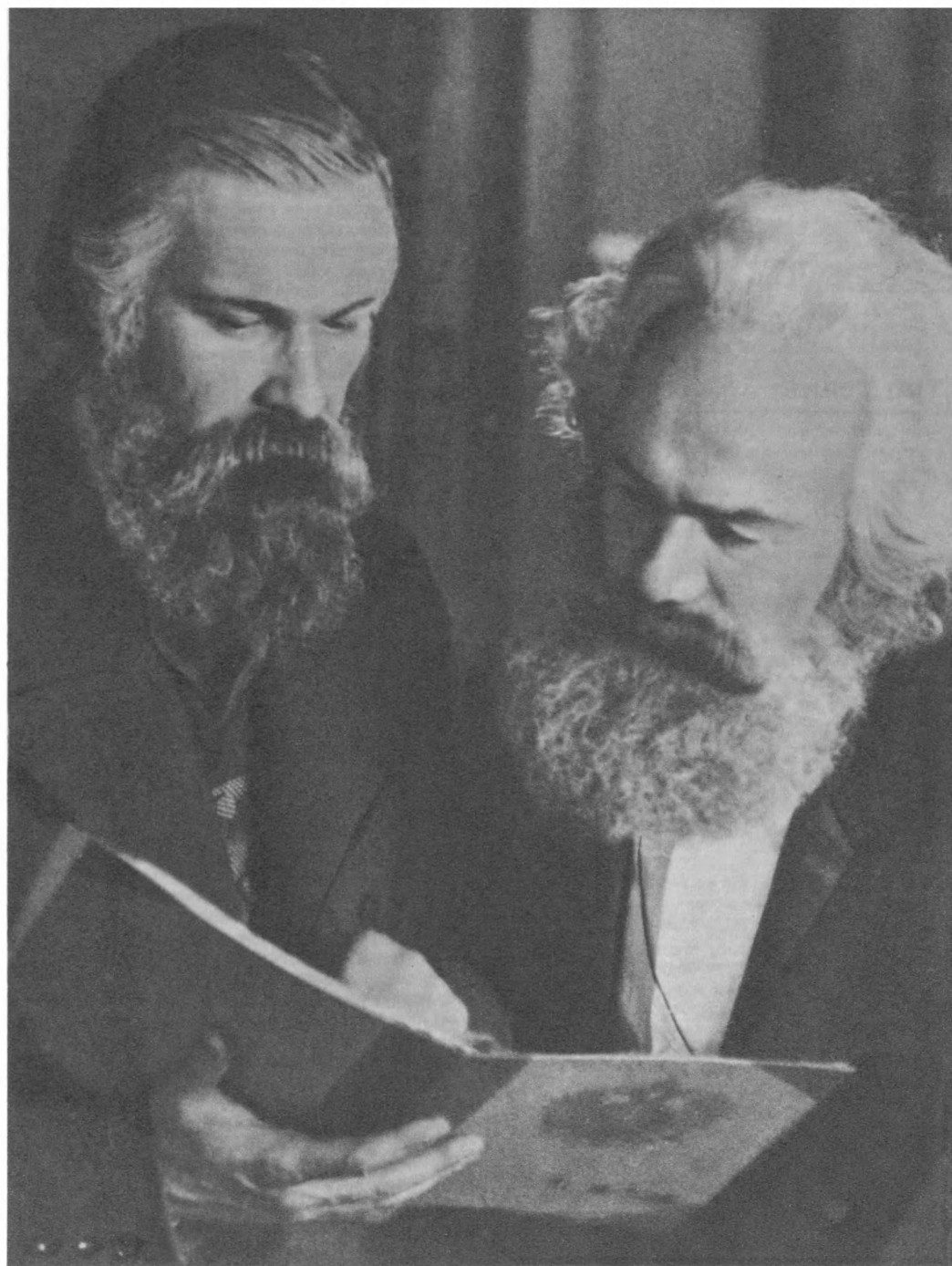
И вот мы отдаляемся от стола, перед нами — комната, уже другая.

И в тех же или похожих позах — Маркс и Энгельс. Прошли десятилетия. Это старый Энгельс и старый Маркс, тот, что поведал нам историю своей молодости.

Они словно не прерывали своей работы. Маркс задумался над очередной фразой.

Потом он обернулся к нам, и мы вновь встретились с его взглядом.

Карлу Марксу посвящены тысячи книг — монографии, диссертации, воспоминания современников; опубликована его переписка с десятками адресатов, была выпущена биохроника. Изданные у нас собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, их фундаментальные научные биографии позволяют советским людям приобщиться к сокровищнице великих идей этих титанов человеческой мысли и действия, узнать их ближе и глубже.

Однако к воссозданию образов Маркса и Энгельса мастера искусства обращаются нечасто. В чем тут причина? Казалось бы, какой благодарный и благородный материал, какое обширное поле деятельности! История вообще, а тем более биографии замечательных людей открывают богатые возможности для создания полнокровных, насыщенных реальными проблемами и по-настоящему современных художественных произведений.

Конечно, перед художником, задумавшим воплотить образ Карла Маркса, стоят немалые трудности. Чрезвычайно сложная, многогранная, необычайно яркая личность — как передать средствами искусства качества этого человека, богатство его характера и не обеднить, не упустить чего-то важного?

Другая трудность художественного воссоздания образа Маркса связана с тем, что произведение искусства всегда должно освещать события и характеры с новой, неожиданной стороны, даже если оно рассказывает о хорошо всем известном человеке или событии. Личностное отношение художника, его видение, его чувство и понимание, воплощенные в образе, — лишь они могут найти отклик в нашей душе, в нашем сознании. И в то же время, когда речь идет об исторических событиях и личностях, в особенности таких величественных, как Маркс, мы ждем от художника наиболее адекватного и глубокого, исторически верно отражения.

Более полувека назад Юрий Тынянов писал, что исторический материал «нужен зрителю, потому что делает современным, приближает и уясняет генезис эпохи, в которой зритель живет, а таким образом помогает ему ориентироваться. Он нужен художнику, потому что заставляет его работать вне выдуманных фабул, с их вечными «треугольниками», и героями, и соблазнаителями, а ставит точные фабульные условия, проверенные не художественным бюро, а историей»¹

Обращение к историческим сюжетам вообще исключает лихой, бойкий наскок. Обращение же к биографическому жанру требует особой точности, особой тщательности в изучении материала, в овладении им. Ибо автор должен не только передать какие-то детали, реалии времени, но и воссоздать подлинные характеры, психологию конкретных исторических лиц, проникнуть в существо коллизий эпохи и правдиво их воспроизвести. И чем сложнее духовный мир героя, чем масштабнее личность, тем более трудная задача стоит перед художником.

¹ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 348.

Вместе с тем задача художника, обращающегося к истории, отнюдь не состоит в констатации фактов, не сводится к изложению событий, конфликтов, к описанию действий исторических лиц, партий, классов, масс. Разумеется, художник всего этого избежать не может. И в то же время искусству противопоставлено слепое копирование действительности (в данном случае — былой). Искусство не выдает свои произведения за действительность, заметил Людвиг Фейербах; В. И. Ленин обратил внимание на эту мысль, зафиксировав ее в «Философских тетрадах».

Задача художника осложняется еще больше, когда он, воссоздавая исторический образ, обращается к самой широкой аудитории, к людям разного возраста, уровня образования, круга интересов, социального положения. А именно такова телевизионная аудитория, которой адресован фильм режиссера Л. Кулиджанова «Карл Маркс. Молодые годы».

Фильм давно снят, был восторженно принят зрителями разных стран, и хотя бы даже поэтому можно судить о том, что его сценарная основа, безусловно, удачна. Но ведь любой фильм по сравнению со сценарием обретает многие дополнительные краски: в нем действуют актеры, звучит музыка, реально видимые аксессуеры вызывают ощущение достоверности происходящего, дают иллюзию живой жизни. В сценарии этого еще нет; режиссер и актеры должны все это почувствовать за его скупыми строками. — разумеется, если перед ними настоящая литература.

Сценарий А. Гребнева, Б. Добродеева и Л. Кулиджанова вполне может рассматриваться как самостоятельное литературное произведение. Это не историческое исследование, не научная биография, а документальное художественное повествование, авторы которого предлагают собственную образную трактовку своего героя, собственное прочтение известных фактов его жизни.

Сценарий многосерийного телефильма — постройка значительная, требующая тщательного соблюдения пропорций и соответственно подразумевающая наличие строгого чувства меры у создателей. В данном случае оно им ни в чем не изменяет.

Вот что говорил о замысле картины Л. Кулиджанов: «Мы обратились в своем фильме к этапу жизни Маркса от 18 до 30 лет, к годам, проведенным им в Боннском и Берлинском университетах, ко времени, пожалуй, самому счастливому для него... Это были важнейшие годы молодого Карла Маркса, когда он пришел к убеждению о необходимости создания научного коммунизма и Коммунистической партии. Родился Маркс-ученый, Маркс-революционер. Однако меня в не меньшей степени привлекала возможность показать Маркса как человека»¹.

Существуют фильмы, посвященные жизни знаменитых писателей, художников и композиторов. Здесь сам род деятельности героев открывает перед авторами широкие возможности.

Но как показать жизнь мыслителя? Конечно, Маркс, как и его соратник Энгельс, отнюдь не был кабинет-

ным ученым, отгородившимся от вихрей современности штабелями научных трактатов: он деятельно участвовал в общественных делах, выступал как революционный публицист, был редактором прогрессивной газеты. Он вдохнул жизнь в рабочее движение и стоял у колыбели первых международных организаций рабочего класса — Союза коммунистов и Интернационала. И в то же время Маркс велик тем, что дал человечеству учение, которое вооружило рабочий класс, указало его цели и определило пути и средства их достижения.

Авторы сценария нашли единственно верный принцип — они решили показать *развитие* личности Карла Маркса, его становление как ученого и революционера. Это позволило осуществить в фильме постепенный переход от простых идей к более сложным, сохранить идейную и образную ясность на всем его протяжении.

Важно было из огромного биографического, исторического материала выбрать те моменты и на их основе построить такие эпизоды, в которых наиболее полно, разносторонне раскрылся бы характер главного героя и его современников.

Мы видим Карла Маркса в многообразных личностных проявлениях, во взаимоотношениях с друзьями, соратниками, родными, с любимой девушкой, которая становится ему преданной женой, в его взаимоотношениях с эпохой, средой. На наших глазах постепенно, как бы исподволь и в то же время вполне логично происходит чудо преображения юного весельчака студента, воспитанного в обеспеченной и благополучной буржуазной семье, сначала в защитника обездоленных крестьян, в демократа и борца против прусского абсолютизма, а затем в убежденного противника любого угнетения, мыслителя, идеолога самого угнетенного и самого прогрессивного класса — пролетариата.

В первой главе сценария мы знакомимся с общительным и веселым, умным молодым человеком. Мы, читатели и зрители, знаем, что ему предстоит стать великим Марксом. Но он-то сам этого еще не ведает! Как не знают этого пока и его современники. В немощном труде (груды книг, ночные бдения над томами, изучение, подробное комментирование), в общении с друзьями, в спорах с противниками, в редакторской, публицистической деятельности рождался, развивался, мужал борец и мыслитель.

Бурные дискуссии по политическим и социальным вопросам, ареной которых служил Докторский клуб в Берлине, помогли Марксу сопоставить свои мысли с идеями, одушевлявшими молодых либералов и демократов, способствовали его формированию как мыслителя. Авторы приводят нас вместе с Марксом в это удивительное пристанище смелых людей и смелых идей, где в самой непринужденной обстановке вспыхивала и разгоралась передовая философская мысль. Позже произойдет разрыв со многими умными людьми, наполнявшими кафе Штехели, когда обнаружится их неспособность осознать действительные задачи современности, пойти дальше буржуазного радикализма.

¹ «Лит. Россия», 1980, 13 июня.

Осмысление судьбы Маркса, осмысление исторической эпохи, породившей его, происходит главным образом через изображение интеллектуального конфликта героя и среды, героя и общества, когда личность, опережая обстоятельства, постигает цель, лишь в перспективе, в дальнейшем становящуюся целью класса, народных масс. Отсюда и непонимание со стороны бывших друзей и, казалось бы, единомышленников. Происходит разрыв с Бруно Бауэром, Адольфом Рутенбергом, Арнольдом Руге. А ведь поначалу мы видим, как они близки Марксу по своим устремлениям и идейным позициям.

Авторы счастливо избежали опасности показать героя вещающим великие истины с первого своего появления. В определенном смысле он обыкновенен с первых до последних страниц сценария. И этим он приближается к нам, людям, живущим сегодня. Он такой, как все, — поет песни по ночам с ватагой беспечных студентов, пьет пиво, любит девушку, читает книги, слушает лекции. И все-таки чего-то было в нем больше, чем во всех остальных, и это что-то дало всходы и плоды.

Маркс рано понял, что лишь критическое усвоение духовных богатств, накопленных человечеством, способно привести к новым качественным достижениям на пути исторического прогресса. И отсюда его ненасытное стремление как можно больше узнать, проанализировать, понять, просеять добытые знания, найти истину.

Каждый ли способен на такой кажущийся обывателем каторжным труд?

Маркс — сложная, богатая, сильная, цельная натура. Устремленность к цели, потребность познать и изменить мир, принести «счастье наибольшему количеству людей»¹ — вот что двигало им на протяжении всей жизни, вот стержень, вокруг которого лепился его характер и строились дела.

Постепенно эта цель, высказанная в гимназическом сочинении, пока еще весьма абстрактная, хотя и благородная, обретает определенные очертания, конкретизируется в борьбе за коммунизм, ибо только при коммунизме «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»².

Это положение «Манифеста Коммунистической партии» звучит в конце фильма, а пока перед юным Марксом — люди, встречи, страны, радости и утраты. И годы борьбы, которая будет продолжаться до последнего вздоха, той борьбы, которая позволила Фридриху Энгельсу с полным основанием сказать над могилкой друга: «...участвовать в деле освобождения современного пролетариата... вот что было в действительности его жизненным призванием»³.

Человек, однако, не рождается с готовой целью, судьбы не пишутся на небесах.

История человека, которую нам поведали авторы, — это история поиска пути, выбора. Для многих, знаю-

щих биографию Маркса лишь в общих чертах, возможно, стали неожиданностью и его метания и первоначальная разбросанность интересов.

В лапидарных эпизодах первых глав Маркс больше слушает, чем говорит сам, он соглашается с многими суждениями, и в то же время чувствуется, что юный студент, а затем один из редакторов газеты взвешивает слова собеседников и принимает лишь *рациональное* из того, что слышит.

Вот представители прусской буржуазии приглашают Маркса редактировать газету. Они прощупывают его, хотят выяснить его точку зрения. И Маркс соглашается с ними, с их заявлениями о том, что «настало время деловых людей. Тех, кто создает, а не тех, кто проедает!», о том, что «разум когда-нибудь восторжествует над глупостью». Но он эти утверждения понимает по-своему, вкладывает свой смысл. Тех, кто создает, он видит в народе, в трудящихся, и разум он вскоре увидит не в торжестве буржуазных либералов, получающих конституцию из рук монарха, а в грядущей победе пролетариата. И в дальнейших эпизодах это нам открывается.

В сценарии почти нет эпизодов, рисующих тяготы жизни пролетариев. Скупыми штрихами даются те жизненные впечатления, которые сыграли известную роль в переходе Маркса на позиции сначала революционного демократа, а затем и коммуниста.

Генрих Маркс пытается заинтересовать сына судебным делом, связанным с наследственным правом, а юный Карл, очевидно, слышит лишь унылый голос бедного человека: «Шестеро их у меня, господин юстиции советник... Это вот старший... с десяти лет пошел работать... Останемся под открытым небом...» Карла волнует сейчас совсем другое. У него свои проблемы — он влюблен и должен разлучиться с любимой. Но где-то в сознании юноши отложилось и это.

Затем слушание дел в городском суде Кёльна. Работа в газете. Виноградники Мозеля. Восстание силезских ткачей. Встречи с рабочими в Париже, Манчестере, Лондоне...

Маркс сопоставлял жизненные впечатления с тем, что узнавал из книг, обобщал, делал выводы. Мыслитель, революционер, деятель международного рабочего движения, он всегда жил полнокровной жизнью. И все же книги, аккумулировавшие в себе опыт человечества, с юных лет стали неотъемлемой частью его повседневного существования, орудием познания мира, средством активного приобщения к нему, помощниками в борьбе.

Даже то, как Маркс рассматривает книги в лавке букиниста («он рассматривает их с жадностью, готовый, кажется, скупить здесь все»), говорит нам о многом (через тридцать лет Маркс скажет, что его любимое занятие — рыться в книгах). Вообще этот эпизод, документально нигде не зафиксированный (как и некоторые другие эпизоды фильма), показывает, как проникновенно в суть характера исторической личности, великолепное знание документов и фактов эпохи позволяют реконструировать *возможные события* силой художественного воображения.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 7.

² Там же, т. 4, с. 447.

³ Там же, т. 19, с. 351.

Но там, где в самих исторических свидетельствах заложен готовый драматургический материал, там авторы уступают место документу, — и вновь рождаются прекрасные сцены.

Таков эпизод совещания с Вейтлингом. Воодушевленно, все более зажигаясь, Вейтлинг убеждает присутствующих: «...не думаю, что нам нужны сейчас какие-то новые экономические теории. Тех, что есть, я полагаю, вполне достаточно, чтобы открыть рабочим глаза на ужас их положения, научить их не верить никаким обещаниям и надеяться только на себя!» Вейтлинг призывает к немедленному революционному выступлению и, кажется, готов склониться на свою сторону слабо сопротивляющихся участников совещания. И лишь возражение Маркса звучит четко, ясно, неопровержимо:

— Это нечестно, Вейтлинг! Поймите же наконец: люди без положительной доктрины ничего не могут сделать и ничего не сделали до сих пор, кроме шума, вредных вспышек и гибели самого дела, за которое они принимались!

Вейтлинг не сдаётся. Защищая рабочих, которых якобы оскорбил Маркс, он вопрошает:

— ...Что можете предложить им вы и ваши друзья? Цитаты из ваших книг? Ваши кабинетные анализы и доктрины, сочиненные вами вдали от страдающего мира и от бедствий живых людей?

Маркс ударяет кулаком по столу так, что звенит и шатается лампа на столе.

— Никогда еще невежество никому не помогало! Блестящий эпизод! Здесь полное слияние исторической и художественной правды. Если сравнить это место сценария с текстом воспоминаний П. В. Анненкова, мы увидим лишь незначительные и не столь уж существенные добавления — реплики некоторых присутствующих, — но эти добавления столь органичны и уместны, что делают еще более рельефным, резким столкновение двух крупных характеров, двух политических позиций, по сути, двух эпох в мировоззрении — донаучной, утопической, волюнтаристской и строго научной, революционной, диалектической.

В этом эпизоде Маркс уже не тот, каким мы его видели вначале. Там он еще искал свой путь, здесь он уже твердо стоит на фундаменте историзма, четко осознает цель и пути ее достижения, он исторический материалист, коммунист. Как сформировался Маркс — об этом, собственно, весь фильм.

Из громадного материала авторы отобрали именно тот, который образно раскрывает духовное созревание, мужание великого человека. Правда, за рамками сценария остался важнейший период — несколько месяцев, проведенных в Кройцнахе после свадьбы, когда Марксом были проштудированы десятки томов исторических сочинений и тщательным образом заспектированы многие фундаментальные работы, — но мы видим результаты этого периода. Маркс в Париже значительно более зрелый, чем тот, каким мы его узнали в Германии. Исчезли иллюзии относительно сотрудничества с либеральной буржуазией и борьбы с прусским абсолютизмом оружием слова; сама жизнь (уход из «Рейнской газеты» из-за невозможности работать в цензурных оковах и нежелания

идти на компромиссы), а затем изучение истории приводят Маркса к революционным выводам.

Выбор сделан: Маркс становится на позиции рабочего класса, начинает изучать коммунистическую литературу. Но любимый его девиз — «Подвергай все сомнению!». Он должен сам все проверить, осознать, понять. Потому-то он не кидается в объятия к Герману Эвербеку и его организации рабочих, потому-то отстаивает свои взгляды в спорах с такой популярной среди рабочих личностью, как Вейтлинг.

Великолепно передана авторами фильма атмосфера эпохи, будь то диспуты, словесные сражения в Докторском клубе, будь то создание революционных сообществ рабочих в Париже, Лондоне, Брюсселе, будь то повсеместный духовный гнет в Прусском королевстве. Фигура Маркса вырисовывается на этом пестром историческом фоне.

Человек — совокупность общественных отношений, сказал Маркс. Авторы глубоко и точно восприняли эту гениальную мысль, облекли ее в конкретную плоть.

Прекрасно прочерченная в сценарии линия семейных, бытовых отношений еще не позволила бы нам увидеть в Марксе мыслителя и революционера. Этому способствуют эпизоды, где он встречается с разными людьми — учеными, публицистами, рабочими, крестьянами. Одни, как Энгельс, стали друзьями на всю жизнь, разделяя его взгляды, участвуя в рабочем движении. Другие оказались кратковременными попутчиками, а некоторые из них — позднее и яркими врагами. В отношениях с ними и с близкими проявлялся и шлифовался характер Маркса.

Авторы учитывают, что движение действия зависит от столкновений главного героя с другими персонажами; эти столкновения помогают ярче и многограннее воссоздать его образ.

Мы знаем по воспоминаниям и письмам современников, что даже враги не могли не восхищаться мощью характера и блестящим умом Карла Маркса. Благодаря своей сильной натуре, богатому творческому воображению, большой культуре, горячему темпераменту он в девятнадцать лет снискал себе авторитет в Докторском клубе, среди активных членов которого было много незаурядных людей того времени. Авторы не стали возвеличивать своего героя путем принижения других персонажей. В их изображении Бруно Бауэр, Луи Блан, Прудон, Бакунин, Вейтлинг вовсе не выглядят простаками. Хотя многие из исторических лиц появляются лишь в коротких эпизодах, они запоминаются, узнаются, они ярки. И порой можно задуматься: а не правы ли кое в чем оппоненты Маркса? Таков накал борьбы, в которой основоположнику материалистического понимания истории приходилось доказывать свою правоту.

В этой связи хочется напомнить один случай, рассказанный некогда Герценом Достоевскому: «Раз, когда я был в Петербурге, затащил меня к себе Белинский и усадил слушать свою статью, которую горячо писал: «Разговор между господином А. и господином Б.» (Вошла в собрание его сочинений.) В этой статье господин А., то есть, разумеется, сам Белинский, выставлен очень умным, а господин Б., его оппонент,

поплоше. Когда он кончил, то с лихорадочным ожиданием спросил меня:

— Ну что, как ты думаешь?

— Да хорошо-то, хорошо, и видно, что ты очень умен, но только охота тебе была с таким дураком свое время терять.

Белинский бросился на диван, лицом в подушку, и закричал, смеясь, что есть мочи:

— Зарезал! Зарезал!»¹

Придумывать себе слабосильных противников и затем с легкостью их сокрушать было не в стиле Маркса. Он боролся против реальных сил и совсем не глупых людей.

Так решается авторами нановременнейшая задача нашего искусства — показать цельный и сильный характер истинно героической личности. О воспитательной ценности достигнутого творческого результата нет нужды говорить.

Но у читателя может возникнуть вопрос: насколько же строго передает факты этот фильм? Таким ли был Маркс, точно ли так он говорил, в какой мере похожи другие персонажи?

Надо отдать должное авторам — они предельно достоверны. Даже те реплики героев, которым мы не найдем прямого документального подтверждения, вполне соответствуют тому, что известно об этих людях, об их мыслях и чувствах. Поэтому веришь: да, они говорили и действовали именно так.

В этой связи вспоминается мысль В. И. Ленина: «В художественном произведении важно то, что читатель не может сомневаться в правде изображенного. Читатель каждым нервом чувствует, что все именно так происходило, так было прочувствовано, пережито, сказано»².

А раз так, значит, авторы правы, когда посылают Генриха Маркса в Бонн, затем в Берлин (в действительности отец никогда не приезжал к Карлу); значит, они правы, когда приводят Маркса в дом Женни к моменту смерти Людвиг фон Вестфалена (в действительности он приехал в Трир за три месяца до смерти отца Женни); значит, они правы, когда создают прекрасную жанровую картину: Женни застает утром спящих Карла Маркса и Фридриха Энгельса, одного за письменным столом, другого в кресле (на самом деле в момент их парижской встречи Женни не было в Париже); значит, они правы, показывая эпизод написания «Манифеста Коммунистической партии». В январе 1848 года в Брюсселе (Энгельс в это время находился в Париже, и Маркс завершал работу над «Манифестом» один)...

Мы просто-напросто лишились бы этого фильма, если бы авторы связали себе руки обязательством не изменить ни одной исторической детали и ни в чем не нарушать хронологию.

Вот, например, небольшой эпизод: Маркс и Энгельс беседуют в манчестерской квартире Энгельса. Энгельс говорит:

— ...К чести английских рабочих, они напрочь лишены национальных предрассудков и национального тщеславия, я в этом много раз убеждался. Есть какое-то чувство одной общей семьи...

Это подлинные слова Энгельса, но были они написаны в одной из его статей, в другое время. Мог их сказать Энгельс в беседе с Марксом? Вполне.

В этом же эпизоде Энгельс знакомит Маркса со своей гражданской женой, ирландской работницей Мери Бёрнс. После ее ухода он говорит другу:

— Ведь я приехал сюда совсем другим человеком, и если за эти три года что-то во мне изменилось и что-то я начал понимать в реальной жизни, то это прежде всего — она. С ее какой-то удивительной мудростью и классовым чутьем... А как она разбирается в людях, как точно все оценивает! И при этом такая жизнерадостная вера, что скоро все изменится.

Эти слова написаны Энгельсом в одном из писем значительно позже.

Мы не знаем, как вообще произошло знакомство Мери и Маркса на самом деле. Возможно, совсем по-другому. Но мы верим, что оно могло произойти именно так, потому что здесь нет нарушения логики характеров. Да, очевидно, все так и было — и простота и независимость Мери, и некоторое замешательство Маркса, и стремление Энгельса объяснить свои отношения с этой молодой женщиной. И Маркс предстает перед нами с новой стороны: при всей своей духовной раскрепощенности он все же как-никак воспитан в буржуазной среде, и тот факт, что Энгельс в какой-то мере уже порвал в быту с предрассудками этой среды, ему еще нужно осознать.

Художественная правда, правда образов требовала появления в сценарии одних эпизодов и трансформации, смещения или смещения во времени других.

Как, например, смогли бы авторы раскрыть взаимоотношения отца и сына, если бы не дали возможности им встретиться? Читали бы за кадром их переписку? Что ж, такое тоже возможно, но это было бы уже иное произведение.

В сценарии, в отличие от романа или повести, характеры героев раскрываются главным образом в их поступках и речи. Короткие авторские ремарки лишь вводят новых действующих лиц, дают лаконичную оценку внутреннего состояния героев.

При создании образов Женни, Генриха Маркса, Энгельса, Гейне, Бакунина, Бруно Бауэра, Вейтлинга, Руге (пожалуй, это наиболее удачные образы людей из окружения Маркса) диалог использовался как главное средство.

Построенная на строго документальной основе (на письмах, воспоминаниях, сочинениях), речь героев выразительно очерчивает их характеры, склад мыслей и взаимоотношения.

Любой вид искусства опирается на условность. Мы заранее принимаем ее — иначе восприятие художественного произведения было бы попросту невозможно. Важно лишь, чтобы условность способствовала более глубокому образному постижению действительности.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 21. Л., 1980, с. 8.

² В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1976, с. 671.

С этой точки зрения вполне правомерен и удачен прием, использованный в фильме,— пожилой Маркс вспоминает прожитые годы. Повествовательные линии Маркса молодого, находящегося в процессе становления, и Маркса 70-х годов, умудренного жизненным опытом, битвами с идейными противниками,— эти две линии слились так естественно, что трудно себе представить другую сценарную структуру.

Сам по себе прием введения в фильм рассказчика, вспоминающего прошлое, не нов, но зачастую этот персонаж бывает на экране не столь уж обязательным, не несет большой идейной и художественной нагрузки, а выполняет лишь функции связки между эпизодами. Здесь же Карл Маркс 70-х годов не просто комментатор, не просто связующее звено в повествовании — это полнокровный художественный образ; это он, Маркс, каким мы его знаем по портретам и по гениальным произведениям, вспоминает — порой со свойственной ему иронией — дни своей молодости, говорит то энергично и страстно, то задумчиво о тех идеях, которые рождались в результате напряженной мыслительной работы его и Фридриха Энгельса.

Появление этого образа позволило вполне органично ввести в словесную ткань фильма формулировки ряда важных положений марксизма, полнее сказать о революционной сущности нового мировоз-

зрения, скорректировать наше восприятие некоторых исторических персонажей и ситуаций и в то же время ненавязчиво сделать черты характера молодого Маркса более рельефными, отчетливыми.

Фильм «Карл Маркс. Молодые годы» — прекрасный пример того, как надо показывать мир человеческих чувств, отношений, сложность духовной жизни человека. Показывать образно — при насыщенности глубокой мыслью, при четко выраженной классовой позиции, мировоззренческой ясности и определенности.

На XXVI съезде КПСС отмечалось: «В творчестве наших мастеров по-прежнему звучат высокие революционные мотивы. Образы Маркса, Энгельса, Ленина, многих пламенных революционеров, героическая история Родины вдохновляют их на создание новых интересных работ в самых различных видах искусства»¹.

Нет сомнения, что эти слова имеют прямое отношение к фильму «Карл Маркс. Молодые годы», который стал заметным явлением в идейной, культурной, духовной жизни нашей страны, в жизни других социалистических стран. И думается, тем, кто полюбил этот фильм, захочется еще раз восстановить в памяти его эпизоды, а теми, кто не успел его посмотреть, сценарий будет прочитан как увлекательное, умное, будящее мысль и чувство художественное произведение.

Ст. НИКОНЕНКО

¹Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 83.

Фильмографическая справка

Сценарий А. Гребнева, Б. Добродеева, Л. Кулиджанова, при участии Г. Пфайфера
Постановка Л. Кулиджанова
Главный оператор В. Юсов
Художники-постановщики П. Пашкевич, Г. Хельвиг
Композитор Б. Вефельмайер
Художники-гримеры А. Смирнов, Т. Смирнова
Художник-фотограф В. Кузин
Главный консультант Г. Багатурян
Редакторы В. Погожева, Э. Хайден

В ролях:

Карл Маркс — Венцеслав Кисев, Женни фон Вестфален — Рената Блюме, Фридрих Энгельс — Александр Сафронов, Генрих Маркс — М. Цетче, Генриетта Маркс — Э. Пеликовски, Софи Маркс — Б. Коммерель, Лион Филипс — Л. Броневои, Людвиг фон Вестфален — Р. Христоф, Каролина фон Вестфален — Т. Зенде, Фердинанд фон Вестфален — И. Зибеншу, Ленхен Демут — В. Клягина, Мери Бёрнс — Е. Цыплакова, Эссер — В. Кох-Хоге, Бруно Бауэр — Х. Бенеке, Рутенберг — Д. Хайнце, Дитрих — Г. Зиверс, Король Фридрих-Вильгельм IV — Г. Хегельвальд, Обер-президент — Х. Шрайбер, Кампхаузен — Э. Кляйн, Долешаль — Ю. Хольци, Сен-Поль — Г.-Х. Вебер, Фоглер — Х. Хассе, Арнольд Руге — Ю. Будрайтис, Агнес Руге — В. Гитова, Генрих Гейне — Э. Марцевич, Бакунин — Л. Кулагин, Эвербек — Г. Тараторкин, Луи Блан — М. Хуциев, Прудон — В. Езепов, Ламене — О. Стриженов, Бёрнштейн — В. Татосов, Вейтлинг — И. Ледогоров, Молль — К. Айхель, Вейдемейер — Г. Богачев, Жиго — А. Самойлов, Шаппер — В. Томкус, Вольф — Ю. Гусев.

Центральная киностудия детских и юношеских фильмов имени М. Горького и киностудия «ДЕФА» ГДР по заказу Государственных комитетов по телевидению и радиовещанию СССР и ГДР, 1980 год

Гребнев А. и др.
Г79 Карл Маркс. Молодые годы: Сценарий многосерийного худож. телефильма /А. Гребнев, Б. Добродеев, Л. Кулиджанов; Послесл. Ст. Никоненко. — М.: Искусство, 1982. — 174 с., ил.

В семисерийном телефильме известного советского режиссера Л. Кулиджанова на строго документальной основе воссоздаются события того десятилетия жизни К. Маркса (1838—1848 гг.), когда формировался его характер революционера, складывалось его научное мировоззрение.

Г 4702010200-017 91-82
025(01)-82

ББК 85.6
792.8

Анатолий Борисович Гребнев
Борис Тихонович Добродеев
Лев Александрович Кулиджанов
КАРЛ МАРКС. МОЛОДЫЕ ГОДЫ

Редактор
А. А. Черняков
Младший редактор
Н. В. Соколова
Художник
Е. Г. Клодт
Художественный редактор
Г. И. Сауков
Технический редактор
Н. Г. Карлушкина
Корректоры
Е. А. Мещерская
и Т. И. Чернышова

Сдано в набор 19.08.81. Подписано к печати 23.12.81. А13472. Формат издания 70×90/16. Бумага тифдручная. Гарнитура литературная. Глубокая печать. Усл. печ. л. 12,87. Уч.-изд. л. 15,46. Изд. № 6324. Тираж 30 000. Заказ 454. Цена 1 р. 30 к. Издательство «Искусство». 103009 Москва, Собиновский пер., 3.

Ордена Трудового Красного Знамени Калнинский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

1 р. 30 к.

КАРЛ МАРКС МОЛОДЫЕ
ГОДЫ

А. Гребнев
Б. Добрышев
Л. Кулиджанов